А.Г. Дружинин

РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОЙ ЕВРАЗИИ:

взгляд географа-обществоведа

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Г. Дружинин

РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОЙ ЕВРАЗИИ: взгляд географа-обществоведа

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

УДК 911.3
ББК 66.4 (2 Рос)
Д76

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор ***А.И. Чистобаев***
доктор географических наук, профессор ***В.А. Шупер***

Дружинин А. Г.

Д76 Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 228 с.

ISBN 978-5-9275-2041-1

В монографии с предметно-содержательных позиций общественной географии раскрыты основные тренды эволюции евразийского пространства в постсоветский период, отражено позиционирование в нем России. Предложена концепция, определены структура и границы «Большой Евразии». Освещены факторы и особенности российско-турецкого взаимодействия в общеевразийском и региональном (Причерноморье, Юг России) контексте.

Книга ориентирована на географов-обществоведов, а также специалистов в области политологического и культурологического анализа глобального и регионального развития.

Публикуется в авторской редакции.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-07-00016 «Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте и его проекция на социально-экономическое развитие регионов Юга России»).

ISBN 978-5-9275-2041-1 УДК 911.3
ББК 66.4 (2 Рос)

© А. Г. Дружинин, 2016
© Южный федеральный университет, 2016
© Оформление. Макет. Издательство Южного федерального университета, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

1. Русский регионализм в евразийском контексте 9

1.1. Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза 11

1.2. Подходы к делимитации и структурированию Евразии 31

1.3. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева 44

1.4. Меняющаяся глобальная геополитическая и геоэкономическая реальность: евразийская проекция 56

2. Россия в многополюсной Евразии 65

2.1. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа 67

2.2. Центро-периферийная стратификация евразийского пространства: постсоветские тренды 83

2.3. Геодемографические и социально-экономические детерминанты этнокультурного диалога в центро-периферийной системе современной России 89

2.4. Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики 103

2.5. Россия в современном евразийском пространстве: общественно-географические аспекты меняющегося позиционирования 118

3. Интеграционно-дезинтеграционные процессы в современной Евразии сквозь призму российско-турецких взаимодействий 135

3.1. Взаимодействие России и Турции в пространстве постсоветской Евразии: факторы, тенденции, проблемы, перспективы 137

3.2. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте 155

3.3. Роль Юга России в системе российско-турецких взаимоотношений 166

3.4. «Турция – геополитический соперник или союзник России?»: мнения ростовских студентов 186

Евразийские альтернативы России (вместо заключения) 204

Библиография 215

Посвящается *моему* ***Учителю****,*
Президенту Русского географического общества,
доктору географических наук, профессору,
заведующему кафедрой экономической
и социальной географии Санкт-Петербургского
(Ленинградского) государственного университета,
Заслуженному деятелю науки РФ

Сергею Борисовичу Лаврову

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представления о «Евразии», как особой общественно-географической, геокультурной реальности, зародились в начале 1920-х гг., когда Россия оказалась на очередном геоисторическом «переломе». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях разрушения биполюсного миропорядка, когда геополитическая махина Советского Союза, распадаясь, трансформировалась в аморфное «постсоветское пространство», евразийская идея, воплощенная в трудах ее апологетов «первой когорты» Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина и поддержанная, развитая Л. Н. Гумилевым, – вновь актуализируясь, начала обретать популярность, выходя на авансцену общественного сознания. Процесс ренессанса «евразийства» (рассматриваемого моим Учителем С. Б. Лавровым[1] в качестве важнейшей, наиболее адекватной и продуктивной для России геополитической, геокультурной и геоэкономической доктрины), тем не менее, затянулся. Нашей стране потребовалось почти два десятилетия фактического «топтания на месте» (и, соответственно, геостратегического «отступления», завершившегося глубоким социально-экономическим кризисом и очередной «волной» внешней экспансии), чтобы приблизиться к осознанию практической невозможности для нее (и неприемлемости!!!) раствориться (полностью игнорируя свои стратегические интересы и радикально видоизменяя социокультурные коды) в глобализационном «потопе», стать неравноправной, периферийной частью «Европы», «Запада».

Медленное, непоследовательное, секторальное, но, все же, в итоге, обретение нашей страной своей евразийской идентичности (проявляющееся ныне не только в научном дискурсе, социологических замерах, либо политической риторике, но и в уже реализуе-

[1] *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.

мых межстрановых интеграционных форматах) и, соответственно, рост популярности геоконцепта «Евразия», а также наметившийся в настоящее время «поворот» к идеологии «евразийства» – протекают на фоне многоаспектных, масштабных трансформаций самого евразийского пространства, изменения позиционирования в нем России.

Предлагаемая вниманию Читателя книга являет собой попытку осмысления (с предметно-содержательных позиций общественной географии) новых евразийских реалий. Данное издание объединило не только текстовые материалы, подготовленные непосредственно весной-летом 2016 года, но и ряд концептуальных и аналитических статей автора, опубликованных за два последних десятилетия (с необходимыми сегодня коррекциями и комментариями).

Презентуя этот труд (ориентированный, прежде всего, на географов-обществоведов, а также специалистов в области политологического и культурологического анализа глобального и регионального развития), хочется полагать, что книга вызовет интерес у читателей, а содержащиеся в ней идеи и аналитика окажутся востребованными как в системе высшего профессионального образования, так и в федеральном менеджменте при разработке стратегий развития России с учетом современного евразийского контекста.

1. РУССКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1. Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза[1]

Русский регионализм – понятие весьма емкое по своему содержанию, отражающее целый комплекс разноплановых явлений в их пространственной динамике. Речь по существу идет об особой, выступающей в планетарных процессах как некая целостность, территории, причем последней (в соответствии с глубинными закономерностями территориального саморазвития культуры) присущи характерные законы географического «поведения», собственная геокультурная «судьба». Территория эта, предстающая во всей своей конкретике как непосредственное проявление русского регионализма – результат этногенеза (процесса становления и развития русского этноса) и культурогенеза (формирования и трансформации присущих данному этносу механизмов социоприродной адаптации) в их взаимодействии с природно-территориальными комплексами (ландшафтами). Адекватным инструментарием ее научного анализа (в равной мере, как и исследования иных аналогичных территориальных образований) может, полагаем, явиться концепция геоэтнокультурной системы (ГЭКС). Основы данной концепции разрабатываются автором с 1991 года и апробированы в осуществленном совместно с С. Я. Сущим исследовании ряда аспектов географии русской культуры[2].

Суть концепции ГЭКС в самом общем виде сводится к следующему. Прежде всего, в ее рамках развивается и обосновывается

---

[1] По: *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

[2] *Сущий С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 1994.

представление о геоэтнокультурных феноменах, включая и саму ГЭКС как наиболее стабильную и генерализованную структуру геокультурного пространства. Основополагающим, при этом, является то обстоятельство, что любая этническая общность «культурна», выступает носителем определенных технологий, норм и стереотипов поведения, культурных ценностей, а культура – «этнична», т. е. неразрывно сопряжена с этносом, своеобразным ее материальным «носителем», детерминирована в своих состояниях общим ходом этногенеза. Обе эти субстанции «территориальны», так как испытывают на себе полномасштабное влияние географических факторов и пространственно организованы.

Планетарная геокультурная реальность являет собой не что иное, как совокупность разномасштабных и разноуровневых взаимодействующих между собой, несхожих по своему генезису, территориальным факторам и проявлениям ГЭКС. Анализ соразвития последних фиксирует их четкую и относительно устойчивую пространственную иерархию, позволяет вести речь о пяти основных территориальных уровнях культурного регионализма и, соответственно, различать пять типов ГЭКС: локальные, субрегиональные, региональные, суперрегиональные (цивилизации) и, наконец, общепланетарную[1]. Каждая ГЭКС отличается уникальным этнокультурным обликом, характерной ролью в региональном и общепланетарном геокультурном процессах, многообразными взаимосвязями и взаимозависимостями с другими аналогичными территориальными образованиями и целым рядом иных особенностей и характеристик. При этом в своей ретроспективе взаимосвязи между отдельными ГЭКС спонтанно трансформируются, что влечет за собой не только иерархические «подвижки» отдельных этнокультурных комплексов, но и становление новых территориальных уровней геоэтнокультурной системности – первоначально регионального, затем – цивилизационного, а с рубежа XV столе-

[1] *Дружинин А. Г.* Теоретико-методологические основы географических исследований культуры: автореф. дис. ... д-ра географич. наук. Санкт-Петербург. 1995.

тия и общепланетарного. На фоне стагнации одних ГЭКС и последующей их гибели наблюдается развитие иных территориальных общностей вследствие законов этногенеза также обреченных на неизбежный уход с исторической арены. Изменения, характерные для каждой конкретной ГЭКС и носящие комплексный, закономерный и неотвратимый характер, как, впрочем, и сопряженное с ними общее преобразование и обновление планетарной геоэтнокультурной реальности в целом, есть не что иное, как разноуровневые проявления единого фундаментального и всеобъемлющего процесса, определяемого нами как геоэтнокультурогенез.

Русский регионализм, иными словами географическое бытие определенной ГЭКС, его становление, развитие и функционирование, – это не только самостоятельный территориальный феномен, но и составляющая геоэтнокультурогенеза в целом. Присущая русскому этносу и русской культуре ГЭКС, подчиняясь универсальным геокультурным закономерностям (таким как целостность культуросферы, ее динамизм, иерархическая организованность ее пространственных таксонов, культурная поляризация и культурный регионализм), одновременно сама подвержена пространственной структуризации, расчленяясь на множество относительно обособленных (в рамках единого целого) образований – культурных (этнокультурных) регионов. Это также весьма немаловажный аспект русского регионализма. Данное понятие, кстати, имеет еще одну сферу своего применения, иллюстрируя процесс углубления региональной самоорганизации, развитие в рамках геоэтнокультурной целостности отдельных ее составляющих. Процесс этот, полагаем, имеет определяющее значение в плане перспектив русской культуры, русского этноса и, тем самым, русского регионализма в целом.

В своем территориальном аспекте процесс развития и трансформации культуры (культурогенез) предстает, по мнению автора, как последовательная, обусловленная целым комплексом факторов смена форм ее географического бытия, т. е. ГЭКС, Говоря о русском регионализме, мы в первую очередь имеем в виду современную форму географического бытия русской культуры, т. е. ГЭКС имманентную русскому (великорусскому) этносу, или,

по нашей терминологической версии, Великороссию. Аналогично иным ГЭКС данное территориальное образование по сути своей – биосоциально и имеет четко фиксируемое время и место своего «рождения», этнокультурных «предков». Оно обречено на последовательное прохождение присущих всем живым организмам стадий становления, развития, стагнации и гибели.

Концепция «Великороссии» призвана не только адекватно отразить сложившиеся геоэтнокультурные реалии, но и послужить инструментарием исследования географии русской культуры. При этом в самом термине «Великороссия» нет никакого намека на великодержавность и попытки провести аналогию с идеей «Великой Германии», «Великой Румынии» и т. п. Фиксируя сложившуюся ситуацию, в частности, особую роль русской культуры как стабилизирующего и объединяющего евразийское культурное пространство фактора, суперрегиональный статус Великороссии в культурно-территориальной иерархии, неадекватность ее границ геополитическим рубежам современной России и др., рассматриваемая концепция лишена сколько-нибудь шовинистической тональности и этнополитически в целом нейтральна. Сам термин «Великороссия» в данном случае – вовсе не дань величию России; он спроецирован с доминировавшего вплоть до конца XIX столетия самоназвания этноса, характеризующего динамику данной ГЭКС.

Определение временного рубежа зарождения Великороссии и даже самого факта образования данной геоэтнокультурной целостности существенно для понимания феномена русского регионализма. Современная русская культура – итог ее длительной геодинамики, продукт многократного соразвития многих ГЭКС. Об этом наглядно свидетельствуют византийские истоки православия, привнесенность монголо-татарской инновацией военно-политических стереотипов Великой Степи, заимствование многих компонентов светской культуры Запада и др. Русский культурогенез, следовательно, теряется в глубине веков и даже тысячелетий. Хронологически более различимы, хотя и не бесспорны, истоки российской государственности. «Начинаем историю Государства Российского с 862 года», – писал в этой связи замечательный рус-

ский историк Н. М. Карамзин[1]. Небесспорен и традиционно превалирующий в нашей историографии династический подход, берущий за отправную точку начало княжения Рюриковичей. Этот подход игнорирует не только факт существования более ранних форм политической организации у древних русичей, но и, что куда более существенно, принципиальные геоэтнокультурные различия Киевской Руси и Великороссии.

Многокомпонентный геоэтнокультурологический анализ дает возможность четко идентифицировать период становления Великороссии, а одновременно с ней и самого русского регионализма. Важно лишь заметить, что обновление формы географического бытия русской культуры и сопряженное с ним становление великорусского этноса представляли собой не мгновенный акт, а длительный многостадийный процесс. Его начало следует датировать монголо-татарскими завоеваниями (т. е. серединой XIII века, хотя географические предпосылки раскола единого геокультурного пространства Киевской Руси обозначились уже столетием ранее), кульминацию, безусловно, – битвой на Куликовом поле (по справедливому определению Л. Н. Гумилева[2], – момент осознания русскими себя как целостности), логическое завершение – второй половиной XV столетия (эпохой покорения Новгорода, укрепления централизованной московской государственности в целом).

Из наиболее существенных, принципиальных отличий Великороссии от ее «материнской» геоэтнокультурной первоосновы отметим, в первую очередь, оригинальный территориальный субстрат этнокультурного развития (или «месторазвитие» по терминологии одного из родоначальников концепции евразийства П. Савицкого), во многом предопределивший последующие черты и судьбу русского регионализма. Великороссия как самостоятельное геокультурное явление сложилось на особом, отличающемся своеобразием культурных процессов геопространстве. Обозначим его как «евразийский культурный ареал», имея в виду, что само понятие «евразий-

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 4 т. М., 1993.

[2] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.

ский» указывает не столько на географическую приуроченность, сколько на культурную специфику, отличность от геокультурных образований Западной Европы, Китая, Южной Азии и др.

Территория эта, осваиваемая преимущественно степными кочевыми культурами, эпизодически объединялась в огромные государства, являя не только политическую, но и геокультурную целостность. Становление последней из исторической череды подобных структур пришлось на XIII век, и северо-восток древнерусского социума, представлявшего в тот период геокультурную периферию Византии, помимо своей воли оказался ее составляющей. Обусловленное этим укоренение инновационных элементов в системе русской культуры происходило на фоне активизации процесса этногенеза, становления нового этноса и, соответственно, ядра новой ГЭКС.

Не берусь судить, этногенез или культурогенез послужили причиной формирования Великороссии, поскольку вопрос этот не только весьма дискуссионен, но, по-видимому, в принципе не имеет однозначного ответа. Очевидно лишь, что этногенез в данной ситуации предстает одним из ведущих факторов и составляющим геоэтнокультурных преобразований, а сам этнос – материальным «носителем» культуры и ее производной. Если согласиться с тем, что зарождение великорусского этноса было предопределено всей совокупностью геокультурных реалий, то одновременно можно ставить вопрос и о геокультурной обусловленности последующей территориальной экспансии Российского государства (фактического геополитического преемника империи Чингисидов) и, соответственно, русской культуры – явления, объединившего ГЭКС евразийского культурного ареала, придавшего последнему устойчивость и культурную целостность.

Формирующаяся ГЭКС обрела также и новый общесистемный центр (в подобном качестве неизменно выступала Москва, лишь на два столетия уступив часть столичных функций Санкт-Петербургу), и собственную периферию, охватившую множество разномасштабных, функционирующих в пределах евразийского культурного ареала геоэтнокультурных целостностей. Это пре-

допределило суперерегиональный статус Великороссии в общепланетарной культурно-территориальной иерархии. Включение русской культуры в новые инновационные поля первоначально произошло благодаря геополитической доминанте Золотой Орды, а на последующих этапах – вследствие расширения пределов и собственно российского государства.

Этот факт, а также возросшая дистанцированность от Запада (в геокультурологическом его понимании), наконец, обретение великорусской ГЭКС иного территориального качества – все это знаменует собственно геокультурный аспект различий Великороссии и Киевской Руси, этих двух самостоятельных ГЭКС, по существу выступающих несущим элементом всего русского культурогенеза. Акцентирую, геоэтнокультурное своеобразие Великороссии, ее равнозначность в ряду мировых цивилизаций осознавались русской интеллектуальной элитой уже к середине XVI века (идея «Третьего Рима» в этой связи не только симптоматична, но и обоснована геокультурологически). Ныне эта принципиальная в плане этнического самопознания и формирования адекватной геостратегии России позиция, пожалуй, как никогда ранее нуждается в последовательной защите от примитивного западничества. Примитивного, поскольку в своем стремлении «включить» Россию в Европу не учитывает, что современная западная культура (чье распространение обусловлено становлением общепланетарной культурной системности и, в этой связи, по существу неизбежно) и собственно западная цивилизация – явления не вполне тождественные. Более того, дистанцированность между нами все возрастает.

Необходимо уточнить также, в этой связи, что Киевская Русь – важнейшая, но не единственная геокультурная «предшественница» Великороссии, в равной мере как и последняя – лишь одна из наследников древнерусской традиции. В этой связи лишь этнополитической ангажированностью можно объяснить стремление отдельных украинских коллег[1] вслед за академиком М. Грушевским

[1] Социально-экономическая география Украины / Под ред. О. И. Шаблия. Львов. 1995.

представить Киевскую Русь как государство украинского народа, т. е. народа, которого в X–XIII вв. как и великороссов по существу еще не было.

Характерные различия Киевской Руси и Великороссии обнаруживаются и в видоизменившемся в послемонгольской Руси общем поведенческом стереотипе, что само по себе – верный признак этнической трансформации. Невозможно однозначно утверждать, восприятие ли традиций степной воинской доблести и воинственности, в том числе и на основе прямого поглощения соответствующего этногенетического «материала», или же (если согласиться с теорией пассионарности Л. Н. Гумилева) взрыв этногенеза был тому причиной, но на фоне почти повсеместного для Руси второй половины XIII века общекультурного оскуднения и геополитического упадка «появилось новое поколение – героическое, патриотическое, жертвенное. Иными словами, появились люди, ставящие идеал (или далекий прогноз) выше своих личных интересов или случайных капризов. Пусть их в XIII веке были единицы, в XIV их дети и внуки составляли уже весомую часть общества. Эти пассионарии стали затравкой нового этноса, впоследствии названного «великороссийским»[1].

Зная истоки русского регионализма, легче различить стадийность в последующей геодинамике Великороссии, определять ее «возраст». Растянувшийся на многие столетия период становления великорусской ГЭКС, хронологическая «размытость» этнокультурного перехода от одной территориальной системности к другой позволяют с большей точностью зафиксировать момент завершения геосистемного оформления русской культуры, ее вступления в период бурного территориального развития, включающего стремительное расширение геопространства, уплотнение геокультурного каркаса и др. Данное состояние ГЭКС наблюдалось около пяти столетий тому назад на рубеже XV и XVI веков. В этой связи, с учетом хронологической протяженности предшествующего этапа, когда на «руинах» Киевской Руси в течение двухсот лет закладывалась новая геоэтнокультурная общность, можно кон-

[1] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.

статировать, что Великороссии ныне – около 6–7 столетий. Много это или мало? Судить об этом можно лишь соотнеся полученный результат с носящим вероятностный характер периодом саморазвития русской культуры в ее нынешней территориальной форме, периодом, в целом адекватном полному циклу жизнедеятельности великорусского этноса.

Точно спрогнозировать, когда тот или иной этнос (либо соответствующая ГЭКС) перестанет быть географической реальностью, а перейдет в категорию явлений прошлого – не представляется возможным. Последнее связано с зачаточным состоянием современного этнологического знания, однако, не только (и не столько) с этим. Геоэтнокультурогенез в целом, подчиняясь определенным закономерностям, носит одновременно и вероятностный, стихийный характер. «Судьба» конкретной ГЭКС может зависеть от природных катаклизмов (резкие изменения климата, засухи, наводнения), экологических (исчерпание природно-ресурсной базы и т. п.), военно-политических катастроф и целого ряда иных обстоятельств. В определении же вероятностной «продолжительности жизни» Великороссии стоит, полагаем, пойти двумя путями. Первый – основываться на использовании метода сравнительных аналогий, когда во внимание берутся соответствующие показатели геодинамики других ГЭКС, причем не любых, а удовлетворяющих ряду непременных условий, таких, как прослеживаемое в геоэтнокультурных трансформациях генетическое «родство», равноуровневость в культурно-территориальной иерархии, возможность более или менее четкой фиксации факта становления общности и ее гибели. В нашем случае наибольший интерес представляют две суперрегиональные системы: Рим и Византия. Циклы их саморазвития (и это весьма симптоматично) заняли схожие периоды – около 1200 лет. Именно этот временной диапазон по мнению Л. Н. Гумилева представляет собой тот рубеж, по достижении которого любой этнос либо рассыпается, либо сохраняется как реликт – состояние, в котором саморазвитие уже не ощутимо.

Иной способ судить о великорусской исторической перспективе связан с анализом тенденций геодинамики русской культуры, ее

структуризацией, своеобразной проекцией прошлого на будущее. В цикле саморазвития любого этноса особо существенен момент, когда нарушается его внутренняя гармония; пространственно-временная динамика теряет черты былой поступательности; кризис нарастает и становится всеобъемлющим, а сама система словно получает команду на самоликвидацию. В данную стадию этногенеза (удачно названную Л. Н. Гумилевым фазой «надлома») великороссы вступили к середине XIX столетия. Первоначально «наиболее рельефно» это сказалось на общественном сознании. Любопытно в этой связи наблюдение академика А. М. Панченко о появлении в царствование Николая I (впервые за всю российскую историю) крайне оппозиционного мироощущения – отождествления России и Зла[1]. Спустя несколько десятилетий надлом проявился и в более инерционных геоэтнокультурных процессах. Говоря об этом, имею в виду и серьезные территориальные потери на фоне стабилизации геополитических рубежей России, и самоистребление великороссов в ходе перманентной (явной и неявной) гражданской войны.

Советское семидесятилетие в целом подчиняется общей логике русского этно- и культурогенеза. Развивался геокультурный каркас. Наряду с интенсивными ассимиляционно-адаптационными процессами (расширявшими пространство русской культуры, ведущими к его «уплотнению») наблюдалось формирование иноэтнических ГЭКС. Несмотря на внешнее противостояние, культура страны сохраняла существенную восприимчивость к влиянию Запада. При этом, сложившаяся в СССР социально-политическая система продемонстрировала колоссальную способность к мобилизации этнических сил и ресурсов. Ведь именно на 50-е годы XX столетия пришелся пик территориальной экспансии советского (российского) государства, его геополитического и геокультурного влияния в мире. Своеобразной же «расплатой» за это, полагаю, явился просматриваемый с конца 1970-х гг. определенный этнический «надрыв», усугубляющий состояние ГЭКС. Он проявился

[1] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л. 1990.

в углублении социально-экономической стагнации, в отдельных военно-политических неудачах, в изменении направленности миграционных потоков великороссов. С этого периода можно, по-видимому, говорить о завершении «надлома» и вступлении русского этногенеза в новую для него стадию – стадию спада.

Фиксируя начало надлома, наблюдая (по ряду геополитических, геокультурных, социально-психологических и иных признаков) его завершение, можно установить продолжительность фазы развития ГЭКС (в русском этногенезе она заняла около 350 лет). Допуская же вероятность хронологической тождественности данной стадии с периодом этнического спада, выходим на искомую цифру потенциального долголетия великорусского этноса – 1150–1200 лет.

Таким образом, этногенез предоставляет великороссам (при благоприятном стечении обстоятельств) еще примерно 3–3,5 столетия. Подобная перспектива могла бы быть причиной сдержанного оптимизма, если бы не ряд сопутствующих, весьма значимых для русского регионализма обстоятельств. Во-первых, впереди не просто столетия, а столетия стагнации, что превращает Великороссию в образование, год от года все более уязвимое для инокультурных воздействий и тенденций внутреннего самораспада. Во-вторых, переживаемый ныне период для Великороссии столь драматичен, что можно вести речь о глубоком кризисе русской культуры в современном мире, проявляющийся в расчленении единого прежде геопространства русской культуры границами новообразованных на шестой части суши государств, ослаблении позиций и влияния русской культуры в глобальном и евразийском культурных процессах, лавинообразном нарастании негативных социокультурных тенденций. Выход из подобного кризиса сам по себе потребует от этноса колоссальной мобилизации сил и энергии. Наконец, серьезнейшая угроза русскому регионализму исходит и от фундаментального геокультурного процесса территориальной самоорганизации (регионализации), процесса перекраивающего этнокультурную мозаику геосферы, способного выступить мощным катализатором этногенеза.

Анализируя геокультурную динамику, несложно убедиться, что актуализировавшаяся в начале 1990-х годов проблема сохранения территориальной целостности России обусловлена не столько самим регионализмом (он в принципе присущ геоэтнокультурогенезу; саморазвитие отдельных территорий в общей ГЭКС русской культуры наблюдалось и во времена Киевской Руси в период безусловной доминанты Киева, и в отличавшихся централизацией Московском Государстве, Российской Империи, Советском Союзе), сколько имеющей выраженную геокультурную детерминанту резкой активизацией центробежных процессов. Ведь само преобладание центробежных (регионалистских), либо центростремительных (централистских) тенденций в функционировании ГЭКС хронологически изменчиво, подчиняется определенной цикличности. В подтверждение данного тезиса вновь обратимся к российской ретроспективе. Так, становление древнерусского государства со столицей в Киеве, распространение византийской инновационной «волны» знаменовали собой доминанту центростремительных процессов. Одновременно, по мере укоренения инновации, разветвления и усложнения геокультурного каркаса территории, роста социокультурного потенциала региональных центров, множились факторы децентрализации. Политическая дезинтеграция Древней Руси стала фактом к XII веку, т. е. на возврат ГЭКС к прежнему состоянию региональной разобщенности ушло примерно 3–4 столетия.

Впоследствии наблюдалась кардинальная переструктуризация геопространства русской культуры, обозначился процесс формирования Великороссии как обновленной формы ее географического бытия, но при этом характерно, что и центробежные тенденции доминировали сходный (с предыдущим «централистским» периодом) отрезок времени, т. е. тоже 3–4 столетия, вплоть до XVI века, когда сложилось централизованное Московское Государство. Учитывая, что в дальнейшем геокультурные процессы развивались в самом генерализованном виде по уже традиционному сценарию (обособление в рамках единой территориальной структуры ГЭКС регионов, «уплотнение» геокультурного про-

странства, рост социокультурного потенциала периферийных территорий, регионального самосознания), полагаем, что именно в нынешнем столетии может обозначиться фронтальный переход к децентрализованной модели географического бытия русской культуры. В советский период, хотя сложившаяся тогда форма правления несколько отсрочила данный процесс, формирование геокультурных предпосылок последующей регионализации шло весьма интенсивными темпами. В итоге, обновленная российская государственность ныне столкнулась с необходимостью тотального противодействия региональному сепаратизму, тенденции долговременной и, как представляется, набирающей силу.

В числе факторов, способствующих регионализации, – этнокультурная «мозаичность» России, соразвитие в пределах осваиваемого и объединяемого русской культурой геопространства множества самостоятельных ГЭКС. Данные территориальные образования закономерно включались в общий алгоритм великорусских региональных процессов. Этому благоприятствовала и укоренившаяся в советский период официальная идеология и практика опережающего развития «национальных» территорий. В результате – собственно этнокультурный регионализм получил дополнительный импульс за счет прогрессирующего социально-экономического регионализма. К концу 70-х годов во всех без исключения союзных республиках, а также в значительной части национальных автономий и регионов и собственно Российской Федерации сложились геокультурные предпосылки для дальнейшего автономного развития. Учет данного обстоятельства, как, впрочем, и отслеживание направленности русского культурогенеза в целом, – ключевой момент в понимании внешней легкости и стремительности Советского государства, российских политико-географических реалий.

Современное постсоветское пространство в геоэтнокультурном отношении сложно структурировано, а идущие в нем процессы многоплановы и крайне противоречивы. При всем консерватизме и инерционности геоэтнокультурных явлений, русская культура все заметней теряет свои былые позиции в граничащих с Росси-

ей новых независимых государствах. Евразийская геокультурная целостность по-прежнему просматривается в наличии схожих социально-экономических и политических проблем и технологий их решения, в стремлении отдельных стран к социокультурной и хозяйственной реинтеграции, в сохраняющихся коммуникативных функциях русского языка и в целом русской культуры. Однако по мере своего вовлечения в общепланетарное экономическое и информационное пространство она становится все более аморфной. На южной периферии евразийской геокультурной целостности растет влияние исламских государств; на западе эпицентром притяжения выступает объединяющаяся Европа.

Характерно, что серьезным фактором региональной переориентации сопредельных государств (пока частичной, однако в перспективе данная тенденция будет, полагаем, набирать силу) выступает сама Россия, а точнее, современное ее состояние, включая неспособность нынешней политической элиты полномасштабно решать острейшие социально-экономические проблемы, последовательно реализовывать геостратегию России.

Необходимо отметить, что «качество» национальной элиты, ее способность (либо неспособность) ставить и успешно решать этнически значимые задачи (отвечая на вызов эпохи) в целом корреспондирует с общим ходом геоэтнокультурогенеза. Ведь элита – это не только катализатор саморазвития любой ГЭКС, но и ее производная, своеобразный индикатор. Важно в этой связи подчеркнуть, что обновление элиты (в том числе и радикальное) обеспечивает лишь кратковременный этнокультурный эффект и завершается еще более глубоким упадком в стагнирующей системе. В условиях же спонтанной регионализации кардинальное перераспределение власти (равно как и очевидная угроза подобного перераспределения) способно выступить дополнительным мощным центробежным импульсом со всеми отсюда проистекающими последствиями.

Важно также подчеркнуть, что распад СССР хоть и важнейшее, но не единственное проявление качественной деформации русского регионализма на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х

годов. Период этот знаменуется также существенным перераспределением властных функций между различными уровнями территориальной иерархии. Впервые за пятьсот лет российской истории регионы (и национально-территориальные образования, и собственно великорусские территории) заявили и отстояли свои претензии на статус субъектов государственной власти. Это, в частности, нашло свое отражение в уже укоренившемся понятии «субъект Федерации», Федеративном договоре, действующей Конституции РФ, целом ряде иных актов и соглашений, в концепции федерализма в целом.

Что представляет собой современный российский федерализм и каковы же в контексте геоэтнокультурогенеза характерные черты и, главное, перспективы данного феномена. По мнению активных разработчиков современной региональной стратегии России А. Я. Лившица, А. В. Новикова и Л. В. Смирнягина, федерализм – это «территориальная форма демократии, неизбежная для России, если она избрала путь демократического развития»[1]. Подобное утверждение, на наш взгляд, столь же справедливо, сколь и односторонне. Действительно, федерализм как принципиально новая для России форма государственно-территориального устройства (именуемая «Российской Федерацией» часть СССР по существу не имела к федерализму никакого отношения, поскольку фактически являлась составляющей унитарного государства) неразрывно связан с охватившими шестую часть суши с конца 1980-х годов процессами социальной реформации. Однако даже беглый взгляд на современную социально-политическую ситуацию в мире, анализ ее ретроспективы, не дает основания говорить об однозначной взаимообусловленности федерализма и демократии. Последняя в рассматриваемой ситуации – не первопричина, а лишь катализатор регионализации России, процесса объективного и в плане перспектив Великороссии, русской культуры – весьма неоднозначного. В этой связи не вполне корректно было бы оценивать

[1] *Лившиц А. Я., Новиков А. В., Смирнягин Л. В.* Региональная стратегия России // Региональная политика. 1994. № 1(6).

федерализм как фундаментальное социальное достижение, тем более – достижение демократизации. Федерализм, как представляется, это попытка (удачная или нет – покажет время) обретения определенного компромисса между регионами на качественно новом этапе великорусской динамики.

Если учитывать всю сложноструктурированность и разноликость российской территории (наличие в ней «продвинутых» регионов и регионов аутсайдеров, территорий с абсолютной доминантой в населении великороссов и территорий с весомой долей и даже преобладанием иноэтнического компонента, территориальных образований, сориентированных на внутрироссийский рынок, и регионов, обретших свою «нишу» в мировой системе хозяйства и т. п.), общую динамику геоэтнокультурогенеза (просматриваемую, в частности, в стремлении отдельных региональных элит зафиксировать особый характер отношений с РФ, добиваться все большей «автономности» и «суверенности», то логично предположить, что подобный компромисс не только крайне труднодостижим, но и вряд ли долговечен. Ведь помимо углубляющейся регионализации, невозможность долговременного сохранения заложенного в идеологии федерализма территориального консенсуса будет определяться и интересами самосохранения великорусского этноса, его противодействием самораспаду страны. Подчеркнем, что в данном случае речь идет как о собственно самосохранении в случае дальнейшего дробления России по национально-территориальному признаку (а это, с учетом опыта постсоветского пятилетия, неизменно будет провоцировать ассимиляцию великороссов, дальнейшее сокращение геопространства русской культуры), так и о сохранении контроля этноса за природно-ресурсным потенциалом, обеспечении его использования в интересах ресурсодефицитных великорусских территорий запада страны. Последнее не менее актуально, поскольку на долю национально-территориальных образований РФ приходится ныне 52 % территории, а пространственные диспропорции между ресурсодобывающими и ресурсопотребляющими регионами выражены ныне как никогда ранее.

Все геоэтнокультурные следствия углубления регионализации с соответствующим расчленением современной России на отдельные политико-территориальные образования представить в настоящее время трудно. Поэтому можно предполагать главное – обвальное падение веса и влияния русской культуры в планетарной культурной иерархии, утрату ею статуса метарегиональной (евразийской) культуры, активизацию процессов этногенеза и, в конечном итоге, ликвидацию присущего русской культуре современного инварианта ГЭКС (Великороссии), а вместе с ней и самого русского этноса.

Здесь важно подчеркнуть, что с позиций концепции геоэтнокультурогенеза трансформации русской культуры в качественно новое для нее территориальное состояние нет и не может быть альтернативы. Соответственно, вопрос не в том – исчезнут или нет в перспективе Великороссия и великороссы. Вопрос в том, когда это произойдет и как. Именно последовательная и многоплановая работа по сохранению этнического «долголетия», по формированию разнообразных предпосылок этнокультурной преемственности должна стать магистральным направлением государственной политики России, основой реализации русского национального интереса.

Историко-географические «судьбы» культур столь же многообразны, сколь многолика и вся культуросфера. Одни культуры, обновленные геоэтнокультурогенезом, вновь воспроизводятся на более или менее стабильном (например, Китай) геопространстве. Иные этнокультурные комплексы, рассыпаясь (как Рим), передают свою культурную традицию не одной, а целому ряду ГЭКС. Наконец многочисленны примеры полной (либо почти полной) культурной ассимиляции: от блиставших ранее ГЭКС остаются в лучшем случае сохранившиеся материальные памятники (наподобие пирамид майя на полуострове Юкатан), в худшем – упоминания в энциклопедических справочниках и историко-культурных трактатах. Перспективы русской культуры в этой связи также многовариантны; они будут определяться и соотношением региональных «центров силы», их способностью к территориальному переделу

в Евразии, и общим «поведением» культуросферы в контексте глобальных интеграционно-дезинтеграционных процессов, и внутрироссийскими реалиями, включая оптимальность геостратегических решений, социально-экономическую и технологическую эффективность общественного уклада и др. При этом, уже сейчас просматриваются два полярных по степени регионализации ГЭКС и по своим последствиям для самой русской культуры сценария.

Один из них (обозначим его как катастрофический) связан с дальнейшей спонтанной регионализацией страны, ее социально-экономической, политической и культурной дезинтеграцией. Территории великороссов при этом все заметней вовлекаются в сферы влияния иных цивилизаций и становятся ареной интенсивных ассимиляционных процессов. Геопространство русской культуры неотвратимо сжимается. В этом контексте непротиводействие центробежным тенденциям, равно как и игнорирование геокультурных следствий регионализации, могут означать не что иное, как политику и идеологию самоликвидации не только русского этноса, но и русской культуры, а соответственно, и самого русского регионализма.

Возможна и иная, более оптимистическая для русской культуры перспектива, появляющаяся в случае целенаправленной стабилизации геопространства России. Этот путь реален, безусловно предпочтителен, но требует политической воли, своеобразного государственного протекционизма по отношению к русской культуре. Хотя и в этой ситуации русский геоэтнокультурогенез неотвратим и не поддается однозначному прогнозу, вполне достижимо главное – самосохранение русской культуры в ее пространственно-временном многообразии и динамике как одной из основополагающих составляющих геокультуросферы. Русский регионализм обретет при этом свой исторический шанс.

* * *

Сегодня задаю себе вопросы: 1) удалось ли России в последние два десятилетия (а именно столько времени истекло с момента, когда автором были сформулированы идеи, изложенные в данном

разделе) избежать наиболее негативного тренда? 2) насколько реальны, актуальны ныне дезинтеграционные риски? 3) в какой мере алармизм и пессимизм (в отношении настоящего и будущего русской культуры) первой половины 1990-х оправдан в ситуации 2016 года, т. е. уже применительно к иной, существенно изменившейся стране?

К началу-середине 2000-х гг. импульс к распаду Российской Федерации, действительно, внешне иссяк; были подавлены явные и латентные очаги регионального сепаратизма; установление контроля крупного бизнеса над экономикой регионов корреспондировало с выстраиванием единого рыночного пространства и конструированием «вертикали» политической власти (базирующейся на экономическом росте и мощном межрегиональном перераспределении все в возрастающем масштабе генерируемой природно-ресурсной ренты); усилилась моноцентричность России; асимметрия регионов в уровнях и темпах социально-экономического развития породила масштабные миграции (включая «отходничество») и, соответственно, также «затормозила» пробуждение регионального самосознания, снизила потенциал дезинтеграции. Угрозы и риски для русской культуры, тем не менее, не исчезли, поскольку мощные процессы, инициировавшие распад СССР, не только сохранили свою силу, но и обрели новый импульс в контексте глобализации, геополитических и геоэкономических изменений в Евразии.

Разворачивающийся с 2008 года кризис (системный, связанный с исчерпанием инерции постсоветского периода, с резким снижением эффективности функционирования всей сложившейся в постсоветский период политико-экономической системы России, с новыми вызовами ее евразийскому позиционированию), видоизменяя детерминанты и векторы развития страны, вновь, как видится, выводит на авансцену проблематику ее регионализации. На фоне неизбежного усиления межрегиональной конкуренции за все более ограниченные перераспределяемые ресурсы рельефнее проявляются риски «суверенизации», причем, не только (и не столько!) заведомых аутсайдеров, сколько наиболее успешных в

социально-экономическом отношении территорий. Общий неблагополучный хозяйственный и морально-психологический фон (равно как и маргинализация значительных страт населения, набирающее силу их отчуждение от собственности, власти, подлинных культурных ценностей, среды своего обитания, а в итоге – и самой страны), усугубляемый «информационными войнами» и дополняемый выстроенными трансграничными взаимосвязями – создает предпосылки для роста привлекательности альтернативных (российской) культурно-цивилизационных моделей (процесс этот фокусируется в тех или иных регионах, причем, отнюдь не только «этнических»). Добавим, что под влиянием глобальных геополитических сил «де факто» продолжается (причем, в последние два-три года – с возрастающей степенью активности) реальная дезинтеграция ГЭКС Великороссии, усиливается трансформация идентичности (дерусификация) ее лимитрофных, оказавшихся вне границ Российской Федерации территорий. Ситуация, в итоге, усложняется, нарастают предпосылки вхождения русской культуры в новый этап турбулентности, а ее перспектива, потенциал саморазвития и резистентности (как современным конъюнктурным обстоятельствам, так пролонгированным геокультурным инновациям в Евразии) – обретают значение архиважной (в том числе и для географов-обществоведов[1]) проблемы.

[1] *Дружинин А. Г.* «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: итоги становления, проблемы и приоритеты развития // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 1(6). С. 3–15; *Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н.* Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления исследований // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. № 1 С. 5–20.

1.2. Подходы к делимитации и структурированию Евразии

Установление границ (делимитация) – одна из имманентных географии, фундаментальных, ключевых задач, которая применительно к «Евразии» (в ее общественно-географическом, геокультурологическом понимании) – чрезвычайно сложна. Ведь речь идет о неоднозначно трактуемом, динамичном объекте со сложной внутренней структурой, предстающим, к тому же, в двуедином качестве: конкретной, обособленной по ряду признаков территории («насыщенной» культурными ландшафтами, системой расселения, юрисдикциями и др.) и ментального конструкта, геоконцепта. Рубежи «Евразии» (как, впрочем, и «Азии», и «Европы») предопределяются (и индицируются) не только ландшафтными особенностями тех или иных территорий, либо хитросплетением государственных границ, но и сложившимися «культурными кодами» поселенческих общностей, устоявшимися представлениями, геоэкономическими резонами, геополитическими интересами. Для корректной делимитации весьма существенна, в этой связи, пространственная конкретика вариативных дихотомических противопоставлений «Европа – Евразия» и «Евразия – Азия». Значима и «точка отсчета» географического анализа, т. е. какой сегмент Евразии-материка воспринимается как «срединный», всеобъемлюще, наиболее полно воплощающий «евразийские» свойства и характеристики. Важна, наконец, «историческая колея» нарабатываемых в процессе формирования геоконцепта «Евразия» подходов, существенны доминантные (для конкретного временного контекста) представления об очерчиваемой им реальности.

В своей изначальной (стартовой) версии образ «Евразии» («срединного континента», границы которого совпадают с гра-

ницами Российской Империи[1]) «россиецентрирован», т. е. был предельно ориентирован на нашу страну, ее геополитические и геокультурные рубежи. В частности, согласно П. Н. Савицкому, «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 года или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от «Европы» (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от «Азии» (как совокупности низменностей Китая, Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих)»[2]. Акцентирую, мнение Петра Николаевича (в чьих ныне являющихся классическими работах многократно ставится знак равенства между «Россией» и «Евразией») в данном случае показательно и симптоматично высвечивает ряд и поныне существенных моментов.

Прежде всего важно понимать – первые теоретики «евразийской идеи», хорошо осознавали, что «пределы «Евразии» не могут быть установлены по какому-либо несомненному признаку»[3] и, в этой связи, апеллируя к России и ее рубежам, не столько упрощали задачу делимитации целостной, специфической в геокультурном отношении территории (не относящейся ни к Европе, ни к Азии), сколько решали ее, ориентируясь на реалии. Кстати, в начале XX века, как и в последующий достаточно продолжительный период (до 1991 года), Россия (Российская Империя, СССР) «перекрывала» собой (а с 1945 г. и союзническими государствами) основную часть евразийского материка, выступала его доминантой, политическим, экономическим и культурным «скрепом». В данном контексте, собственно задачи установления границ, воспринимаемых не только как «зримые», но и (в русле доминирующих в Российской Империи гео-

[1] *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

[2] Там же.

[3] Там же.

графических воззрений[1]) как «естественные», логично отошли на второй план. Акцент же сознательно делался на обосновании «евразийской сущности» нашей страны и ее геокультурной (цивилизационной) самобытности и целостности.

Характерно, что и в 1990-е гг., т. е. в новых, существенно видоизменившихся геополитических обстоятельствах, тезис о тождественности «Евразии» и исторической России продолжал звучать[2], дополняясь, впрочем (и это симптоматично!), констатацией наличия иных (локализованных вне постсоветского пространства) «евразийских» стран и регионов. Следование традиции в определении внешнего контура «Евразии» при одновременном (неизбежном, логичном, трендовом) расширении его географических рамок, в частности, четко выражено в одной из недавних монографий А. Г. Дугина «Евразийский реванш России», где присутствует упоминание «евразийских региональных держав» (Китай, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан и т. д.), причем именно Турция и Иран рассматриваются в качестве «ключевых игроков в Евразии»[3].

По мере укоренения и развития евразийских идей и изменения общего геостратегического контекста, наряду с Россией и остальным постсоветским пространством понятие «Евразия», в итоге, стало логично объединять и геоэтнокультурные системы, пребывавшие ранее (в рамках традиционного, первоначального толкования геоконцепта «Евразия») в «полосе неопределенности». Впрочем, четкий контур евразийских рубежей прочертить так и не удалось: конкретизация и детализация видения «евразийской границы» преимущественно решалась в рамках разработки

[1] *Соколовский Н. И.* География. Часть четвертая. География Российской Империи. Санкт-Петербург, 1846; *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб. Издание А. С. Суворина. 1907; *Иванов Г. И.* Картины России по географическим областям. Петроград, 1917.

[2] *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996; *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М., 1997.

[3] *Дугин А. Г.* Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014.

представлений о неком «междумирье»[1], «территориях-проливах»[2], констатации (и концептуализации) противоречивого соразвития «коренной Евразии» (или «России-Евразии») и государств так называемого «Великого Лимитрофа»[3].

Лишь частично решив проблему делимитации, «лимитрофный подход» благоприятствовал некоторому ментальному дистанцированию России от остального массива евразийских пространств, препятствуя, тем самым, формированию целостного восприятия современной «Евразии». Одновременно, он позволил высветить «плавность», постепенность изменений на «переходах» от «европейских» ГЭКС, к ГЭКС «евразийским» и далее – «азиатским», сфокусировать внимание на «междумирье» как совокупности масштабных и сложных общественно-географических образований, «насыщенных» собственными геоэтнокультурными системами («переходными» по своим свойствам), оконтуривающими «Евразию», расширяющими ее пространство, обеспечивающими взаимосвязь как собственно с «Европой», так и с «Азией».

Подчеркну, что в силу многих факторов внимание как российских, так и зарубежных исследователей оказалось преимущественно сосредоточено на широкой полосе именно европейско-евразийского контакта (размежевания), определяемой как «Европейский перешеек между Балтийским и Черными морями»[4], «Великий Восточный перешеек»[5], «Балто-Черноморье»[6]. «Лимитроф-

---

[1] *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.

[2] *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2007. М., 2007.

[3] *Цымбурский В. Л.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / Ред.-сост. Г. Б. Кремнев, Б. В. Межуев. М.: Европа, 2011.

[4] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996.

[5] *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.

[6] *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.

ными чертами», по сути, обладает и весь метарегион «Восточная Европа» (возникший как политическая и историческая данность только столетие назад)[1]; аналогично положение и родственного ему конструкта – «Центрально-Восточная Европа»[2], сформатированного уже в геополитическом контексте 1990-х годов. Именно в этот период в евразийско-европейском «междумирье» приверженность «общеевропейским ценностям» стала восприниматься как некий императив, лицензия на власть и «символ веры», а само понятие «Европа» усилило свое ценностное, статусное звучание и, распространившись не только на страны Балтии, но и на Молдову, Украину, Беларусь, стало (избирательно, конъюнктурно) применяться также по отношению к ряду государств Закавказья и Ближнего Востока. Геокультурные границы, впрочем, не только изменчивы, но и стабильны. Не зря еще два десятилетия тому назад С. Хантингтон констатировал, что собственно «Европа» заканчивается там, где начинаются Ислам и Православие[3]. Продвигая свои рубежи на восток, «Европа», не столько возвысилась, сколь обрела бóльшую геоэтнокультурную аморфность, неустойчивость. Как подмечает Дж. Фридман, «от Польши до Румынии распространяется разочарование в НАТО и в ЕС, но, что еще более важно, растет неуверенность в будущем»[4]. Утверждая свою доминанту в «Евразии», «Европа» сама все в возрастающей мере являет «евразийские» черты (на что справедливо обращает внимание, в частности, А. Г. Дугин[5]); это, разумеется, не только следствие последних двух с половиной десятилетий, но и итог «советского периода» в развитии ряда центрально- и восточно-европейских госу-

[1] *Межевич Н. М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.

[2] *Носков В. В.* Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32.

[3] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

[4] Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016.

[5] *Дугин А. Г.* Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014.

дарств, следствие более глубоких пластов геокультурной истории. Европейско-евроазиатская граница, в итоге, оказалась не только еще более «размытой», но и захватила обширные массивы евразийского материка, «вклинилась» в его глубинные территории, усилив изначально имевшую место неопределенность «южного сегмента» лимитрофа «Евразии». В этой ситуации задача делимитации естественным образом дополнилась необходимостью структурирования как собственно лимитрофных пространств, так и в целом «Евразии»; решаться она должна, полагаю, прежде всего, концептуально.

С предметно содержательных позиций общественной географии Евразия – это, прежде всего, особого рода геокультурная (геоэтнокультурная) система, а точнее, их сопряженная совокупность. В этой связи, отправным моментом необходимого для делимитации и структурирования подхода призвано, полагаю, стать формирование представлений о «евразийских» геоэтнокультурных системах, странах, регионах и, на этой основе, – о «собственно Евразии».

Россия (в контурах Российской Империи – СССР) и ее обширнейшее и пока еще лишь частично деградировавшее под воздействием времени и экзогенных воздействий геоисторическое наследие (воплотившееся в инфраструктуре, лингвистической и конфессиональной ситуации, ментальности) – действительно, продолжает оставаться важнейшим маркером делимитации Евразии, идентификации ее пространственной структуры. Впрочем, в решении задачи концептуального обоснования внутренней структуры и границ Евразии в данном случае для нас важна не только (и не столько) сфокусированность собственно на Россию. Еще более значим (в том числе и методологически) акцент на крупных интеграционных образованиях (евразийских и по позиционированию, и по совокупности культурных качеств и характеристик), своей ритмикой «прорисовывающих» Евразию, расширяющих ее географические контуры, предопределяющих ее территориально-структурные характеристики «здесь и сейчас» и, одновременно, оставляющих о себе «память» в культурных ландшафтах, регио-

нальных идентичностях и стереотипах повседневного бытия поселенческих общностей (подобно тому, как набежавшая на берег одинокая крупная волна на какое-то время оставляет на песке причудливый недолговечный след).

«Евразийская сущность», безусловно, имманентна России, но она же, в предшествующие временные периоды, была присуща и Византии, и Золотой Орде (Улусу Джучи), и Великому княжеству Литовскому – Речи Посполитой, и, наконец, Османской империи, Австро-Венгрии. Тем не менее, к началу XX столетия именно Российская Империя сумела объединить в своих границах весомую часть геоисторического наследия былых, ранее блиставших евразийских держав; процесс «русификации» евразийских пространств получил наибольшее свое проявление в конце 1940-х гг. в условиях постялтинского мира. В этой связи уместна постановка вопроса о неком перманентно корректирующем свою пространственную конфигурацию и, одновременно, устойчивом *совокупном «месторазвитии»* евразийских ГЭКС, ареале локализации соответствующих им государств и межгосударственных объединений как об особом «**евразийском пространстве**».

Евразийское пространство воспроизводится благодаря исторической «череде» ГЭКС, воссоздающих ее, формирующих ее центры, корректирующих границы; в нем может одновременно формироваться, развиваться и функционировать несколько неравновесных по территории, демографическому потенциалу, экономическим возможностям и иным характеристикам, но, тем не менее, самостоятельных ГЭКС (в формате соответствующих государств и межгосударственных образований). Устойчиво воспроизводящаяся ситуация *асимметричного полицентризма*, как правило, сочетается с наличием конкретной геоэтнокультурной системы (ГЭКС), доминирующей в конкретном временном континууме, «перекрывающей» основную часть евразийского пространства, оказавшей на него (включая и пространственные параметры) наибольшее влияние. Подобную ГЭКС уместно охарактеризовать как «сердцевинную», а само «насыщенное» ГЭКС евразийское пространство (с ее «**сердцевинным**» и прочими компонентами, а также опоясы-

вающими их «лимитрофами») – как «**Собственно Евразию**», являющую собой триединство «евразийских ГЭКС», их совокупного месторазвития («евразийского пространства»), а также форматов и «следов» евразийской геополитической, геоэкономической и геокультурной динамики (рис. 1).

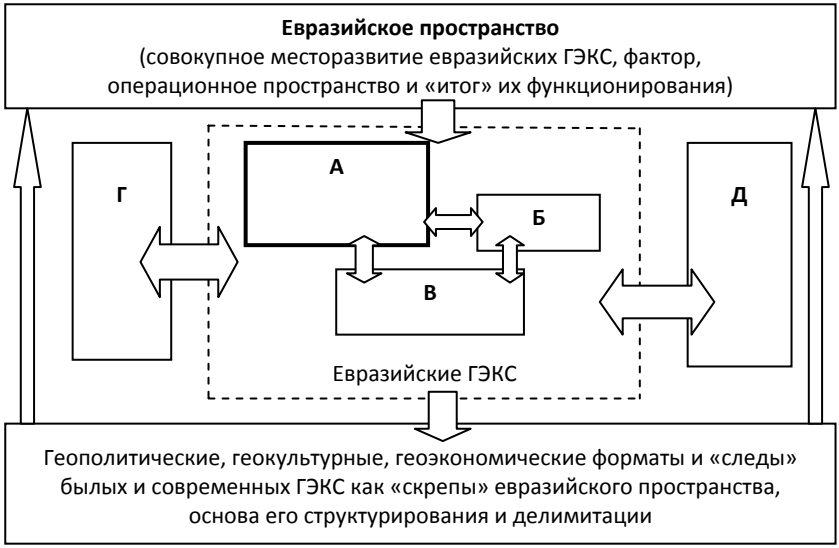

Рис. 1. «Собственно Евразия» как сопряженность «евразийских ГЭКС», их совокупного месторазвития («евразийского пространства»), а также форматов и «следов» евразийской геополитической, геоэкономической и геокультурной динамики:
А – «Сердцевинная» ГЭКС Евразии; **Б, В** – прочие евразийские ГЭКС;
Г – «европейские» ГЭКС; **Д** – «азиатские» ГЭКС

Имманентными характеристиками любой «евразийской» ГЭКС (равно как и евразийского государства, региона), при этом, как видится, выступают:

1) «принадлежность» к евразийскому пространству;
2) геокультурный дуализм, понимаемый как синтетичность доминантного этнокультурного комплекса (в разных пропорциях вмещающего как «европейские», так и «азиатские» элементы) и, при этом, наличие выраженных культурных различий

между территориальными составляющими страны, региона (в первую очередь по оси «запад-восток»);

3) конкурентный (в том числе по отдельным аспектам и конфронтационный) характер культурного взаимодействия как с «европейскими», так и «азиатскими» ГЭКС.

Преломляя приведенный выше подход к современным евразийским реалиям, следует осознавать, что столь важный для делимитации «Евразии» присущий ей культурный синтез обеспечивается не формальным соседством с Европой или Азией, не расчлененностью евразийских государств и регионов в общем-то условной, мало что значащей границей между двумя континентами, а наличием «сшивающих» всю структуру «Европа-Евразия-Азия» воедино «сквозных», трансевразийских культурно-исторических пространств («наследников» былых и «фундамента» современных, а также грядущих интеграционных объединений), геоэкономических и геополитических «скрепов».

С учетом недавней (все еще существенной для настоящего) истории, важнейшими для делимитации Евразии выступают два обширнейших культурно-исторических образования: «*Русский мир*» (из 130 млн русских почти 127 млн проживают в пределах постсоветского пространства; помимо Российской Федерации, концентрирующей 77,5 % всех русских на планете, весома доля русских в Казахстане, Украине, Эстонии и Латвии) и «*Тюркский мир*», наряду с некоторыми российскими регионами объединяющий шесть «тюркоязычных государств» (из них лишь Турция – вне постсоветского пространства). Конфессиональная специфика этих «миров» порождает взаимное «напластование» еще двух крайне важных для формирования евразийской идентичности систем: *Православия* (за пределами постсоветского пространства оно доминирует в конфессиональной структуре Болгарии, Греции, Македонии, Республики Кипр, Румынии, Сербии и Республики Сербской, а также Черногории) и Ислама, *Исламской Уммы*, простирающейся от крайнего запада Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР до «собственно европейских», но, тем не менее, преимущественно исламских Албании, Федерации Боснии

и Герцеговины, Косово, Турции, Северного Кипра (в последнее время этот перечень, кстати, можно дополнить целым рядом западноевропейских государств с их сложившимися, растущими, все более влиятельными мусульманскими общинами).

«Русский мир» является частью другого, еще более масштабного феномена, выходящего за рамки собственно евразийского пространства – локализованной от Адриатики, Судет и долины Одера до Тихого океана «россыпи» *славянских народов* (в совокупности объединяющих около 300 млн человек, из которых более 114 проживает на территории РФ, около 40 – Украины, 37 млн – Польши). Их лингвистическая общность, подкрепляя иные устойчивые, сложившиеся столетиями культурные взаимозависимости, «приближает» Европу к Евразии; аналогичным «скрепом» между Евразией и Азией выступают Ислам и Буддизм.

«Синтетическая» евразийская культурная сущность столетиями «вызревала» и форматировалась в составе Российской Империи – СССР; устойчива она в рамках современной России, в целом сохраняется на подавляющей части остального постсоветского пространства. Именно в этой связи можно вести речь о **«Сердцевинной Евразии»** как о некой субструктуре, помимо Российской Федерации объединяющей Белоруссию, Украину (за исключением Волыни, Галиции и Закарпатья), Молдову, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. В той мере, в какой «Сердцевинная Евразия» (те или иные ее составляющие) центрирована на России, русской культуре, о ней можно говорить как о «**Русской Евразии**», понимая последнюю как вмещенную в евразийский контур общественно-географическую проекцию «Русского мира».

Что касается более широкого по своему охвату **«**евразийского пространства**»** или «Собственно Евразии», то наряду с государствами «Сердцевинной Евразии», а также Турецкой Республикой («наследницей» месторазвития Византии, преемницей Османской империи), в эту категорию правомерно включить Сербию, Республику Сербскую. В эту же группу, как видится, входят также Болгария, Греция, Македония, Республика Кипр, Румыния, Албания, Федерация Боснии и Герцеговины, т. е., евразийские по своей

культурно-географической сути страны, в различной степени имплантированные в структуры «Европы» и образующие, при этом, ее «евразийский сегмент».

К государствам, входящим в «евразийское пространство» частью своих территорий можно отнести Китайскую народную республику (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Иран (провинции «Западный Азербайджан», «Восточный Азербайджан», а также «Голестан»), Афганистан (северные территории, населенные узбеками и туркменами) и, наконец, Монголию (аймак Баян-Углий).

Значительно число стран, в прошлом входивших в состав евразийских государств (и созданных ими политических объединений), испытавших, соответственно, их секторальное культурное влияние. В эту когорту следует (с известной долей условности) включить КНР (в первые годы своего становления осуществившую существенные технологические и культурные заимствования у Советского Союза), КНДР (здесь «память об СССР» в культурном комплексе еще более укоренена, в чем автор смог лично убедиться, в октябре 2014 г. проведя неделю в поездках по этой стране), а также всю Монголию и Вьетнам. Аналогичным позиционированием (по отношению к Евразии) характеризуется Финляндия, страны Балтии, Венгрия, Польша, Чехия, Словакия и, отчасти, восток ФРГ (территории бывшей ГДР). Параллельно, «генетическую память» о нахождении в составе Османской империи секторально продолжают сохранять Египет, Сирия, Ирак, арабские монархии (некоторые из них, в частности Катар, ОАЭ и, особенно, Саудовская Аравия, в силу резко возросшего социально-экономического потенциала и «фактора Ислама»[1] обретают все большую значимость в качестве аттракторов для государств евразийского пространства).

[1] Системы не только конфессиональной, но и фактически культурно-географической (цивилизационной); «центрированность» последней на современной Саудовской Аравии, локализованных на ее территории духовных центрах напрямую сформулирована в Коране, где, в частности, сказано «Обрати же свое лицо в сторону Заповедной мечети. Где бы вы ни были, обращайте ваши лица в ее сторону» (Коран, Сура 2, ч. 144).

Геополитический и геоэкономический каркас современной Евразии (в ее общественно-географическом, геокультурологическом понимании), как мне видится, составляют, при этом, два во всех отношениях «евразийских» государственных образования: Российская Федерация (лидирующее в пределах евразийского пространства не только размером территории, но и демографическим, экономическим и военно-стратегическим потенциалами), а также Турецкая Республика (наиболее мощная тюркоязычная страна).

Все перечисленные сегменты евразийского пространства (рис. 2), равно как и иные, территориально-сопряженные с ними страны, могут быть интегрированы общим понятием **«Большая Евразия».** Последнее, акцентирую, является предельно широким, наиболее емким, сфокусированном на: 1) фундаментальной взаимозависимости государств, регионов, геоэтнокультурных систем, локализованных в пределах **материка Евразия** (естественного субстрата и операционного пространства этнокультурной динамики и социально-экономической активности); 2) наличии трансграничных геополитических и геоэкономических, а также конфессиональных, лингвистических и иных общематериковых «скрепов». В ситуации чрезвычайно фрагментированной (и продолжающей усложняться) структуры территориальной организации общества, фактического многообразия, уникальности представленных на материке страновых и региональных моделей социально-культурной, этноконфессиональной и политико-экономической динамики – формат «Большой Евразии» позволяет охватить (и объединить) как собственно евразийские (по позиционированию, истории, культуре), так и иные территории, чье влияние на евразийские процессы либо уже чрезвычайно существенно (как, например, Европейского Союза, КНР, ряда арабских государств), либо способно возрасти в перспективе (Ирана, а также Пакистана, Индии, других стран Южной и Юго-Восточной Азии).

«Большая Евразия» (или «Мега-Евразия») проявляет себя как совместное геоисторическое наследие евразийских государств, как территориально очерченное былое, современное и, даже, перспективное взаимопересечение их геоэкономических и геополитических

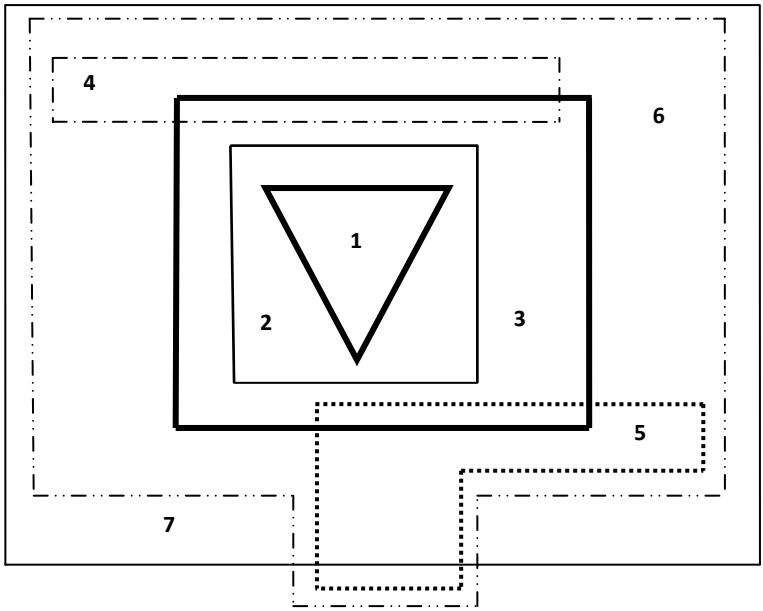

Рис. 2. Структурная схема современной Евразии:
1 – Геополитический и геоэкономический каркас Евразии;
2 – «Сердцевинная Евразия»; **3** – «Собственно Евразия» («евразийское пространство»); **4** – государства, входящие в Евразию частью своих территорий; **5** – территории, в прошлом интегрированные в состав евразийских государств и (либо) испытавшие их секторальное культурное влияние; **6** – «Большая Евразия» («Мега-Евразия»); **7** – Евразийский материк

интересов; она конструируется трансграничными транспортно-логистическими коридорами, регионами, рынками, потоками, организуется взаимодействием сетей и иерархий «архипелагов» крупнейших городов-метрополий (общенациональных и региональных центров), выкристаллизовывается ареалами расселения диаспор и локалитетами с интенсивным этнокультурным замещением.

В то время как «Русская Евразия» стягивается к границам Российской Федерации, «Большая Евразия», усложняясь, обретая все новые и новые кросскультурные и трансграничные «скрепы», – устойчиво расширяется, последовательно приближаясь к контурам Евразии-материка.

1.3. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева[1]

Неистовый и противоречивый двадцатый век, вместивший в себя грандиозные социальные процессы, прорывы, трагедии и трансформации, породил целую плеяду блистательных ученых и ярких мыслителей. Достойное место в их ряду по праву занимает наш соотечественник и коллега, историк, этнолог, географ Лев Николаевич Гумилев. Созданная талантом, трудом и самой его судьбой масштабная мировоззренческая конструкция (обретшая популярность, ставшая неотъемлемой частью национального научного сознания, продуцирующая острую, до сих пор не ослабевающую дискуссию) являет собой логичную и высокопрофессиональную рефлексию на геоисторический контекст, универсальную гносеологическую систему, напрямую ориентированную на отечественные реалии.

Стержневая концептуальная идея Л. Н. Гумилева о биосоциальной природе этноса созвучна современной географической картине мира, корреспондирует с культивируемыми в советской (российской) экономико-географической науке (в трудах В. А. Анучина, А. Г. Исаченко, С. Б. Лаврова, В. П. Максаковского, Б. Б. Родомана, Ю. Г. Саушкина, А. И. Чистобаева и др.) интеграционными подходами. Предлагаемое им понимание этнической целостности как

[1] По: *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51–57.

системы динамической, включающей в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию, взаимосвязи с соседями, повсеместный акцент на «стереотип поведения» как основу идентификации этноса, выраженный «экологизм» суждений и подходов – существенно обогащают исследовательский инструментарий, способствуют расширению предметно-содержательной сферы географической науки, благоприятствуют общегеографическому синтезу. Не случайно именно в нашей профессиональной корпорации взгляды Льва Николаевича оказались наиболее полно и широко восприняты, осмыслены, имплантированы в методологию, в новые, адекватные постсоветской России геополитические и геокультурные концепты[1]. «Ход его мыслей весьма интересен для географов» – так симптоматично и точно выражено доминирующее ныне отношение к наследию Л. Н. Гумилева в одной из недавно изданных обобщающих работ в сфере общественной географии[2].

Предлагая панорамную иллюстрацию сложности социально-природной реальности и, при этом, подчеркивая, что «каждая наука требует развития»[3], Лев Николаевич последовательно, книга за книгой, статья за статьей, осуществлял практический продуктивный синтез истории и географии. Будучи неизменно увлечен евразийской проблематикой[4] и полагая, что «становле-

---

[1] *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап ее решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32–36; *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000; *Чистобаев А. И.* Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л. Н. Гумилева и 50-летию К. П. Иванова. СПб: НИИ Химии. СПбГУ, 2002; *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

[2] *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб., 2010.

[3] *Гумилев Л. Н.* Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Изд-во ГО СССР, 1984. С. 42–57.

[4] *Чистобаев А. И.* О жизни и географии с любовью. Книга 1. Санкт-Петербург-Смоленск: Универсум, 2005.

ние Москвы не может быть оторвано от истории Евразийского континента»[1], он органично «ввел» в анализ этногенеза фактор пространства («месторазвития» этноса), предложив полиэтническую, инкорпорированную в глобальный контекст интерпретацию нашей национальной истории, существенно скорректировав (расширив) представления об имманентном ей географическом ареале.

Демонстрируя системный, целостный взгляд на историко-географические феномены, Л. Н. Гумилев всем своим творчеством являл универсализм мышления в противовес и поныне доминирующему «дискретному» мировосприятию. Размышляя о драматичных коллизиях России (СССР) и сознательно избегая «аберрации близости», он обращался к истории, осознавая и всячески акцентируя ее географическую детерминанту, параллельно формируя, тем самым, фактологические и концептуальные основания столь необходимого «историзма» географии.

Л. Н. Гумилев ушел из жизни в середине 1992 года («умирал вместе со страной…», как спустя несколько лет с чувством горечи по невосполнимым утратам скажет мой Учитель Сергей Борисович Лавров[2]), т. е. оказался очевидцем распада государства, но еще не мог сполна оценить все его последствия, не сопереживал драму рыночной трансформации, не столкнулся с многообразными проявлениями глобализации. Тем не менее, многое, очень многое, в его подходах и оценках (обращенных не только к прошлому либо настоящему, но и будущему, обладающих потенциалом масштабного научного предвидения) сохраняет высокую актуальность и в наши дни, в том числе и применительно к проблематике пространственного социально-экономического развития.

Постсоветская Россия – страна больших (масштабных по своим амплитудам и следствиям) изменений и потрясений, су-

[1] Гумилев Л. Н. // Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Советский писатель: Ленинград. отдел., 1990.

[2] *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.

щественнейших территориальных социально-экономических контрастов[1]. Пространственная организация современного российского общества динамична, иерархична и крайне усложнена. Распад СССР, появление новых границ и геополитических субъектов (повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, расчленение прежде единого геоэтнокультурного пространства), коррекция позиций страны в международном разделении труда (сопровождаемая «выплеском» за ее пределы населения и капитала при одновременном «экономико-демографическом опустынивании» обширных пространств самой России), доминирующая установка на экономическую выгоду (причем, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) – все это благоприятствует территориальной социально-экономической фрагментации (в том числе и анклавизации), существенно модифицирует базовые условия хозяйствования, социально-демографического и, соответственно, этнического воспроизводства.

Наряду со сложившимся в XX веке и ныне в существенной мере деградировавшим индустриально-аграрным ландшафтом (а во многом – и взамен ему), реальностью России в последние полтора десятилетия стал порожденный глобализаций «геоэкономический» ландшафт, выстраиваемый локализацией цепочек добавленной стоимости, бизнес-сетями, а также «архипелагами» центров принятия важнейших политико-экономических решений и потребления (в том числе и экзогенных, «вынесенных» в иноэтнические территории). В этой новой пространственной архитектонике (здесь уместно вспомнить неоднократно озвученный Львом Николаевичем тезис, что радикальное преобразование ландшафта сопровождается столь же радикальной этнической трансформацией[2]) наблюдается существенное усиление позиций ведущих

[1] Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012.

[2] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.

городских центров и агломераций, возрастает амплитуда центростремительных миграционных потоков. Только одна Москва (чья социокультурная дистанцированность от прочих российских территорий приобрела гипертрофированные формы[1], инициировавшие, в частности, даже постановку вопроса о московском субэтносе[2]) за два последних межпереписных периода «приняла» не менее 4,5 млн мигрантов (что эквивалентно 40 % населения этого мега-города). В экономически наиболее «успешных» и оттого демографически притягательных федеральных и региональных «столицах» в настоящее время проживает более 52 % населения страны; при этом 30 % россиян локализованы непосредственно в восемнадцати ведущих (более 1 млн жителей каждая) городских агломерациях. Заметим, что процесс опустошающей российскую периферию урбоориентированной концентрации населения и инфраструктуры (правда, в несколько меньших, чем ныне, масштабах) наблюдался и в советский период; Л. Н. Гумилев был его очевидцем, высказывал сомнения в целесообразности как стимулирования миграций, так и чрезмерного роста крупных городов; и это корреспондировало с идеями, генерируемыми частью ведущих (духовно близких Льву Николаевичу) экономико-географов того периода[3]. Современный тренд в основном подтверждает правильность данной позиции.

В рентоориентированной и «властоцентричной» российской экономике благополучие крупнейших городов столь же логично, сколь и зыбко, лимитировано все возрастающими институциональными, инфраструктурными и инвестиционными дефицитами, неустойчивой глобальной рыночной конъюнктурой, потенциалом межрегионального финансово-ресурсного

[1] *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

[2] *Гладкий Ю. Н.* Москва в зеркале региональных социально-экономических патологий // Известия РГО. Т. 130. Вып. 4. 1998. С. 64–71.

[3] *Агафонов Н. Т., Лавров С. Б., Хорев Б. С.* О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия ВГО. 1982. Вып. 6. С. 5–11.

перераспределения. Оборотной стороной доминирующего позиционирования ведущих урбанистических центров, в первую очередь Москвы (среднестатистический житель этой «общероссийской метрополии» все 2000-е годы имел, к примеру, доход от собственности в 12,5 раз больший, чем «прочий» россиянин), и их миграционной привлекательности (чей аспектный итог – культурная эрозия, этническое замещение, социальная маргинализация) предстает сжатие-разрежение освоенного российского пространства, в первую очередь сельского (согласно переписи 2010 года 13 % сельских поселений совсем не имеют населения, еще в 24 % проживает менее 10 чел.; все они с высокой вероятностью исчезнут в течение 10–20 лет), расширение ареалов депопуляции, в том числе и во внутренних регионах России («Внутренней Периферии» по терминологии В. Л. Каганского[1]).

Констатируя данное положение вещей, невозможно не акцентировать и еще одну приоритетную идеею, прошедшую красной нитью через многие труды Льва Николаевича, – навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует[2]. Учитывая, что планета все ощутимее переселена, а ее базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геоэкономической конкуренции, долгосрочная и устойчивая пролонгация русского этногенеза (стабильное воспроизводство соответствующей геоэтнокультурной системы[3]) немыслима вне реализации последовательной стратегии удержания территории, что практически ныне означает ее реосвоение, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-

---

[1] Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012.

[2] *Гумилев Л. Н.* В Горбачеве я вижу Августа // Союз. 1991. № 18.

[3] *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов.

«Изложение прошлого, – констатирует во введении к своей «Мир-Системе Модерна» И. Валлерстайн, – есть социальное действие в настоящем и влияет на социальную систему в настоящем»[1]. Конструируя мозаику евразийской геоистории и многочисленными историческими аналогиями «сигнализируя» соотечественникам о возросших к последней четверти XX века системных рисках для великорусского суперэтноса, Л. Н. Гумилев в своих последних работах непосредственно указывал на необходимость сохранить все постсоветское пространство, ибо здесь «народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и, часто, возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью)»[2]. Впрочем, будучи истинным исследователем, глубоким аналитиком, создателем столь же яркой, манящей, сколь и, вероятно, для многих небесспорной теории пассионарности, Лев Николаевич, судя по его текстам, явственно осознавал эндогенную детерминанту современных ему, а также грядущих, существенных для России территориальных социально-экономико-политических деструкций и потерь. Ведь, согласно его заключению, на смену генерациям с доминантой людей бескорыстных и жертвенных зигзаги этногенеза неизменно приводят к превалированию персонажей «гармоничных», а также «субпассионариев» и тогда (как это формулировал Л. Н. Гумилев) историческое время останавливается, а земля лежит под паром[3].

Если отринуть частности, корректность подобного наблюдения-прогноза Льва Николаевича применительно к российской ситуации – достаточно очевидна. Только отражаемые статистикой

[1] *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: University of California Press. 2011.

[2] *Гумилев Л.* Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 14–25.

[3] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.

потери сельскохозяйственных угодий всех категорий хозяйств за 50 лет в нашей стране составили более 30 млн га, из них две трети – за годы кризиса и реформ[1]. По основным позициям российская экономика сейчас только приближается к уровню 1990-го года; это означает, что в сопоставлении с основными геостратегическими конкурентами мы, практически, оказались отброшены как минимум на два десятилетия назад. Зримым последствием торжества спонтанного эгоизма субпассионариев являются, впрочем, и сам распад СССР (та бездумная легкость, с которой великорусская этническая общность «приняла» это кардинальнейшее для нее историческое событие, поставившее в положение «национальных меньшинств» более 25 млн одних только русских[2]), и последующее выстраивание уже непосредственно в постсоветской России системы вопиющего территориально-социального неравенства (85–90 % ее территории оказалось в положении периферии[3] со всеми тому неизбежными следствиями), и вынос «центров прибыли» российских корпораций и локалитетов престижного потребления экономически благополучной страты населения за пределы страны, в первую очередь в метрополии Запада, что, наряду с установившейся специализацией национальной экономики и внешнеторговыми приоритетами, иллюстрирует обретение «периферийных качеств» уже всей Россией в целом.

Предостерегая, что лозунг «жизнь для себя» – это легкий путь в черную гибель[4], Л. Н. Гумилев, как известно, неизменно выступал против бездумной и бездуховной вестернизации, справедливо полагая, что европейское преобладание в мире – не путь прогресса, а эпизод. И данный тезис, безусловно, обретает еще большую актуальность и справедливость в геоэкономике и геополитике

---

[1] *Нефедова Т. Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5 (20). С. 46–54.

[2] *Кабузан В.* Русские в мире. СПб, 1996.

[3] Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012.

[4] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.

XXI века, где все конкурентно и настолько переменчиво, что уже сам Запад всерьез озабочен скорой перспективой утраты глобального лидерства[1].

Все более ощутимое глобальное доминирование Китая и пока не столь явное, но неизбежное – Индии, последовательное укрепление позиций Латинской Америки и государств Исламской Уммы (способной в существенной мере нарастить свое геоэтнокультурное «присутствие» и в Западной Европе, и центральных областях Евразии), сохраняющийся потенциал социально-экономического «рывка» Африки – все это требует от нашей страны даже не столько преодоления традиционного для нее европоцентризма (в последние годы «подпитываемого», кстати, глобализацией, которая, в перспективе, неизбежно приведет к ослаблению влияния на российскую цивилизацию собственно Запада), сколько выстраивания реальной многовекторной международной политики. Одним из ее оснований способно стать евразийство – важнейшая и актуальнейшая геополитическая концепция для России, признаваемая и развиваемая Л. Н. Гумилевым[2].

Акцентируем, современная Евразия (в ее общественно-географическом, геокультурологическом понимании), разумеется, нетождественна ни СНГ, ни, тем более, собственно Российской Федерации; у нее видоизмененные (в сопоставлении с ситуацией двадцатипятилетней давности) силовые доминанты, другая, более усложненная архитектоника. Тем не менее, и в этом новом для нее контексте Россия не может не выступать одним из лидеров в организации продуктивного диалога в интересах обустройства (геоэкономического и геополитического) данного пространства (в первую очередь, как ареала соразвития евразийских этносов).

Предчувствуя грядущую эскалацию этнополитических конфликтов на пространстве Родины и осознавая, что проблема уста-

[1] *Брюне Антуан, Гишар Жан-Поль.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения: пер. с фр. М.: Новый хронограф, 2012.

[2] *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.

новления взаимопонимания становится все более насущной[1], Лев Николаевич Гумилев на обширнейшем историографическом материале провозглашал и отстаивал фундаментальный тезис, что нет «хороших» или «плохих» этносов, что этнос – явление поведенческое, проявляющееся в поступках и взаимоотношениях, и что русским людям всегда была чужда идея национальной исключительности[2].

Постсоветская Россия (несмотря на существенно больший чем в СССР удельный вес русского населения – 80,9 и 50,8 % соответственно, невзирая на его численную доминанту в 71 из 83 регионов) – сохраняет и свою полиэтничную морфоструктуру, и, что не менее существенно, устойчивый тренд, видоизменяющий «этнодемографический ландшафт» страны (при пролонгации ситуации «русская составляющая» в ее населении к 2050 г. снизится до 68 %). Испытывая абсолютную и, в еще большей мере, относительную депопуляцию и, одновременно, выступая как активно заселяемая извне страна, в XXI веке Российская Федерация оказалась перед лицом реальной перспективы масштабной этнокультурной трансформации. Это, как представляется, требует: 1) сверхчуткого отношения к этнической составляющей территориальной социально-экономической динамики; 2) действенных усилий по гармонизации межэтнических отношений; 3) целенаправленной реконструкции русского (великорусского) этноса как основы российской государственности (поддержка рождаемости, создание комплекса условий для полномасштабного воспроизводства русской культуры); 4) воссоздания (в новых, продолжающих стремительно меняться геополитических, геоэкономических и геокультурных условиях) адекватной России суперэтнической целостности (на основе не только конструирования общероссийской идентичности, но выстраивания, развития «каркасных» для страны межэтнических и межкультурных альянсов). И в данной связи крайне актуали-

[1] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.

[2] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.

зирована одна из базовых, концептуальных позиций Л. Н. Гумилева, его как бы изначально «заточенная» на стратегическую перспективу страны историко-географическая подсказка (основывающаяся на анализе русской истории, взглядах первых «евразийцев», а ранее, практически за два поколения до них и крымско-татарского мыслителя И. Гаспринского) – идея русско-татарского (тюркского) симбиоза.

История неизменно проецируется на геопространство, последнее являет собой субстрат грядущей истории; в пространственной же «матрице» современной России «тюркская составляющая» достаточно существенна. Согласно последней переписи, на территории нашей страны проживает более 12 млн представителей тюркских этносов, т. е. 8,4 % всего населения (в 2002 г. – 10,2 млн и 7 % соответственно), локализовано девять «тюркских» (по титульному этносу) субъектов Федерации (чья суммарная доля в территории РФ достигает 21,4 %, населении – 8,7 %, ВРП – 6,5 %). Важно, при этом, иметь в виду, что около 120 млн представителей тюркских этносов проживают в сопредельных (оконтуривающих Россию по ее южному периметру) странах, причем, половина из них – непосредственно на территории Турецкой Республики, государства со столь же «евразийской» (как и у нашей страны) исторической и географической «судьбой», динамичной экономикой и внушительными геополитическими амбициями. Дерадикализация «туранского проекта», перевод его преимущественно в геоэкономическую плоскость, достижение стратегического геополитического консенсуса интересов России и Турции на Кавказе (и, в целом, в Большом Причерноморье), в Центральной Азии, формирование сближенной позиции по отношению к иным (метарегиональным и глобальным) «центрам силы» и общим вызовам – отвечает стратегическим интересам не только двух стран, но и иных вовлеченных в орбиту их влияния этносов, регионов, государств и, как видится, может быть реализовано в процессе выстраивания дипольного конгломерата евразийских суперэтносов, способного стать «несущим элементом» геополитической и геокультурной архитектоники Евразии.

Завершая, хочу подчеркнуть, что интеллектуальное наследие Льва Николаевича, идеи этого Истинного Ученого, став неотъемлемой органичной частью национальной культуры, преломляясь в методологии социально-экономических и гуманитарных дисциплин, продуцируя их новые грани и концептуальные подходы, овладевая общественным сознанием, выступают ныне реальным фактором русского этногенеза, конструирования грядущей Истории и Географии нашего Отечества.

1.4. Меняющаяся глобальная геополитическая и геоэкономическая реальность: евразийская проекция[1]

Каждый, кто располагает возможностью время от времени посещать великолепный книжный магазин Жибера на бульваре Сен-Мишель в Париже, способен воочию наблюдать, как в теснящихся на полках многочисленных изданиях по геополитике и геоэкономике все последние годы стабильно наращивает свое присутствие «китайская тематика». Переведенная на русский язык (что сделано, замечу, блестяще) и только что изданная «Новым хронографом» книга президента компании AB Marches Антуана Брюне и профессора Университета Ницца София-Антиполис Жана-Поля Гишара в этом отношении столь же показательна, сколь и типична, созвучна общему тренду. Ее изначальное название «La visése hégémonique de la Chine. L'impérialisme économique», т. е. «Гегемонистские амбиции Китая. Экономический империализм» максимально ярко иллюстрирует мотив, содержательную канву и целевые ориентиры этого по многим позициям нетривиального, эмоционального и профессионально выполненного научного произведения.

В книге, объединяющей десять логично чередующихся разделов с подчас хлесткими, красноречивыми, хотя, зачастую, и не вполне адекватными реалиям сегодняшнего дня заглавиями («Китай: капиталистическая и тоталитарная сверхдержава», «Внешне-

[1] По: *Дружинин А. Г.* Рецензия на книгу А. Брюне и Ж.-П. Гишара «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения» // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 182–185.

торговый профицит Китая – нарушитель мирового равновесия», «Нескрываемая экономическая война», «Помешать Китаю» и др.), уместно вычленить три взаимосвязанных содержательных пласта, способных вызвать безусловный интерес у российских читателей.

Первый из них акцентирован самим названием русскоязычной версии издания («Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения») и сфокусирован на актуализации взглядов У. Петти, Ф. Листа, Г. Кэри, А. Мюллера и других архитекторов *меркантилизма*, а также на иллюстрации ретроспективы идей и стратегий в области государственного экономического протекционизма, их аппликации в международных отношениях. Представленный в книге подробнейший анализ геоэкономической и геополитической практики стран – мировых лидеров (былых и современных) имеет целью если не полностью опровергнуть, то хотя бы в существенной мере поставить под сомнение иную, альтернативную (более распространенную и укорененную в общественном сознании, в том числе и в России) идеологему, согласно которой «обмен всегда лучше автаркии». «Классические авторы, их последователи и часто даже авторы-кейнсианцы – подчеркивают в этой связи А. Брюне и Ж.-П. Гишар, – не уделяют достаточно внимания тому факту, что какая-то страна может быть запросто разорена из-за интеграции в мировую торговлю» (с. 49). Мировая экономическая история, отмечается ими далее, «как минимум в течение четырех веков демонстрирует справедливость меркантилистского тезиса: наблюдается постоянная тенденция некоторых господствующих стран или стран, стремящихся к господству, проводить меркантилистскую политику, основанную на устойчивом торговом профиците» (с. 50). Последовательно развивая свою позицию, авторы осуществляют типологию наиболее «заметных» в современной мировой экономике государств, подразделяя их на «меркантилистские» и «дефицитные» («немеркантилистские»), всячески, при этом, подчеркивая, что последние (куда, замечу, с большой долей допущения отнесены США, Франция, Италия и целый ряд других веду-

щих макроэкономик) «смирились с регулярным дефицитом своей внешней торговли» (с. 69), вынуждены «использовать чрезмерную задолженность для стимулирования внутреннего спроса со всеми вытекающими из этого последствиями» (с. 72). Отдадим, при этом, должное французским коллегам – они стараются быть предельно объективными, на примере ряда доминирующих ныне экономик показывая, что до поры до времени можно успешно накапливать не только финансовые активы, но и «долги». Подчеркну, вместе с тем, что эта широко применяемая как в прошлом, так и в современной геоэкономической практике стратегия продуктивна лишь при неизменности центро-периферийных позиций, а мир (к сожалению для одних и счастью для других) меняется. Поэтому, как представляется, дело не столько в «накоплении долгов» (фактически – валютно-финансовой экспансии), сколько в осознаваемой интеллектуальной элитой ведущих стран Запада (симптоматичным подтверждением чему является, в том числе, и книга А. Брюне и Ж.-П. Гишара) все более реальной угрозе утраты глобального лидерства, а вместе с этим и привилегированного социально-экономического положения, самой возможности продолжать наращивать задолженность перед мировой полупериферией и периферией (т. е., фактически, жить за счет ее рабочей силы, природных ресурсов, рынков). В монографии французских коллег, в этой связи, на приоритетные позиции выходит еще один ее содержательный пласт – *причинность* последовательно разворачивающегося и все заметнее проявляющегося *кризиса Запада* – проблематика, очевидно, куда более актуальная и для самих авторов, и для способной к саморефлексии части французского общества в целом, чем перманентный научный диалог адептов «меркантелизма» и экономической «классики».

Полагая, что «не весь мир переживает кризис, только развитый» (с. 40) и идентифицируя его как «эксклюзивный», «серьезный», «продолжительный», А. Брюне и Ж.-П. Гишар подчеркивают, что «деиндустриализация зашла уже далеко и не будет «промежуточного пункта», занятого новыми технологиями, разработкой новых видов продукции, высокотехнологичной деятельностью»

(с. 22). «Богатые» страны, – отмечают авторы, – могут создать места охранников музея, туристических гидов, официантов кафе, шеф-поваров, а деятельность, которая приносила им богатство и динамичность в прошлом, продолжит сокращаться» (с. 120). Можно, разумеется, согласиться, что по современным меркам профессия туристического гида или шеф-повара в ресторане на Лазурном Берегу менее престижна, чем финансиста в парижском Дефансе или лондонском Сити. Тем не менее, их судьба, как ни крути, куда более завидна, чем, к примеру, китайских разнорабочих, в чьи усталые от изнуряющего труда глаза мне не раз доводилось вглядываться во время пребывания в респектабельных, вздыбившихся небоскребами кварталах Шанхая. В этом отношении выраженный алармизм французских коллег видится чрезмерным: у ведущих стран Запада (а именно на их «бедах» фокусируются авторы, полагая, видимо, снижение темпов роста ВВП до 1–2 % в год при душевом показателе валового продукта в 35–40 тыс. долл. США проблемой куда более фундаментальной, чем вопиющий уровень бедности мировой периферии – в 51 стране мира ВВП на душу населения составляет менее 3000 долл., в том числе в 16 – менее 1000) сохраняется существенный потенциал экономико-институциональной, технико-технологической, социально-культурной (но не социально-психологической) «прочности» даже перед лицом современных вызовов и глобальных изменений.

Каковы же эти вызовы? По мнению авторов книги (и в этом третий, важнейший содержательный ее пласт и основной пафос!), главным *виновником* разворачивающегося ныне глобального экономического и финансового кризиса является именно *Китай* «посредством огромного нарушения торгового равновесия, которое он навязывает США и другим развитым странам» (с. 22). «Когда Китай держит курс своей валюты на уровне половины от ее реальной стоимости, – подчеркивают А. Брюне и Ж.-П. Гишар, – это равносильно предоставлению экспортных субсидий в размере 50 % от стоимости экспортированного товара. Это также равносильно таможенным тарифам на импорт в размере 100 %» (с. 193). При этом цель Китая, как утверждается, – «программирование конца

европейской цивилизации» (с. 155). В подтверждение озвученной позиции в книге приводятся цифры, аналитика, проводятся исторические параллели. Не раз и не два излагаются наиболее важные тезисы (нельзя не отдать должное педагогическому мастерству авторов), и все это заставляет внимательного и заинтересованного читателя как минимум задуматься, еще тщательнее вникнуть в предлагаемую концепцию и ее аргументацию.

Склонность к меркантилизму, справедливо констатируют авторы издания, присутствует «в самих генах мирового капитализма» (с. 62). И, в этой связи, отмечу, – очень важно понимать, что отнюдь не Китай «придумал» меркантелистские стратегии, не он один стремится создать, нарастить и реализовывать свои конкурентные преимущества.

В тексте книги неоднократно используется словосочетание «страна-рантье», причем, почему-то исключительно применительно к «сырьевым» государствам (упомянуты Россия, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла и некоторые другие). При этом как-то упускаются из виду иные присущие современной геоэкономике инварианты ренты (финансовая, научно-технологическая, позиционная), чье устойчивое получение наиболее развитыми экономическими державами также наделяет их соответствующим качеством «рантье». Причем, для поддержания этого тактически абсолютно выгодного, но стратегически, вероятно, малоперспективного статуса, странам – экономическим лидерам жизненно необходимо, чтобы газ и нефть добывались в России и странах Персидского залива, развивалась перерабатывающая промышленность в Китае, Индонезии, Малайзии, Вьетнаме, Таиланде и др. «Постиндустриальность» Запада (преподносимая уже четверть века как кульминация социально-экономического прогресса), в данном контексте, – в том числе и результат эксплуатации фактора «труд» на территории КНР. И очень хорошо, что книга А. Брюне и Ж.-П. Гишара (в ней многократно приводится шокирующая цифра – почасовые затраты на оплату рабочей силы в Китае в 80 раз меньше, чем на Западе!) хоть и окольными путями, но подводит читателя к этому выводу.

И еще одна существенная для уяснения общей геоэкономической ситуации идея, сформулированная в монографии французских коллег как бы «вскользь», остающаяся на ее периферии – реальная первопричина современного глобального кризиса. Последовательно возлагая вину за него на Китай и рассматривая систему, которую эта страна стремится создать («контроль над крупными стратегическими западными компаниями, избирательный импорт в политических целях, построение «первоклассной» военной машины, использование миграционных потоков для создания китайских колоний и, наконец, распространение по миру положительных представлений о «модели» развития Китая» (с. 150)), авторы, тем не менее, констатируют и ответственность за социально-экономический негатив крупного транснационального бизнеса, этой, по используемой в книге терминологии, «пятой колонны Китая» (с. 21).

Приводя известные слова Карла Маркса, что «у капитала нет Родины», А. Брюне и Ж.-П. Гишар полагают: «Большей частью благодаря Китаю с его крайне низкими зарплатами, а также благодаря другим азиатским странам, транснациональные корпорации в начале 2000-х гг. могли получать 15 % прибыли, что ранее было недоступно» (с. 89). Зададимся вопросом, однако, насколько (и чем) «виноват» в этом случае Китай? Вероятно (если следовать логике рассматриваемого мной текста) тем, что на его территории удалось создать условия реально привлекательные для инвестиций (это, к сожалению, за четверть века «почему-то» не получилось сделать в России). Возможно, также, «вина» современного Китая в том, что, несмотря на перманентное давление извне в непростом диалоге с транснациональным бизнесом, ему удается отстаивать собственные интересы, реализовывать целесообразную для этнокультурной системы, государства и народа (все в возрастающей мере обретающего благополучие, уверенность в настоящем и завтрашнем дне) стратегию развития. И не с этим ли в действительности связана нескончаемая риторика (жаль, что под ее влияние попали и авторы книги) о якобы «тоталитарном режиме» в Китае, о стремлении руководства этой страны установить «индустриаль-

ную монополию». Монополизм, впрочем, это всегда плохо, а задача Человечества, если оно хочет развиваться, – «распознавать» и ограничивать (по возможности и ликвидировать) монополии. При этом важно понимать, что, наряду с неявной монополией на промышленное производство, в современном мире существуют, к примеру, устойчивые глобальные монополии на «применение силы», на «научные достижения», на «общедемократические ценности». А это, наряду с «отрывом» крупного бизнеса от «своей» территории, игнорированием ее интересов, – также серьезнейшая, универсальная по масштабу геополитическая и геоэкономическая проблема.

В монографии А. Брюне и Ж.-П. Гишара вообще много статистики (что безусловный «плюс»), но помимо собственно цифр всегда важна их корректность и последующая интерпретация. Так, к примеру, авторы полагают, что «в 2010 г. китайский ВВП был равен американскому ВВП, составляя около 20 % мирового ВВП» (с. 27). Тезис важный, но, к сожалению, дополнительными расчетами не подкрепленный, поэтому приходится ориентироваться и на иные источники, например на данные CIA, согласно которым ВВП Китая в 2010 году (по паритету покупательной способности) составлял 10,9 трлн. долл. США, а самих США – 14,66. Разумеется, если сохранятся текущие темпы макроэкономического роста, потенциалы двух современных экономических сверхдержав уже в ближайшей перспективе не только сравняются (что, фактически, и произошло в 2015 году), но и обозначится все более ощутимое лидерство КНР. Однако, при этом, остается без внимания второе «ядро» современного Запада – ЕС, и экономически превзойти «двуединство» Евросоюза и США Китай гипотетически (при консервации ситуации, что практически маловероятно) сможет примерно к 2025–30 гг. Тем не менее, и это перспективное лидерство, вероятно, останется зыбким (зависимым от внешних рынков сбыта и источников сырья). К тому же, к середине второй половины XXI века мир будет иным – укрепятся геоэкономические позиции Латинской Америки и государств Исламской Уммы (способной в существенной мере усилить свои позиции в Западной Европе и центральных областях

Евразии), начнется бурный экономический рост Африки. В этой, пока еще очень неблизкой и неявной конфигурации, Китай будет, безусловно, глобально значимым, но не единственным «центром силы». И в подобном контексте, полагаю, опасаться надо не Китая (равно как и какой-либо иной страны, эффективно проводящей логичную, отвечающую ее интересам политику), а угрозы глобальной термоядерной конфронтации, разнузданного (внетерриториального) господства ТНК (в чьи бы «национальные» одежды они не рядились), компрадорских политических режимов (которым безразлично, кому и что «продавать»), рентоориентированного поведения хозяйствующих субъектов и поселенческих общностей, перерастающего в иждивенчество, маргинализацию, агрессию по отношению к «чужому».

Предвосхищая маргинализацию стран Запада и фиксируя существенные подвижки в глобальной геоэкономической архитектонике, коллеги А. Брюне и Ж.-П. Гишар, как видится, к сожалению, оказались чрезмерно «зациклены» на роли и позиции Китая в современном социально-экономическом кризисе. Сформулированная ими идея о ВТО-2 – не тривиальна; в существенной мере это призыв к созданию некой группировки «удобных» и «своих», один из симптомов «второго глобального дезинтеграционного цикла», о возможности которого столь убедительно повествует в ярком по форме и насыщенном по содержанию Предисловии к монографии редактор ее перевода – профессор В. А. Шупер.

У монографии есть и еще один важный содержательный пласт, также предопределяющий безусловный интерес данного издания для российского читателя – оценка современного состояния и перспектив развития нашей страны. Здесь в качестве наиболее существенных, вычленим, прежде всего, предостережения ее авторов о неблагоприятных перспективах пролонгации «сырьевого» профиля российской экономики: «владение сырьем, – подмечают коллеги, – еще не является гарантией независимости и процветания страны. Это особенно касается России…» (с. 207). Вероятно на сегодняшний день ни у кого в Российской Федерации не вызовет сомнения и иной, неразрывно связанный с предыдущим тезис

книги – «главный вопрос о будущем России заключается в возможности развития высокотехнологичных производств в этой стране» (с. 205). На этом, однако, макроэкономические констатации применительно к России заканчиваются и начинаются геоэкономические (и геополитические) рекомендации. «Чтобы обеспечить будущее промышленного и технологического комплекса, а значит, и будущее всего общества, – полагают А. Брюне и Ж.-П. Гишар, – Россия должна обратиться скорее к Европе, нежели к призрачной «БРИК», которая по сути является некоторой формой подчинения Китаю» (с. 198); и далее – «в любом случае [России] придется сделать выбор между Европой и Китаем!» (с. 207). Здесь, как говорится, без комментариев. Озвученное – не просто лозунг; учитывая тренд, нас, как представляется, будут все настойчивее склонять к желаемому для современных глобальных лидеров выбору. Полагаю, следует также ожидать антикитайские «выбросы» у некоторых российских СМИ, равно как и выраженную геополитическую ангажированность прозападно настроенной части российской политической и научной элиты.

Завершая, хотелось бы подчеркнуть, что последние десятилетия (и, особенно, годы) убедительно продемонстрировали практическую невозможность долго «почивать на лаврах» позиционного, технологического, сырьевого или иного потенциала и статуса. Все в современной геоэкономике и геополитике очень переменчиво и крайне конкурентно, и это требует от страны не просто тщательнейшего подбора государств – партнеров, «друзей», лидеров, но и реальной многовекторной международной политики. Мы проиграли «третью мировую войну». Нужно найти силы и мужество не оказаться быть ввязанными в четвертую, реализуя российские национальные геостратегические интересы в динамичной многополюсной архитектонике то интегрирующегося, то, напротив, ограждающего себя страновыми и метарегиональными барьерами мира.

2. РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОЙ ЕВРАЗИИ

2.1. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа[1]

Для российской общественной географии нет (и, в принципе, не может быть) задачи приоритетнее и тематики фундаментальнее, чем познание пространства Отечества, его исторических метаморфоз, сложившейся структуры, факторов и перспектив развития в перманентно меняющемся глобальном контексте.

В последние годы в экспликации российского геопространства все ощутимее присутствует «евразийская» тематика, множится (корреспондируя с новой фазой идеократического подъема в стране[2], с потребностью обретения ею некой «социокультурной гравитации»[3], с установками на реконструкцию былой территориальной целостности[4], с геоэкономическими интересами ведущих национальных корпораций) популярность концепта Евразии. Опираясь на широко растиражированные постулаты более чем девяностолетней давности[5]

---

[1] По: *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

[2] *Дергачев В. А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное из-дание на CD + Интернет-гиперссылки). Издательский проект профессора Дергачева, 2011.

[3] *Неклесса А.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 20.03.2013.

[4] *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996; *Дугин А. Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004.

[5] Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Изд-во «Беловодье», 1997; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997; *Савицкий П.* Евразийство // Русская идея. В 2-х томах. Т. 1. М., 1994; *Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997; *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.

и оказываясь все заметнее инкорпорированной в лексикон государственной и международной политики[1], проблематика «Евразии» оказалась, в итоге, не только широко имплантирована в систему современного обществознания, но и в существенной мере примитивизирована и мифологизирована.

Исторически сложившееся в географии понимание Евразии как крупного массива суши[2], под влиянием нарастающего «вала» научной публицистики трансформировалось в геокультурный конструкт «Евразии» как некого субконтинента; геоэкономическая и геополитическиая действительность начала XXI века неумолимо модифицирует (в том числе и «раздвигает») его ментальные границы (рис. 3).

Широко укорененные и активно воспроизводящиеся ныне представления о тождественности контуров «Евразии» и территории бывшего СССР (либо, еще радикальнее, исключительно современной Российской Федерации[3]) все ощутимее соседствуют (и контрастируют) с вновь обретающим популярность «общематериковым» видением Евразии[4]; параллельно в ряде работ декларируется и возможность двоякого толкования «евразийского пространства»[5]. На этом фоне представления о «Евразии» (как особом, вполне конкретном и, при этом, специфичном географическом таксоне) оказываются все более «размытыми», многозначно

---

[1] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3.10.2011.

[2] Краткая географическая энциклопедия. Т. 2 / Под ред. А. А. Григорьева. М.: Государственное научной издательство «Советская энциклопедия», 1961.

[3] *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М., 1997; *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–97.

[4] *Байфорд Э.* Евразия, пришедшая в движение // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 317–322; *Синяк Ю. В., Бесчинский А. А.* Возможная роль российского природного газа в социально-экономическом развития евразийского пространства в XXI веке // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. С. 55–76.

[5] *Лескова И. В.* Интеграционный потенциал евразийского пространства // Экономика и социум: современные модели развития. 2012. № 3. С. 171–175.

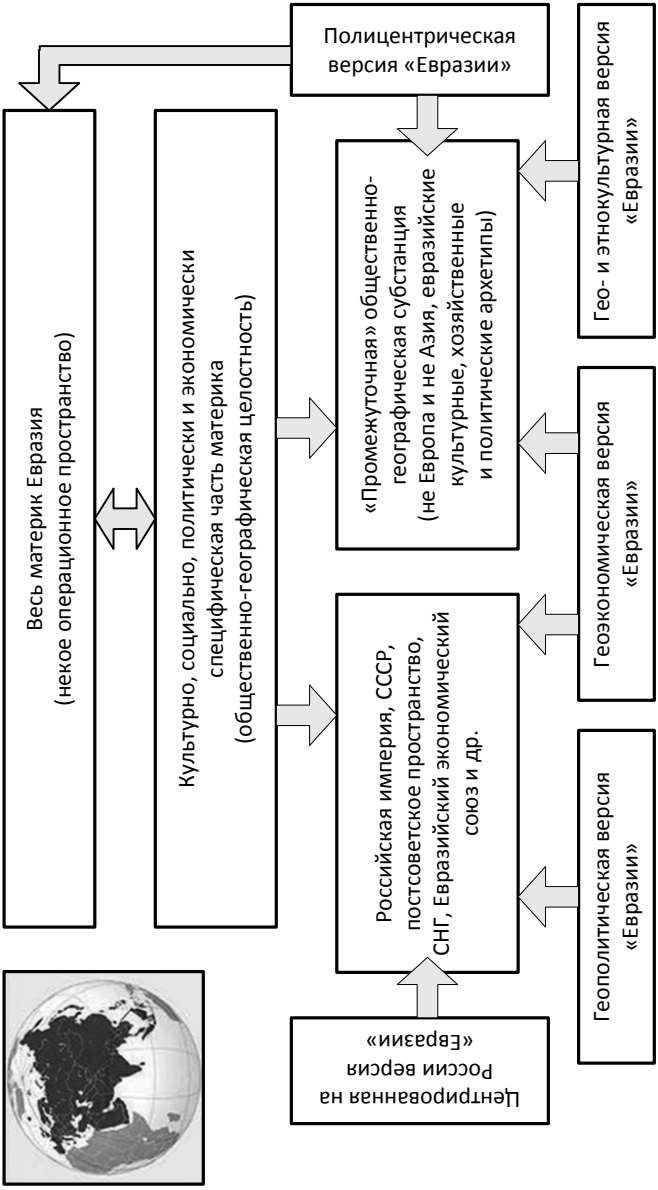

Рис. 3. Инвариантность категории «Евразия»

трактуемыми, утрачивая свойства научной категории и, одновременно, в массе ситуаций, обретая ипостась квазиидеологического символа, инструмента «реальной политики».

Зримое нарастание дистанции между культивируемым и тиражируемым в научном и массовом сознании образом «евразийского пространства» и реальными интеграционно-дезинтеграционными процессами в пределах Евразийского мегаконтинента, с присущими ему пространственными социально-экономическими и демографо-этнокультурными трансформациями – существенно усложняет адекватное познание (и понимание) современной геополитической и геоэкономической ситуации, формирование внятной, сбалансированной и эффективной геостратегии для современной России. Детерминант здесь, разумеется, множество, однако, определенная доля вины за сложившуюся ситуацию лежит, безусловно, и на географах-обществоведах, в своем большинстве и концептуально, и инструментально «не поспевающих» за эволюцией своей чрезвычайно сложной и изменчивой предметно-объектной сферы.

Анализируя ретроспективу, нельзя не признать – евразийство (как междисциплинарная научная доктрина и объектно сфокусированная область геообществознания) в своей основе в целом комплиментарно методологии российской (советской) социально-экономической (общественной) географии[1], органично ее исследовательской традиции. Начиная со своих концептуальных истоков (текстов Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого), оно базируется на учете пространственной детерминанты развития России, ориентировано на ее идентификацию и делимитацию как особого общественно-географического таксона. В дальнейшем, уже во второй половине XX века, фундаментальный вклад в географическое обоснование и популяризацию евразийских идей внес Л. Н. Гумилев, «имплантировавший»

[1] *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51–57.

фактор пространства («месторазвития» этноса) в анализ русского этногенеза и существенно скорректировавший (расширивший) представления о «Евразии» как специфическом в природном, историческом, этническом и культурном отношении географическом ареале. В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. на евразийстве как «важнейшей и актуальнейшей геополитической концепции для России» многократно фиксировал внимание С. Б. Лавров[1]. В этот же период, а также в последующие годы, в российской общественной географии предпринимаются попытки сформировать представления о «евразийском социально-экономическом пространстве»[2] и «евразийском культурном ареале»[3]; концепты евразийства активно применяются в геополитических и геоэкономических построениях[4], становятся предметом теоретического анализа[5], в том числе и специального, сфокусированного[6].

В современном профессиональном сообществе российских географов-обществоведов евразийское понимание пространства России, тем не менее, – не всеобще, недостаточно «исторично» (равно как и «негеографично») и, за редким исключением[7], лишено столь необходимой содержательной (в том числе и конструктивной) критики, что, отчасти, иллюстрирует отсутствие явного интереса к тематике, ее, своего рода, маргинальность. В полидисциплинарной палитре современного евразийского дискурса,

---

[1] *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.

[2] *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап ее решения) // География в школе. 1995. № 4.

[3] *Дружинин А. Г.* Русский регионализм: явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

[4] *Дергачев В. А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное из-дание на CD + Интернет-гиперссылки). Издательский проект профессора Дергачева, 2011.

[5] *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006.

[6] *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

[7] Там же.

общественно-географический его аспект (по существу, изначально «стержневой», но так и не ставший предметом широкой научной дискуссии, развиваемый фрагментарно, эпизодически) в последние годы, как это ни парадоксально, едва различим. В существенной мере остается открытым базовый для географа-обществоведа вопрос о «ядрах» и границах «евразийского пространства», его местоположении в современной геополитической, геокультурной и геоэкономической архитектонике, основных трендах, внутренней структурированности и иных сущностных проявлениях и характеристиках. «Литература по евразийству, – как это верно подмечает В. Л. Каганский, – растет как снежный ком, однако в ней практически нет исследования самой страны как таковой»[1]. И это, подчеркну, проблема (причем очень серьезная!) как для общества в целом, так и для нашей немногочисленной профессиональной корпорации; от успешности ее решения во многом зависят ныне статус и перспективы отечественной общественной географии как фундаментальной, конструктивной науки, сфокусированной на Россию и ее геостратегические интересы.

Страны, как люди, многомерны[2]. Эта лаконичная, но емкая формулировка А. И. Трейвиша в еще большей мере применима к такой существенно более сложной, полицентрической и «размытой» субстанции, как современное «евразийское пространство», «Евразия». Физико-географические контуры Евразии – крупнейшего из материков (вмещающего до 3/4 мирового населения и примерно 60 % исчисляемого по ВРП планетарного экономического потенциала) – вполне четки, стабильны, общепризнанны. Однако этот обширнейший массив суши (около 53,9 млн км^2) сам по себе практически индифферентен к социальной истории, в том

[1] *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

[2] *Трейвиш А. И.* Россия и другие страны-гиганты: вызовы XXI века // Вызовы XXI века: природа, общество, пространство. Ответ географов стран СНГ. М., 2012.

числе и к России, к проблематике ее саморазвития, самоидентификации.

«Россия, – подмечал еще в 20-е годы XX в. один из основоположников идей «евразийства» П. Н. Савицкий, – занимает основное пространство земель "Евразии"»[1]. Ныне этот тезис (только еще последовательнее, категоричнее) развивает один из наиболее активных идеологов современного неоевразийства – А. Г. Дугин, провозглашая: «Россия – heartland, "географическая ось истории", Суша. Россия есть Евразия»[2]. Заметим, что всего лишь два с половиной десятилетия тому назад (когда еще действовало продуцируемое СССР силовое, институциональное и культурное «поле» – мощнейшее, интегрирующее геопространство) подобный тезис выглядел бы в целом достаточно корректным, практически не требующим дополнительных обоснований, оговорок, разъяснений. Социально-экономическая реальность, тем не менее, – крайне нестатична, и уже через несколько лет после распада Советского Союза евразийские позиции России существенно пошатнулись (в конце 1990-х это симптоматично подметил Р. Туровский, констатируя, что реальное геополитическое положение отличается от представлений неоевразийцев[3]), причем, в данном случае, речь, полагаю, должна идти не только о геополитике, но и о геоэкономике, а также о геокультурной сфере.

В публикациях современных российских авторов, разумеется, отрадно встречать утверждения о «серединном положении» России[4], о том, что наша страна – ведущая держава Евразии[5]. Вдвойне приятно, когда тезис о «решающей позиции России на евразийском

---

[1] *Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

[2] *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М., 1997.

[3] *Туровский Р.* Политическая география. М., 1999.

[4] *Челышев Е. П.* Евразия: проблемы восточно-западного синтеза в русской культурной традиции и наследие евразийцев // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 8–16.

[5] *Быков А. Н.* Экономическая интеграция и ее перспективы на постсоветском евразийском пространстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 7. С. 7–19.

пространстве» подтверждается компетентными зарубежными экспертами[1]. Не будем, впрочем, забывать: положение любого объекта – контекстуально, относительно, не абсолютно[2]. Относится это и к России: ее положение в современном мире напрямую зависит от того, как мы оцениваем этот мир[3]. И здесь существенны не только параметры сопоставления (площадь территории, ее «насыщенность» природными ресурсами, населением, хозяйственной активностью, инфраструктурой и т. п.), но и собственно пространственный ареал компаративистики. Целесообразно учитывать также геодинамический аспект, направленность доминантных тенденций. И, в этой связи, разумеется, важно, что современная Россия по-прежнему сохраняет юрисдикцию над наиболее крупным территориальным сегментом евразийского материка (занимая 31,5 % всей его территории, что лишь ненамного меньше суммарного показателя по сопредельным Китаю, Казахстану, Турции и странам Евросоюза вместе взятым). Однако на долю Российской Империи начала XX в. приходились 40,4 % площади Евразии, Советского Союза – 41,4 % и последующая динамика индицирует лишь один из аспектов фактического уменьшения нашего национального (культурно-территориального, цивилизационного) «присутствия» в постсоветской Евразии, равно как и все заметнее проявляющегося углубления «периферийности» ее «российского сегмента».

За исключением энергосырьевой сферы и продуцируемого ее фактически общеевразийской активностью устойчивого потока природно-ресурсной ренты (подпитывающего другую хозяйственную доминанту России – сферу ОПК), геоэкономическое позиционирование нашей страны в масштабе материка в современном контексте довольно скромное; по объему ВВП (рассчитанному по

---

[1] Постсоветские государства / Под ред. Ж. Радвани. Armand Coline. 2004. ООО «NOTA BENE». М., 2008.

[2] *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

[3] *Шупер В. А.* Методология географии на переломе эпох // Изв. РАН. Сер. географическая. 2003. № 4. С. 27–35.

паритету покупательской способности) она уступает всем основным евразийским «центрам силы»: Евросоюзу – в 6,2 раза, Китаю – почти в 5 раз, Индии – в 1,9 раза. Вынесенная в суровые северные широты континентальная (вынужденная не столько получать, сколько, напротив, перманентно выплачивать «географическую надбавку»[1]) экономика России оказалась, к тому же, существенно дистанцированной от основного трансевразийского (из Китая, Индии, стран Персидского залива и далее, через Суэцкий канал в Европу) транспортно-логистического потока[2], этого своего рода геоэкономического «скрепа» Евразии-материка.

«Экономическая плотность» в России (исчисленная как ВВП на площадь территории) в 6,3 раза ниже «среднематерикового» (в целом по всей Евразии) показателя (147 и 927 долл. США); более чем 12-ти кратная дистанция (8,3 и 102 чел./км^2 соответственно) наблюдается и по плотности населения. Россия усредненно (даже с ее гипертрофированно разросшимся в последние полтора десятилетия, сконцентрировавшим демографические и финансово-экономические ресурсы Московским «мегаполюсом») – это характеризуемая депопуляцией (в 1990-е и 2000-е гг. – абсолютной, и куда более продолжительный период, более столетия – относительной, поскольку доля россиян и в глобальном, и в «евразийском» масштабах неумолимо сокращается[3]) социально-экономическая периферия с разреженными «вкраплениями» полупериферйных ареалов, формируемых крупнейшими городами-метрополиями (как общефедеральными, так и региональными).

Конечно же, на собственно постсоветском пространстве Россия остается геоэкономической и геополитической доминантой.

---

[1] Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. 2009. М. 2009.

[2] *Иноземцев В.* Транзитной страны из России уже не выйдет // Ведомости. 29.11.2012.

[3] *Дружинин А. Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1(4). С. 3–16.

Тем не менее симптоматично, что именно с момента вступления в силу Договора о создании Союзного государства доля Российской Федерации во внешнеторговом обороте Белоруссии сократилась с 58 % (2000 г.) до 45,2 % (2011 г.); в последующий период соответствующий показатель, правда, немного увеличился (2012 г. – 47,4 %, 2014 – 48,8, 2015 – 48,2 %)[1]. Свои внешнеторговые позиции Россия «сдала» и в Казахстане: в 2007 г. удельный вес РФ во внешнеторговом обороте этой страны составлял 20,2 %, в 2010 – 19,7 %, 2011 – 17,9 %, 2012 – 17,4 %. В 2015 и первой половине 2016 г. позиции РФ в качестве внешнеторгового партнера Казахстана немного укрепились (19,2 % внешнеторгового оборота), хотя и не являются лидирующими (доля ЕС– 38,7 %)[2]. Характерно также, что во внешней торговле России доля стран СНГ в последние годы также устойчиво снижалась: 1998 г. – 22,1 %, 2000 г. – 18,6 %, 2005 – 15,2 %, 2010 – 13,6 %; лишь в 2014 г. соответствующий показатель возрос до 17,4 % (по ситуации на начало 2016 г. удельный вес стран СНГ во внешнеторговом обороте РФ не превышает 12 %). За постсоветский период Россия утратила значительную долю своего влияния в Закавказье[3], теряет – в Центральной Азии, на Украине, в Молдавии. Растет «барьерность» постсоветских границ, причем, что наиболее существенно, ментальная, культурная; даже ликвидация таможенных рубежей (к примеру, на российско-казахстанской границе) не способна (как это наглядно продемонстрировала Т. И. Герасименко[4]) переломить тренд углубляющейся лингвистической демаркации; по всему пространству оконтури-

[1] Рассчитано автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

[2] Рассчитано автором по данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

[3] *Языкова А.* Южный Кавказ: уравнение со многими неизветными // Вестник Аналитики. 2005. № 2.

[4] *Герасименко Т. И.* Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 38–50.

вающих нашу страну новых независимых государств идет практически повсеместная «дерусификация»[1].

В итоге, во многом вне связи с политическими декларациями, внешнеэкономические (а параллельно – геокультурные, геополитические) связи новых независимых государств становятся многовекторными, ориентированными не только на Россию, но и на ведущие экономические державы Запада, Китай, Турцию, на своих ближайших соседей. На этом фоне в качестве масштабной доминанты постсоветского пространства (равно как и сопредельных с ним территорий) все рельефнее предстает трансграничная «***евразийская полипериферия»*** (**полизависимая периферия**, которую не следует путать с «полупериферией», поскольку, последней на постсоветском и сопредельных «пространствах» – лишь дисперсно локализованные «архипелагообразные вкрапления»), фрагментированная, полиэтническая, с многоукладной экономикой, протянувшаяся широкой полосой от Балкан до Дальнего Востока, все боле расширяющая свое присутствие, в том числе и на территории Российской Федерации. Геоэкономические интересы самой России, параллельно, все больше выходят за рамки постсоветского пространства. И в данном контексте сложно не согласиться с мнением Ю. Н. Гладкого: «евразийский регион» стремительно утрачивает свою идентичность[2]. Закономерно, при этом, возникает вопрос: либо Евразия (как общественно-географический феномен) в своем сложившемся и осмысленном в XX столетии виде исчезает, уходит с геоисторической сцены (процесс этот, разумеется, пока лишь обозначен, незавершен), либо она существенно видоизменилась (продолжая трансформироваться), и своим традиционно «заточенным» взглядом мы пока неспособны ее понять, делимитировать, концептуализировать?

Как это видится автору, под влиянием глобализации и последовавшего за распадом СССР геополитического «открытия» пост-

[1] *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

[2] *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006.

советского пространства, одновременно происходит и то, и другое. Именно в последние годы (практически за десять-пятнадцать лет) вся ранее сложившаяся евразийская геоэкономическая, геополитическая конструкция «скукоживается», дезинтегрируется, деградирует и, одновременно, пространственно расширяясь и усложняясь, реконструируется; отчасти на «фундаментах» Евразии – Российской Империи, Евразии – СССР, но во многом и вне прямой связи с ними формируется новая, многополюсная Евразия, своего рода **«Мега-Евразия» («Большая Евразия»).** Ее интегрирует уже не только (и не столько) единое государство (группировка, союз государств), сколько альтернативные, конкурентные современной российской геополитике и геоэкономике экспансии: европейская (евроатлантическая), китайская, исламская, турецкая[1].

«Русскую» («Сердцевинную») Евразию все еще продуцирует иссякающая инерция СССР, делимитирует сложившийся в советский и предшествующие периоды ареал компактного расселения русских (по авторскому определению еще первой половины 1990-х гг. – «геоэтнокультурная система Великороссии»[2]) и, конечно же, цементирует, оконтуривает и воспроизводит юрисдикция РФ, ее современный геоэкономический потенциал. В то же время современная Россия (для которой основной вопрос – вопрос о цивилизационной идентичности – до сих пор не решен[3]), продолжая следовать траектории «развития» в качестве социально-экономической периферии Запада, одновременно, демонстрирует некий (уже практически ощутимый, но пока еще слабо подкрепленный экономико-географической «фактурой») геостратегический «разворот» в юго-восточном направлении.

«Русская Евразия» все еще «европоцентрична» (симптоматичен в этом отношении тезис В. В. Путина, что «Евразийский союз

[1] *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

[2] *Дружинин А. Г.* Русский регионализм: явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

[3] Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012.

будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы»[1]) и, несмотря на фиксируемую социологами эрозию европейской идентичности в российском социуме[2], вероятно, еще не менее полстолетия будет оставаться преимущественно таковой, но перспективы китайского рынка (согласно расчетам[3], уже к 2020 году на Китайскую Республику будет приходиться 6 % добываемого в станах СНГ природного газа, в 2050 – более 14 % и в 2100 г. – почти 17 %) и растущее (на глазах трансформирующееся в доминирование) геоэкономическое влияние Китая в сопредельных с Российской Федерацией «евразийских» государствах (в первую очередь Средней Азии, по абсолютно верному суждению, играющей узловую роль в Евразии[4]), а также в наших регионах Сибири и Дальнего Востока – все явственнее прочерчивают ее дуалистичную перспективу выступать не только «азиатской периферией Европы», но и «европейской периферией Азии» (хотя это пока и непривычно звучит).

Россия, в чьей грядущей судьбе, по прозорливому утверждению Ф. М. Достоевского, «может быть, Азия… и есть… наш главный исход!»[5], ныне выступает не только как «периферизирующаяся», но и активно заселяемая извне страна. И это придает российской депопуляции (число русских на территории РФ за 2002–2010 гг. сократилось на 4873 тыс., или на 4,2 %) черты масштабной культурной (поведенческой, ценностной) трансформации, ставя ее в прямую зависимость от динамики и направленности интеграционно-

---

[1] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3.10.2011.

[2] *Андреев А. Л.* Европа или Евразия? Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 10. С. 913–917.

[3] *Синяк Ю. В., Бесчинский А. А.* Возможная роль российского природного газа в социально-экономическом развитии евразийского пространства в XXI в. // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. С. 55–76.

[4] *Косов Ю. В., Торопыгин А. В.* Некоторые особенности интеграционных процессов на евразийском пространстве //Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 157–163.

[5] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 27. С. 32.

дезинтеграционных процессов в быстро видоизменяющей свой социально-экономический «ландшафт» Евразии, характеризуемой, к тому же, выраженной доминантой «мусульманской составляющей» прироста демографического потенциала.

Последовательное укрепление позиций государств Исламской Уммы (способной в существенной мере нарастить свое геоэтнокультурное «присутствие» и в Западной Европе, и центральных областях Евразии), все более ощутимое глобальное доминирование Китая и пока не столь явное, но неизбежное – Индии, полагаю, требуют от нашей страны даже не столько преодоления традиционного для нее европоцентризма (в последние годы «подпитываемого», кстати, глобализацией, которая, в перспективе, неизбежно приведет к ослаблению влияния на российскую цивилизацию собственно Запада), сколько выстраивания реальной многовекторной международной политики. При этом, все более очевидной доминантой обустройства современного (и, тем более, грядущего) «евразийского пространства» выступают продуктивный диалог Ислама и Православия (вопрос этот пока в рамках евразийской доктрины не решен), комплиментарное соразвитие, исторически сложившийся симбиоз Тюркского и Русского мира[1].

В вышеизложенном контексте базирующееся на реалиях и образах прошлого упрощенное и прямолинейное пространственное отождествление Евразии и России оказывается все менее и менее корректным, рациональным, прагматичным, оправданным. Ему на смену, полагаю, должна придти более усложненная, полицентрическая по своей конфигурации концептуальная модель, в которой Россия, Российская Федерация и, даже, локализованный в пределах материка так называемый «Русский мир» (чья трансграничная, глобальная география – итог не только распада СССР, но и

[1] *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51–57; *Мартынов В. Л., Сазонова Е. И.* Турция между Западом и Востоком // Известия РГО. 2011. № 3. С. 31–37.

многоволнового «выплеска» русской культуры и ее носителей за исторические и геополитические рубежи России) – важная, неотъемлемая, но, при этом, лишь часть общей евразийской структуры (рис. 4).

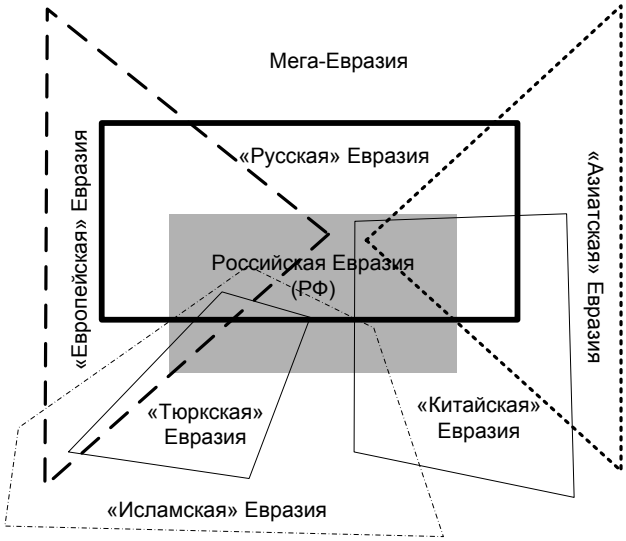

Рис. 4. Полицентрическая модель Мега-Евразии: концептуальная схема

Евразия (как материк) – уникальна и (как территориальный таксон) континуальна; в ипостаси же социально-экономико-культурного феномена и ментального конструкта Евразия ныне многомерна, являет множественность нестатичных и фактически взаимопересекающихся «евразийских пространств», сочетание доминантных геоэкономических взаимодействий, геодемографических (и, соответственно, миграционных, этнокультурных, этнокофессиональных) процессов и соразвития сложившихся (равно как и новых, обретающих потенциал) «центров силы»; корректно установить географические границы подобной «промежуточной», многофакторной и полицентрической субстанции крайне сложно.

Переход к *многополюсности, как это ни парадоксально, ведет к «сжатию» русской Евразии* и, параллельно, воссозданию дезин-

тегрированной (после советско-китайской «размолвки» конца 1950-х гг. и, главное, распада СССР) евразийской целостности как бы «над Россией», а в целом ряде ситуаций и «вне ее». Более того, под влиянием глобализации и постсоветской трансформации «Евразия мест» (юрисдикций и их регионов, отдельных геоэтнокультурных систем) все более переформатируется в «Евразию потоков» (мигрантов, сырья, финансов, информации и др.), а также в «Евразию преобразуемых этими потоками мест» (иерархических сетей глобальных городов и региональных метрополий). «Мега-Евразия» уже иная по своей территориальной структуре; это новый, непривычный, практически непознанный общественно-географический объект.

В своей страновой и метарегиональной проекции «Мега-Евразия» в существенной мере предстает *единством разного* (в хозяйственных укладах, репродуктивном поведении населения, способах его социальной организации и др.); аналогичное можно сказать и о России, многих ее регионах. Обеспечение территориальной целостности Российской Федерации, решение спектра имманентных нашей стране социально-экономических и этнокультурных проблем сопряжены, в этой связи, не с эскалацией ее геокультурного изоляционизма и ксенофобии, не с геополитической «великодержавностью» и геоэкономическим снобизмом государства-рантье, а с последовательным выстраиванием поливекторных устойчивых партнерских отношений с другими евразийскими государствами, конструированием необходимых балансов и противовесов с основными «центрами силы» новой Мега-Евразии. Популярность же концепта «Евразии» (не случайная, не конъюнктурная, а предопределяемая масштабными и глубинными трансформациями, в том числе и пространственными) и далее, полагаю, неизбежно будет нарастать.

2.2. Центро-периферийная стратификация евразийского пространства: постсоветские тренды[1]

В современном (все более взаимозависимом и контрастном) мире центро-периферийная стратификация (идентифицированная и концептуализированная в трудах И. Валлерстайна, Ф. Броделя, Дж. Фридмана, П. Кругмана и др.), устойчиво воспроизводясь, углубляется и усложняется, являя новые аспекты, уровни, детерминанты и тренды. Универсальность процесса корреспондирует с вариативностью (и множественностью) фактических моделей центро-периферийной организации, функционирующих и видоизменяющихся в сложной общественно-географической динамике конца XX – начала XXI в. Один из базовых трендов, при этом, – рост влияния на территориальную организацию общества информационно-ментальных и, в целом, геокультурных факторов[2] – во все возрастающей мере иллюстрируем интеграционно-дезинтеграционными процессами в «евразийском пространстве»; этот геокультурный феномен весь постсоветский период трансформировался, зримо обретая новые геоэкономические и геопо-

[1] По: *Дружинин А. Г.* Центро-периферийная стратификация евразийского пространства: постсоветские тренды // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований. Материалы международной научной конференции. Симферополь: КФУ. 2015. С. 141–147.

[2] Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Издательство Южного федерального университета. Ростов н/Д, 2014.

литические контуры (в том числе и в связи с созданием «Евразийского экономического союза»).

В существенной мере доминировавшая в «евразийском пространстве» генерируемая Советским Союзом центро-периферийная структура (в середине прошлого столетия охватывавшая до 63 % всей территории материка Евразия, а к моменту распада СССР – порядка 43 %) в 1990-е годы подверглась существенной *дезагрегации и трансформации*. На ее фундаментах возникла **постсоветская евразийская реальность**, характеризуемая: фрагментацией страновых и региональных компонент ранее единой (и моноцентрической) системы; активным (хотя и асимметричным по интенсивности и хронологии) их включением в экзогенные геополитические и геоэкономические иерархии (в том числе и формированием трансграничных систем); общей периферизацией постсоветского пространства. Утверждающиеся новые политико-экономические реалии инициировали повсеместный рост центро-периферийных градиентов; параллельно наблюдался общий (соответствующий планетарному тренду) переход от линейно-узловой территориальной структуры (по терминологии И. Маергойза[1]) к более мобильной, сетевой, полицентричной структуре. Наряду с ареалом локализации русской культуры, «скрепами» постсоветской Евразии, оказавшейся объектом масштабного геостратегического «передела» («шахматной доской» по выражению З. Бжезинского[2]), стали не только ключевые объекты геоэкономической инфраструктуры (т. е. важнейшие центры добычи углеводородного сырья, трубопроводные системы, крупнейшие порты), но и иерархические сети страновых и региональных городов-метрополий (генераторов «радиальной зонно-волновой диффузии»[3]), которые обрели

[1] *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986.

[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.

[3] *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

двуединую ипостась: центральных зон пространственно расширяющейся (все более *полизависимой*) евразийской периферии[1] и, одновременно, «узлов» и «узелков» глобальной урбанистической структуры, оказавшихся, при этом, «центрами-иностранцами» (по А. И. Трейвишу[2]), очагами культурных псевдоморфоз. «Евразийское пространство» все масштабнее подвергалось воздействию «мягкой силы» как евроатлантических государств, так и Турции (с 1992 года вновь активно «продвигающей» геоконцепт «Турецкого Мира»). В контексте ренессанса национальных культур и инициированной переходом к постсекулярному обществу реисламизации – значительная часть постсоветских территорий обретала качество зоны периферийной дисперсии Исламской Уммы.

В «нулевые» годы важнейшим фактором эволюции центро-периферийных систем евразийского пространства стала его геоэкономическая (в пользу Китая, отчасти Индии, Турции, ряда других держав), геодемографическая (с акцентом на «мусульманскую составляющую» Евразии) и геополитическая (продвижение структур НАТО и ЕС на восток) «перебалансировка». Сформировались новые территориальные иерархии (в том числе и трансграничные); проявилась их более четкая сфокусированность на тех или иных «центрах силы». Сама же Евразия, в данном контексте, в своем двуедином общественно-географическом «облике» (массива территории, «насыщенной» пространственными социально-экономико-культурными системами, процессами и потоками и, одновременно, ментального конструкта) обретала многомерность, многополюсность, все более являя собой множественность нестатичных и фактически взаимопересекающихся «евразийских пространств», расширяя географические границы, трансформи-

[1] *Дружинин А. Г.* Полизависимость в центро-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

[2] *Трейвиш А. И.* Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции // Известия Академии Наук. Сер. геогр. 2000. № 3. С. 9–22.

руясь в «Большую Евразию»[1]. Будучи продуцентом интернационализации евразийского дискурса, феномен этот ныне проявляет себя как совместное геоисторическое наследие евразийских государств, как территориально очерченное былое, современное и, даже, перспективное взаимопересечение их геоэкономических и геополитических интересов, равно как и выстраиваемых ими форматов межстрановой интеграции (Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический союз, СНГ, ШОС, ОДКБ, ГУАМ, СДВ, и др.). Современная «Большая Евразия» («Мега-Евразия») уже «де-факто» бицентрична (как минимум) даже в своей «сердцевинной» части (традиционно доминировавший московский «сгусток» социально-экономической активности в последние годы постепенно «догоняет» Стамбульская агломерация[2]); на приоритетные позиции в обновленном «евразийском пространстве» все больше выходят структуры трансграничные, «контактные», характеризуемые, в том числе, активной этнодемографической и этнокультурной динамикой, локализованные в исторически уже сложившихся и новых (инициированных геостратегическими изменениями) транзитных коридорах и урбанистических ареалах (генераторах и ретрансляторах геокультурных инноваций).

Ставшая, фактически, не только сырьевой периферией Запада, но и значимым (во многом благодаря благоприятной рыночной конъюнктуре предшествующего десятилетия) фокусом генерирования, аккумулирования и перераспределения природно-ресурсной ренты, со второй половины «нулевых» годов Россия также демонстрирует способность к выстраиванию собственной (практически, трансевразийской) геоэкономической конструкции. В этой связи усиливается (частично восстанавливается) россий-

[1] *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

[2] *Дружинин А. Г.* «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте// Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 2 (9). С. 3–14.

ское экономическое и культурное присутствие в некоторых государствах Средней Азии, Закавказья. С 2010 года (с момента действия Таможенного союза) возросла степень сопряженности российской, казахстанской и белорусской экономик. Качество тренда обрело и углубляющееся геостратегическое взаимодействие Российской Федерации с Турецкой Республикой[1]. Вплоть до 2014 года укреплялись геоэкономические позиции России в странах Балтии, Финляндии, Польше; симптоматично, при этом, что весь постсоветский период деградировали экономические отношения с Украиной. Если в 1996 г. в структуре внешней торговли Украины на страны СНГ приходилось 57,5 %, то в 2000 – 43,8, 2005 – 39,1, 2010 – 40,5, 2013 г. – 35,6 % и, наконец, в 2015 г. – лишь 25,2 %.

Меняющийся с зимы-весны 2014 г. (рельефно, зримо) геополитический контекст явил *рост геополитической субъектности* России, ознаменовал новый «виток» переформатирования евразийского пространства, ***фактическое завершение постсоветского периода евразийской геоистории*** и выход на авансцену в еще большей мере (чем ранее) транзитивной, поливариантной по своей перспективе, геополитически и геоэкономически фрагментированной, полицентрической и полизависимой **неоевразийской реальности**. Последняя проявляет себя, разумеется, лишь общими контурами, трендами; тем не менее, уже сейчас можно полагать, что для архитектоники взаимодействия ее полимасштабных центров в еще большей (чем ранее) мере будет существенно географическое соседство (в том числе и «многососедство»), реализуемое на основе геоэкономической сопряженности и этнокультурной комплиментарности; в этой связи следует ожидать рост влияния «китайского фактора» в социально-экономической динамике регионов Восточной Сибири и Тихоокеанской России, «турецкого» и «иранского» – на Юге России и в государствах Закавказья (в том числе и в формате выстраивания трансграничных

[1] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

евразийских метарегионов). На этом фоне одни экзогенные (по отношению к собственно Евразии) центры все ощутимее станут обретать свойства узлов ее внутренней территориальной структуры; влияние иных – постепенно начнет сокращаться.

Следует также полагать, что в неоевразийской реальности динамика центро-периферийных систем будет все в более существенной мере корреспондировать с эволюцией культурно-сакрального пространства; на авансцене евразийских геокультурных и геополитических процессов, при этом, окажутся многоаспектные формы и ситуации соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама, а также русско-тюркского межэтнического взаимодействия.

Территориальные социально-экономические пропорции в рамках «евразийского пространства» (в первую очередь собственно его российского сегмента) неизбежно испытают на себе, полагаю, одновременное влияние пролонгированного «сдвига на север» (инвестициями энергосырьевых компаний, а также потоком мигрантов) и углубляющегося притяжения населения, хозяйства и инфраструктуры к морским (в первую очередь южным) побережьям. Формирование «евразийской идентичности» (в том числе как реакции на геополитическую, геоэкономическую и геокультурную экспансию «с Запада» и «с Востока») в этой ситуации будет сопровождаться «расползанием» ее географических «рамок». На этом фоне следует ожидать расширения «присутствия» концепта «Евразия» в общественном (в том числе и научном) дискурсе.

2.3. Геодемографические и социально-экономические детерминанты этнокультурного диалога в центро-периферийной системе современной России[1]

Современная Россия – страна больших (масштабных по своим амплитудам и следствиям) изменений и существеннейших территориальных социально-экономических контрастов[2]. Пространственная организация российского общества динамична, иерархична и крайне усложнена, что предопределяет многообразие региональных и локальных ситуаций этнокультурного диалога, важнейшими составляющими которого в настоящее время выступают:

– взаимодействие русской культуры с этнокультурными комплексами других народов многонациональной России (данные переписи 2010 года вмещают информацию по 200 народам; доля русских в общей численности населения составляет почти 78 %, в совокупности с остальными славянскими народами достигая 80 %; в этнодемографической структуре страны также весома доля «тюркской составляющей» – 8,4 %, автохтонных народов Северного Кавказа – 4,5 %; в несколько

[1] По: *Дружинин А. Г.* Демографические и социально-экономические детерминанты этнокультурного диалога в современной России: взгляд географа-обществоведа // Гласник Географског друштва Републике Српске. Бр. 18 – 2/14.2014. С. 3–16.

[2] Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012.

меньшей степени представлены этносы Закавказья – 1,4 %, а также представители финно-угорских народов – около 2 %);

– межконфессиональное взаимодействие (исходя из этнического состава населения, доля потенциальных приверженцев Православия на территории Российской Федерации может быть оценена в 84 %, Ислама – 10,5–11,0 %, Буддизма – 0,6 %, Протестантизма – 0,2 %, Католицизма и Иудаизма – по 0,1 %).

Будучи для России традиционно фундаментальной, «стержневой», проблематика этнокультурного диалога обрела особую актуальность в постсоветский период. Распад СССР, появление новых границ и геополитических субъектов (повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, расчленение прежде единого геоэтнокультурного пространства), массовые миграции, рост этнического и конфессионального самосознания, коррекция позиций страны в международном разделении труда и рост центро-периферийных градиентов, доминирующая установка на экономическую выгоду (причем, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) – все это благоприятствует территориальной социально-экономической фрагментации (в том числе и анклавизации), существенно модифицируя базовые условия хозяйствования, социально-демографического и, соответственно, этнического воспроизводства и межкультурного диалога.

Важнейшим фактором (и трендом) постсоветских этнодемографических изменений выступает, в частности, устойчивая депопуляция подавляющей части территории Российской Федерации. С 1989 по 2010 гг. население России сократилось на 4117 тыс. (или на 2,8 %), причем интенсивность процесса в 2002–2010 гг. оказалась существенно выше (283 тыс. человек, в среднем, ежегодно), чем в предшествующий межпереписной период (142 тыс.).

Весь постсоветский период большинство регионов Центральной России и Урала интенсивно теряло население (рис. 5). За 1989–2010 гг. на 3,5 млн (или 14 %) сократилась численность жителей регионов Сибири и Дальнего Востока, знаменуя собой общий «сдвиг» демографического потенциала на запад, в европейский ме-

гарегион страны. Удельный вес азиатских регионов в численности населения России, неуклонно росший на протяжении почти всей советской эпохи и достигший в 1980-е годы (от итога по тогдашней РСФСР) почти 1/4, за двадцать лет сократился до 1/5.

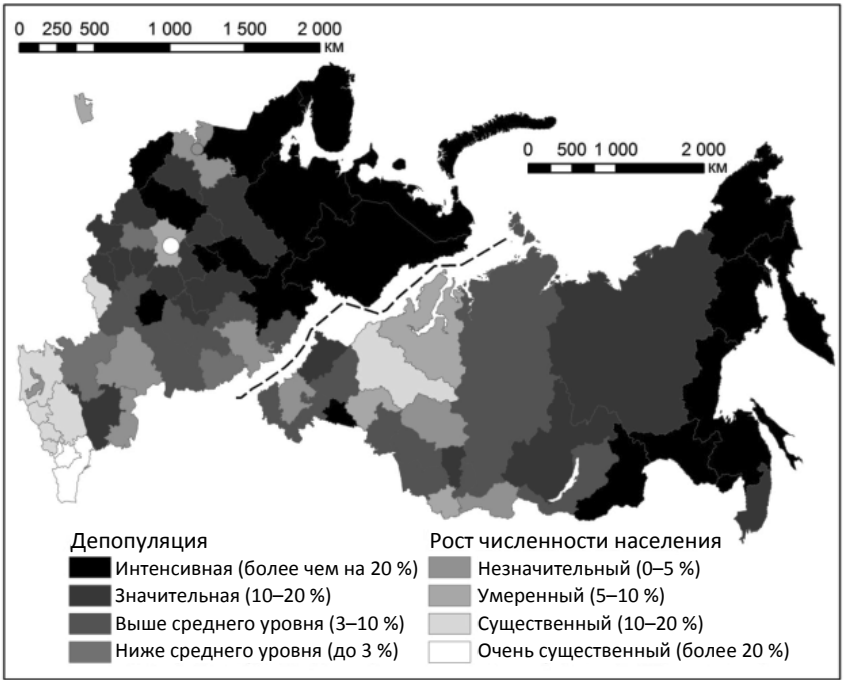

Рис. 5. Изменение численности населения регионов России за 1989–2010 гг.

На фоне выраженного «обезлюдевания» подавляющей части территории страны (рис. 5), население (вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности) устойчиво концентрируется в немногих лидирующих в социально-экономическом отношении регионах и урбанистических центрах (крупных городских агломерациях), все в более заметной мере выступающих, в этой связи, «фокусами» полиэтнических взаимодействий.

Следует учитывать, что в современной России притягательность для населения той или иной конкретной территории предопределяются наличием у нее эффективных производств (ориентированных, прежде всего, на экспорт), ее общей «демографической массой», локализацией крупных городских агломераций, развитостью инфраструктуры. Столь же существенны транспортная доступность от столицы, других важнейших логистических центров (Санкт-Петербурга, Владивостока, Калининграда, Новороссийска, Ростова-на-Дону и др.), линий внешнеэкономической коммуникации, а также эффективность менеджмента, имидж территории. Возможности развития экономики и состояние системы расселения в более значительной мере (чем ранее в советский период) зависят и от природно-климатических условий, имеющейся ресурсной базы, включая продуктивность сельскохозяйственных земель. В постсоветской России существенным фактором социально-экономического успеха территории является и ее статус, что наиболее характерно для городов: в новой архитектонике территориальной организации российского общества в выигрыше оказались главным образом столицы, в первую очередь федеральные. Не случайно, основным демографическим аттрактором в общероссийском масштабе выступает г. Москва, чье население за два межпереписных периода выросло на 30 %; с 1989 года москвичами стали не менее 4,5 млн мигрантов, что эквивалентно 40 % населения города.

Контрастна (в сопоставлении со среднероссийской) и ситуация в ряде республик Северного Кавказа, чье преимущественно аграрное население благодаря сохраняющемуся высокому естественному приросту (достигающему в Республике Ингушетия и Чеченской Республике 27–30 ‰) за постсоветский период выросло более чем на 30 %.

Включение в состав РФ новосозданного (и, безусловно, тяготеющего к Югу России) Крымского федерального округа (2,3 млн жителей) еще рельефнее высветило юго-западный вектор «перетока» населения России, одновременно усиливая дисбаланс между социальными приоритетами (и ожиданиями) южно-российских

территорий и их фактическими экономическими трендами и возможностями.

В последнее десятилетие темпы естественной убыли населения (основной причины депопуляции) в общероссийском масштабе постепенно сокращаются. Тем не менее, даже в относительно благополучные 2010–2013 гг. в 22 регионах страны коэффициент естественной убыли превышал 5‰; в еще девяти – оставался выше 3 ‰. Впрочем, к концу второго десятилетия XXI века естественная убыль (под воздействием эффекта «демографической волны») вновь неизбежно возрастет, а депопуляция (даже при пролонгации относительно благополучных социально-демографических условий «нулевых» годов) практически повсеместно обретет былую силу, равно как и корреспондирующий с ней, последовательно разворачивающийся процесс «этнического замещения», в свою очередь чреватый этнокультурными трансформациями и этнополитическими рисками.

Важнейший, напрямую проецирующийся на масштаб и географию внутрироссийского этнокультурного диалога аспект российской депопуляции – опережающее (за межпереписной период – на 4,4 %) сокращение численности государствообразующего этноса – собственно русского населения. За последний межпереписной период (2002–2010 гг.) частичная «дерусификация» этнической структуры населения оказалась характерной для 72 регионов России[1]. Причем, если в целом по стране доля русских в этнической структуре населения за последний межпереписной период сократилась на 2,1 процентных пункта, то, к примеру, в Калужской области – на 7,5, Рязанской области – 5,5, Тверской – 5,9, Новгородской – 5,3. Республике Мордовия – 7,7, Кировской области – 8,0, Астраханской области – 8,6 %. Тем не менее, собственно

[1] *Дружинин А. Г.* «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 3–15.

русский этнический компонент продолжает оставаться преобладающим (более 50 %) в 77 субъектах РФ; в 58 регионах удельный вес этнических русских в населении превышает 75 %. И только в 12 субъектах Федерации (имеющих статус «республики») русские составляют менее 50 % населения, причем, минимален удельный вес русского населения в юго-восточном секторе Северного Кавказа: Республике Дагестан (3,2 %), Чеченской Республике (1 %) и Республике Ингушетия (0,5 %).

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно более однородна по этническому составу. Однако с учетом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны – ее не верно (и опасно!) воспринимать исключительно как моноциональное государство, тем более, учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. К 2050 году (если тренд не изменится) соответствующая цифра снизится до 68 % (непосредственно на Юге России, включающем северокавказские республики и Калмыкию – до 55 %)[1]. Рост **полиэтничности России**, в этом контексте, обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры.

Важно, при этом, осознавать, что как в 1990-е, так и в первую половину 2000-х годов «дерусификации» этнической структуры населения России в целом противодействовали характерные для того периода миграционные векторы. За первые 15 постсоветских

[1] *Дружинин А. Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1(4). С. 3–16.

лет (1991–2005 гг.) титульные для стран «нового зарубежья» национальности увеличили население России всего на 542 тыс. человек, тогда как за счет иммигрантов русской национальности оно возросло на 5231 тыс.[1] Именно трансграничная миграция все предшествующие годы не только поддерживала демографический потенциал страны, но и стабилизировала ее этнодемографическую структуру. Если, абстрагируясь от реалий, полностью исключить из расчетов «фактор миграции», то из 147 млн россиян (1989 г.) к 2002 г. на территории Российской Федерации должно было бы «остаться» порядка 139 млн; перепись же 2002 г. «показала» наличие около 145 млн человек. Цифра эта под воздействием существенных темпов естественного спада (особенно в первую половину 2000-х гг.) к 2010 г. могла превратиться в 140 млн, но фактически (согласно итогам переписи) в России оказалось зафиксировано 142,9 млн жителей. Учитывая, что страну с 1989 г. покинуло до 2 млн граждан, только статистически «улавливаемый» демографический поток в Российскую Федерацию за 1989–2010 гг. оказался не менее 14 млн человек. То есть практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – иммигрант постсоветского периода. Сформировав, при этом, достаточно многочисленную, рассредоточенную по многим странам и метарегионам планеты диаспору (Германия, США, Великобритания, Израиль и др.) и испытывая депопуляцию, современная Россия, таким образом, одновременно выступала (и продолжает выступать) и как активно заселяемая извне страна.

Инициированный распадом СССР (к тому моменту из 145 млн русских 25,2 проживали за пределами РФ[2]), миграционный приток этнических русских в Россию, в то же время, год от года стабильно сокращался (по оценке Л. Л. Рыбаковского, в 2000 г. из постсоветских стран в Российскую Федерацию прибыло русских в 2,6 раза

[1] *Рыбаковский Л. Л.* Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию // Социологические исследования. 2009. № 2,

[2] *Кабузан В.* Русские в мире. СПб., 1996.

меньше, чем в 1995 г., а в 2005 г. – в 2,1 раза меньше по сравнению с 2000 г.[1]). Со второй половины 2000-х гг. основным ресурсом восполнения демографических потерь России выступают преимущественно тюркские (и исламские по доминирующей конфессии) государства Центральной Азии (бывшие союзные республики), что уже сейчас придает российской депопуляции черты масштабной культурной (поведенческой, ценностной) трансформации, ставя ее в прямую зависимость от динамики и направленности интеграционно-дезинтеграционных процессов в быстро видоизменяющей свой социально-экономический и этнодемографический «ландшафт» Евразии[2].

Учет сложившейся к настоящему моменту возрастной структуры населения России и ряда сопредельных с ней государств (включая постсоветские, активно вовлеченные в процесс миграционного обмена с Российской Федерацией) и осуществленный на этой основе прогноз (методом «подвижки» генераций) численности населения (табл. 1), позволяет полагать, что современные «демографические доноры» России (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) при пролонгации сложившихся в Евразии центропериферийных градиентов в грядущие три с половиной десятилетия будут способны предложить нашей стране в совокупности не более 7–8 млн мигрантов, что лишь на 20 % восполнит российские «естественные» демографические потери.

К середине XXI века можно также уверенно прогнозировать ощутимый «прирост» демографической «массы» Ирана и, в еще большей мере, Турции (государства, концентрирующего значительную часть тюркоязычного населения планеты и, в этой связи, обладающего существенным потенциалом влияния во многих

[1] *Рыбаковский Л. Л.* Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию // Социологические исследования. 2009. № 2.

[2] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

Таблица 1

Прогноз численности населения России в сопоставлении с некоторыми другими евразийскими государствами (без учета фактора международной миграции)

	Численность населения, 2013 г., тыс. чел.	Доля (усредненно) годовой генерации в диапазоне 25–54 года в населении, %	Доля (усредненно) годовой генерации в диапазоне 0–14 лет в населении, %	Изменение доли генерации за 2012–2045 гг.	Гипотетическая (на основе учета ожидаемой «подвижки» генераций) расчетная численность населения к 2045–50 гг.
Россия	142500	1,53	1,06	0,69	98325
Азербайджан	9590	1,50	1,51	1,01	9685
Армения	3064	1,53	1,15	0,75	2298
Афганистан	31108	0,99	2,84	2,87	89279
Грузия	4942	1,41	1,02	0,72	3558
Иран	79853	1,51	1,57	1,04	83047
Казахстан	17736	1,42	1,65	1,16	20573
Киргизия	5548	1,31	1,98	1,51	8377
Таджикистан	7910	1,28	2,23	1,74	13763
Туркменистан	5113	1,39	1,78	1,28	6544
Турция	80694	1,42	1,72	1,21	97639
Узбекистан	28661	1,42	1,69	1,19	34106
Украина	44573	1,5	0,93	0,62	27635

регионах постсоветского пространства[1]); поистине «взрывные» темпы демографической динамики сможет продемонстрировать

[1] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

Афганистан. Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая позиция, равно как и геокультурная специфика – уже в ближайшей перспективе станут оказывать все возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, предопределяя приоритетность в нем русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама. Симптоматична (и отрадна!) в этой связи позиция Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, высказанная 21.07.2016 во время его посещения Татарстана, что «сегодня существуют очень сильные предпосылки, глобальные, не только национальные, к развитию отношений между православными и исламом. Мы принадлежим к одной восточной культуре, у нас даже одежды похожи…»[1].

Наблюдаемые этнодемографические изменения проецируются на этнокультурную ситуацию, предопределяют ее перспективу (предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «…в будущем, быть может, недалеком, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что… нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»[2]).

Общий тренд не только актуализирует проблематику межкультурного диалога, но и существенно расширяет его общественно-географический контекст, обретающий свойства трансграничного, межстранового, интерцивилизационного. Все это, как представляется, требует скоординированной активности российского общества по ряду приоритетных направлений:

• Во-первых, сверх чуткого отношения к этнической составляющей территориальной социально-экономической и культурной

[1] Патриарх объяснил преимущества России общей моралью православных и мусульман // http://www.interfax.ru/russia/519793 (Дата доступа – 22.07.2016).

[2] *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.

динамики, действенных усилий по гармонизации межэтнических отношений, в том числе мерами социально-экономической и региональной политики. Думая о России и все в возрастающей мере осознавая ее общественно-географические реалии как *единство разного* (по этнодемографической структуре, доминирующему хозяйственному укладу, уровню и образу жизни, ландшафтным особенностям и т. п.), фокусируясь на присущих стране тенденциях и проблемах, важно, одновременно, видеть их преимущественно общеевразийский генезис и масштаб. Культивирование адаптивных (учитывающих региональный и локальный хозяйственный, селитебный, природно-ландшафтный, ментальный и иной контекст) подходов и решений в политике и в экономике необходимо сочетать с многовекторной (верно сказано – Россия – страна *многососедского* положения[1]) геополитической, геоэкономической и геокультурной стратегической активностью в метарегионе Евразии.

• Во-вторых, продолжения целенаправленной реконструкции русского (великорусского) этноса как основы российской государственности. Следует, при этом, учитывать, что в России происходит неуклонное сокращение гомогенности как русского, так и нерусского населения. За период одновременной жизни трех поколений этнически гомогенными могут себя считать 60 % русских и 40 % нерусских (этнически неопределенными, соответственно, 17 и 20 %). Почти 1/10 гетерогенных лиц русской национальности участвует в межэтническом обмене при смене одного поколения другим. Вероятно, понадобится менее столетия, чтобы доля «чистокровных» русских опустилась до 50 % численности русского этноса. [2] В этой связи важнейшей стратегической задачей становится обеспечение территориальной (равно как и политико-экономической, социокультурной) целостности Российской Федерации и противодействие деструктивной, раз-

[1] *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009.

[2] *Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П., Харланова Н. Н.* Этнический фундамент населения России // СОЦИС. 2001. № 4.

рушительной для России (и, к сожалению, как свидетельствуют итоги социологических опросов, достаточно популярной[1]) идее построения русского «национального», моноэтнического государства. Ведь только территориально единая, экономически эффективная, политически устойчивая и социально благополучная, открытая для трансграничных взаимодействий (в том числе и для иноэтнических миграций) Россия может обеспечить стабильное полноценное «присутствие» русской культуры и на постсоветском пространстве, и в мире в целом. При этом, фактор российского государства, его юрисдикции, равно как и включенности той или иной территории в экономическое и культурно-информационное пространство России – выступает весьма существенным для воспроизводства русской культуры обстоятельством. Показательна, в этой связи, ситуация на российском Кавказе. Стабилизация социально-политической обстановки, равно как и более тесная интеграция соответствующих территориальных общностей в российскую экономику (посредством бюджетного механизма, «отходничества», развития рекреации и др.) – благоприятствовали укреплению позиций русской культуры в данном макрорегионе. Симптоматично, что за последний межпереписной период в локализованных на Юге России национальных республиках доля лиц, *не владеющих русским языком,* сократилась с 9,6 до 6,8 %, т. е. более чем на 160 тысяч человек (для чеченцев подобное изменение оказалось наиболее существенным – с 19,1 до 8,1 %). Ключевым для будущего России вопросом становится также адаптационный и ассимиляционный потенциал русской культуры, ее способность самосохраниться (и, отчасти, измениться), восприняв, «отфильтровав» и «переработав» обширнейшие «волны» культурных инноваций, привносимых и с Запада, и с Востока, и из сопредельных государств Евразии (как это изумительно четко и точно сформулировал в недавнем общении со мной в Севастополе один молодой крымский татарин «если не сохраним русских, сами все по-

[1] Левада-центр. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских». http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosit.

тонем...»). Столь же необходимы, впрочем, и адекватные, четкие, разделяемые подавляющей частью российского общества представления об идентичности нашей страны (вопрос этот до сих пор не решен[1]), включая ее цивилизационный, а следовательно, и географический аспект.

• В-третьих, учитывая, что планета все ощутимее перенаселена, а ее базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геоэкономической конкуренции, долгосрочная и устойчивая пролонгация русского этногенеза (стабильное воспроизводство соответствующей геоэтнокультурной системы Великороссии[2]) немыслима вне реализации последовательной стратегии удержания территории, что практически ныне означает ее реосвоение, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов. Возможностей для этого у России (где, в силу преимущественно институциональных обстоятельств, все гиперзатратно – строительство и сохранение в рабочем состоянии инфраструктуры, обеспечение трансграничных потоков сырья, товаров, поддержание жизнедеятельности городов и в целом системы расселения) в настоящий момент, к сожалению, катастрофически мало. Практически исчерпана эндогенная ресурсная база реосвоения (требующего высокой мотивации, мобилизации и сверхжертв); оно уже не может вестись ни за счет российской деревни, ни в существенной мере деградировавшей в постсоветский период индустриальной базы. Сохраняющиеся источники природной ренты («развернутые» в сторону крупнейших российских городов и глобальных урбанистических сетей) по политико-экономическим и социальным причинам также практически недоступны. В подобных условиях, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры чревато эскалацией регионального эгоизма и сепаратизма, проблематика

[1] Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012.

[2] *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

сохранения территории России не может не корреспондировать с сущностными подвижками в политико-экономических отношениях «по поводу» освоения территории, использования ее потенциала. Крайне актуализирована, при этом, не только «ресоциализация» базовых ресурсов страны, но и «неорегионализация» России на основе развития полимасштабной и многополюсной сети организующих территорию урбанистических центров с акцентом на государственную и корпоративную поддержку региональных столиц, «смыкание» ареалов их влияния (за счет целенаправленной инвестиционной, инфраструктурной и тарифной политики), синхронизацию процессов экономической модернизации, реализацию необходимых (с «поправкой» на специфику территории) структурных и институциональных изменений во всех без исключения регионах полиэтнической России.

2.4. Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики[1]

2013–2015 гг. оказались для постсоветского и в целом евразийского пространства во многом переломными, насыщенными знаковыми (и значимыми!) геоэкономическими и геополитическими событиями. Прежде всего, из-за опережающего роста экономики КНР (государства, все более «выходящего из тени»[2]) ощутимо изменился геоэкономический баланс трех ведущих мировых «центров силы»: по совокупному объему ВВП (рассчитанному по паритету покупательной способности) Китай в 2014 году превзошел США, а в 2015 – и Европейский союз; меняющееся в Евразии соотношение сил спровоцировало активизацию западной экспансии. Ее зримым проявлением стал разразившийся зимой-весной 2014-го «украинский кризис», обнаживший наметившуюся ранее и все углубляющуюся «размолвку» России и Запада, рельефнее высветивший (падением мировых цен на нефть) не только риски, но и прямые социально-экономические последствия сложившегося за предыдущую четверть века периферийного, полуколониального статуса экономики нашей страны. Параллельно усилилась политическая турбулентность в Турецкой Республике, приведшая как к острому (с ноября 2015 г.)

---

[1] По: *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 74–85.

[2] *Портняков В. Я.* Возвращение Китая: что дальше Россия в глобальной политике. 2014. № 3.

«семимесячному» кризису в турецко-российских отношениях, так и к недавней (июль 2016 г.) неудавшейся попытке военного переворота в Анкаре и Стамбуле. На этом фоне обозначились и набирающие силу интеграционные векторы (с 1 января 2015 года «стартовал» Евразийский экономический союз, знаменуя собой новую стадию и форму институциализации постсоветского пространства; началось активное продвижение проекта «Один пояс – один путь» со стороны Китая), а сама ***евразийская идея*** (ранее почти маргинальная, зачастую **воспринимавшаяся как «мнимость»**[1]**,** культивируемая сравнительно немногочисленной группой интеллектуалов, десятилетиями пребывавшая на периферии научного, в том числе и общественно-географического дискурса) – оказалась востребована, получила государственную поддержку, стала **расширять свое присутствие в ментальном пространстве,** обретать качество одного из базовых ориентиров геостратегии России. Показательно, в этой связи, мнение В. В. Путина, высказанное на заседании «Валдайского клуба» 19 сентября 2013 года, что «Евразийский союз… это не просто набор взаимовыгодных соглашений…, это проект сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии»[2].

В современной полицентричной, существенно расширившей свои пространственные контуры Евразии («Большой Евразии») общественно-географические трансформации – многогранны. Фиксируются они и в такой приоритетной (в том числе и для нашей страны), динамичной сфере как внешняя торговля, чутко откликающейся на любые геоэкономические и геополитические

[1] *Каганский Л. В.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое /Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

[2] *Путин В. В.* Выступление на заседании Валдайского клуба «Многообразие России для современного мира» [Электронный ресурс] // http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (Дата доступа – 25.04.2015).

«подвижки». Текущая ее динамика, при этом, неизменно сочетается с фундаментальными трендами, существенными для идентификации трансформации общеевразийской архитектоники.

Объем и структура внешнеторгового оборота – нестатичны; в особой мере проявляется это в условиях кризиса, стремительного изменения глобальной конъюнктуры. С августа по декабрь 2014 г. мировая цена на нефть снизилась практически в 2,5 раза и, в дальнейшем, стабилизировалась примерно на 50 % от «привычного» ранее для российской экономики уровня; за аналогичный период на 72 % возрос и курс доллара к рублю. Наблюдаемая на этом фоне общая реструктуризация географии внешней торговли России корреспондировала, при этом, прежде всего, со снижением доходов от «нефтегазового» экспорта. К примеру, если в I квартале 2014 г. соответствующий показатель достигал 115712 млн долл. США, то за аналогичный период 2015 года – лишь 71528 (т. е. 62 % от прошлогоднего уровня, или на 44 млрд. долларов США меньше) (табл. 2).

Таблица 2

«Нефтегазовая составляющая» экспорта России*

Наименование товара	Январь – март 2014		Январь – март 2015		Динамика показателей, рост/снижение, раз	
	Тыс. тонн	Млн долл. США	Тыс. тонн	Млн долл. США	В натуральном выражении	В денежном эквиваленте
Нефть сырая	52619	38824	59344	22726	1,13	0,58
Нефтепродукты	37025	27145	45803	19771	1,24	0,73
Дизельное топливо	11336	19163	13778	7641	1,22	0,40
Топлива жидкие	18924	10947	24448	8223	1,29	0,75
Газ природный сжиженный, млрд $м^3$	2,8	1586	5,9	1684	2,10	1,06
Газ природный, млрд $м^3$	54,3	18047	43,9	11483	0,81	0,64

* Составлено по данным Федеральной таможенной службы.

Характерно, что на изменение ценовой и валютной конъюнктуры российские корпорации среагировали ростом внешнеторговых

поставок по многим позициям профильной для страны товарной номенклатуры (в их числе не только энергоносители, но и пшеница, минеральные удобрения, черные металлы и др.). Направляющиеся из России товарно-сырьевые потоки в натуральном выражении, в результате, возросли, а финансовый «противоток» сократился (если по итогам 2013 г. объем экспорта из России составлял почти 528 млрд долл. США, то в 2014 – лишь 498 млрд, т. е. на 6 % ниже; показатель 2015 г. оказался еще скромнее – 345,9 млрд). За 2014 год объем российского импорта (в денежном выражении) сократился на 6 %, а за 2015 г. – еще на 36,7 %, знаменуя собой не только снижение потребительского потенциала основной массы населения, но и фактическое «свертывание» инвестиционной активности. Новая ситуация, таким образом, еще четче высветила сложившийся с момента распада СССР периферийный, зависимый, ресурсно-сырьевой характер российской экономики. Страна, при этом, несколько дистанцировалась (в том числе и в связи с «антисанкциями») от сопредельных (и более отдаленных) рынков как покупатель и, в то же время, еще больше (по возможности) приблизилась к ним как «продавец», что предопределило некоторую коррекцию «веса» ведущих внешнеторговых партнеров России в ее торговом балансе (табл. 3).

Таблица 3

Основные внешнеторговые партнеры России (внешнеторговый оборот по итогам I квартала соответствующего года)*

Страны	**2008**	**2009**	**2014**		**2015**		**2016****	
	%	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%
Всего	**100**	**100**	**263368**	**100**	**149413**	**100**	**169680**	**100**
ЕС, в т. ч.	**53,7**	**51,0**	**130381**	**49,5**	**81477**	**45,7**	**74521**	**43,9**
Германия	9,7	8,1	23718	9,0	15379	8,6	14970	8,8
Нидерланды	8,7	7,8	24003	9,1	14964	8,4	12721	7,5
Италия	7,6	6,8	16271	6,2	11629	6,5	7390	4,4
Польша	3,8	2,9	8455	3,2	4476	2,5	4505	2,7

Окончание табл. 3

Страны	2008	2009	2014		2015		2016**	
	%	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%
Великобритания	3,0	3,3	7271	2,8	3725	2,1	3874	2,3
Франция	2,9	3,7	6606	2,5	3752	2,1	4494	2,9
Финляндия	3,3	3,3	5272	2,0	3587	2,0	3201	1,9
Китай	**7,8**	**8,6**	**29196**	**11,1**	**20615**	**11,6**	**22692**	**13,4**
Турция	**4,7**	**5,0**	**10656**	**4,0**	**9007**	**5,0**	**6129**	**3,6**
Япония	**3,5**	**3,8**	**10264**	**3,9**	**8154**	**4,6**	**6125**	**3,6**
США	**3,2**	**4,0**	**8897**	**3,4**	**7097**	**4,0**	**7040**	**4,1**
Республика Корея	**2,6**	**2,0**	**8361**	**3,2**	**6029**	**3,4**	**5295**	**3,1**
Украина	**5,5**	**3,9**	**12154**	**4,6**	**4851**	**2,7**	**3414**	**2,0**
Индия	**0,8**	**1,6**	**2999**	**1,1**	**2485**	**1,4**	**2803**	**1,7**
Бразилия	**0,7**	**0,8**	**1590**	**0,6**	**1472**	**0,8**	**1493**	**0,9**
Египет	**0,3**	**0,4**	**1576**	**0,6**	**1399**	**0,8**	**1737**	**1,0**
Израиль	**0,4**	**0,3**	**937**	**0,4**	**885**	**0,5**	**806**	**0,5**
Иран	**0,4**	**0,9**	**424**	**0,2**	**421**	**0,2**	**856**	**0,5**
ЕАЭС, в т. ч.	**7,9**	**8,5**	**17480**	**6,6**	**12682**	**7,1**	**14433**	**8,5**
Беларусь	5,1	5,3	10689	4,1	7222	4,0	8885	5,2
Казахстан	2,4	2,8	6791	2,5	5065	2,8	4626	2,7

* Составлено по данным Федеральной таможенной службы.
** Данные за январь-май.

Анализ таможенной статистики за ряд последних лет высвечивает, прежде всего, достаточно выраженную мегатенденцию последовательного (за последний год – ощутимого) снижения в структуре внешнеторгового оборота России удельного веса стран Евросоюза (с 2008 года – на 9,8 процентных пункта). Параллельно (в тренде обозначившегося «разворота» вектора внешней торговли Российской Федерации), устойчиво увеличивалась «китайская

составляющая»: с 2008 года прирост на 5,6 процентных пункта. Несколько нарастили свои доли и такие государства как Индия, Египет, США. Знаковым, позитивным стала некоторая «перецентровка» внешней торговли нашей страны в пользу партнеров по Евразийскому экономическому союзу, в первую очередь – Казахстана, где позиции России, впрочем, существенно слабее, чем у стран ЕС, лишь ненамного превосходя китайские (табл. 4).

Таблица 4

Основные внешнеторговые партнеры Казахстана (доля во внешнеторговом обороте Казахстана, %)*

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015**	2016***
Страны ЕС	44,6	41,0	44,4	44,6	38,7
Россия	17,3	17,9	15,8	17,0	19,2
Китай	13,5	17,0	14,4	13,5	13,0
Турция	3,5	2,6	2,8	3,5	2,3

* Составлено по данным Комитета по статистике Республики Казахстан.
** Данные за январь-март.
*** Данные за январь-май.

По итогам первых пяти месяцев 2016 г. на Россию приходится треть импорта Казахстана (33,3 %); у Китая здесь показатель пока значительно скромнее (лишь 13,8 %). Что же касается казахстанского экспорта, то большая его часть ориентирована на страны Европы (58,1 %). Существенно, при этом, что если в 2014 году Казахстан на фоне общего (аналогично России) сокращения внешнеторгового оборота (показатель за 2014 г. составил лишь 89,5 % от уровня 2013 г.) опережающим образом (практически вдвое интенсивнее) «свертывал» торговые связи именно со странами Таможенного союза, то в 2015 г. (когда «заработали» механизмы Евразийского экономического союза), напротив, в его внешнеторговом обороте несколько «прирос» доля Российской Федерации.

Следует признать, что обесценивание основной номенклатуры экспорта России, Казахстана, ряда других обладающих энергоресурсами постсоветских стран – объективно продуцирует (наперекор вы-

страиваемым механизмам внешнеэкономического взаимодействия) снижение их взаимного товарооборота. При этом, наиболее существенные (фактически, «обвальные») масштабы *торгово-экономическая дезинтеграция* имела место, конечно же, между Российской Федерацией и Украиной. Если в 2013 г. внешнеторговый оборот России с этой страной, по данным Государственного комитета статистики Украины, составлял 38349 млн долл. США, то в 2014 г. – 22477 млн, уменьшившись, тем самым, в 1,7 раза (при общем «сжатии» внешнеторгового оборота Украины в 1,3 раза). Для современной Украины (на фоне стабильного укрепления в этой стране торговых позиций Евросоюза; в 2013 г. доля стран ЕС во внешнеторговом обороте Украины составляла 32,4 %, а в 2015 – 36,6 %) Россия, по-прежнему, остается ведущим внешнеэкономическим партнером, однако российское «присутствие» как в экспорте, так и в импорте ощутимо сократилось; вторую позицию во внешнеэкономическом пространстве Украины в настоящее время занимает Китай (табл. 5); в 2014 г. нарастила, а в 2015 г., напротив, снизила в нем свою составляющую и Белоруссия.

Таблица 5

Основные внешнеторговые партнеры Украины, %*

Государства	2005 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	В экспорте Украины	В импорте Украины	В экспорте Украины	В импорте Украины	В экспорте Украины	В импорте Украины	В экспорте Украины	В импорте Украины
Россия	21,8	35,5	23,8	30,2	18,2	23,3	12,7	21,3
Турция	5,9	1,7	6,0	2,4	6,6	2,4	7,3	2,3
Германия	3,8	9,4	2,6	8,8	2,9	9,8	3,5	10,6
Польша	2,9	3,9	4,0	5,6	4,9	5,6	5,2	6,2
Италия	5,5	2,8	3,7	2,7	4,6	2,8	5,2	2,6
Беларусь	2,6	2,6	3,1	4,7	3,0	7,3	2,2	6,5
США	2,8	1,9	1,4	3,6	1,2	3,5	1,3	3,9
Китай	2,1	5,0	4,3	10,3	5,0	10,0	6,3	10,1

* Составлено по данным Государственного комитета статистики Украины.

При этом именно Беларусь (из всех постсоветских государств) остается наиболее плотно и органично интегрированной в экономическое пространство России. Тем не менее, симптоматично, что с 2000 года (момента вступления в силу Договора о создании Союзного государства) доля Российской Федерации во внешнеторговом обороте Белоруссии снизилась с 58 % до 49,5 % в 2013, 48,5 % в 2014 и 48,3 % в 2015 году. Несмотря на многолетние институциональные «скрепы» двух государств (СНГ, Союзное государство, Таможенный союз и, наконец, ныне – ЕАЭС), география внешней торговли Белоруссии, в итоге, устойчиво обретает поливекторную конфигурацию (рис. 6).

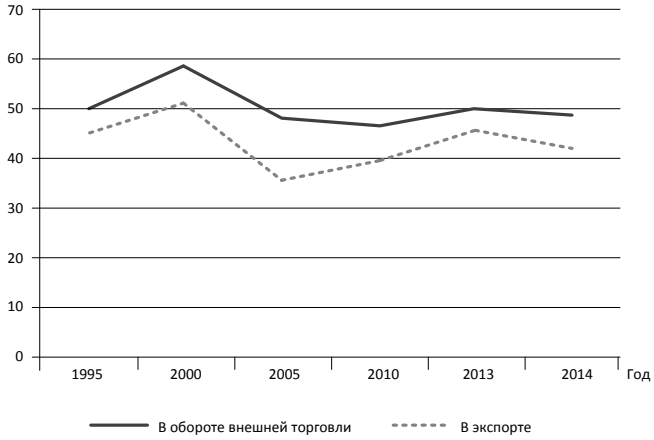

Рис. 6. Удельный вес Российской Федерации во внешней торговле Белоруссии, %*

*Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

На этом фоне (судя по структуре экспорта и импорта – табл. 6 и 7), российская экономика, ее энергоресурсный, потребительский, инвестиционный потенциал – в целом остается безусловной детерминантой внешнеторговой активности Белоруссии.

Акцентируя внимание на динамике наиболее важных структурных пропорций, отметим также, что доля стран ЕС в импорте Республики Беларусь последние годы варьировала от 19 до 23 %,

Таблица. 6

Основные внешнеторговые партнеры Республики Беларусь (по экспорту)*

Страны	2008 г.		2010 г.		2013 г.		2015 г.	
	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%
Россия	10551	32,4	9953	39,4	16837	45,26	10389	38,9
Нидерланды	5408	16,6	2845	11,25	3330	9,95	1158	4,3
Украина	2777	8,53	2560	10,13	4195	11,28	2520	9,4
Латвия	2141	6,57	930	3,68	526	1,42	560	2,1
Польша	1798	5,52	885	3,5	781	2,10	767	2,9
Великобритания	1415	4,35	935	3,7	1024	2,75	2981	11,2
Бразилия	1073	3,3	705	2,79	518	1,39	521	2,0
Германия	812	2,49	460	1,82	1753	4,71	1087	4,1
Литва	619	1,9	450	1,78	1072	2,88	964	3,6
Китай	613	1,88	475	1,88	460	1,24	781	2,9
Казахстан	365	1,12	464	1,84	840	2,34	525	2,0

* Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таблица 7

Основные внешнеторговые партнеры Республики Беларусь (по импорту)*

Страны	2008 г.		2010 г.		2013 г.		2015 г.	
	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%	Млн долл. США	%
Россия	23507	59,69	18080	51,83	22904	53,24	17144	56,6
Германия	2791	7,09	2385	6,84	3035	7,06	1385	4,6
Китай	1414	3,59	1684	4,83	2829	6,58	2400	7,9
Украина	2115	5,37	1879	5,39	2053	4,77	950	3,1
Польша	1154	2,93	1079	3,10	1582	3,68	1082	3,6

* Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

в то время как Таможенного союза – от 53 до 60 %. Параллельно, на белорусском рынке укреплялось присутствие Китая (его удельный вес в импорте Белоруссии только за 2008 – 2015 гг. увеличился с 3,59 до 7,9 %).

Характерно, что «китайский вектор» структурных подвижек во внешней торговле (знаменуя собой де-факто воссоздание биполюсной глобальной геостратегической конструкции) наглядно просматривается не только на постсоветском пространстве, но и в иных сопредельных евразийских (по историко-географическим, этнокультурным и иным основаниям) государствах, например в Турции (табл. 8), последние полтора десятилетия выступающей и в качестве значимого торгового партнера России[1].

Таблица 8

Основные внешнеторговые партнеры Турецкой Республики (удельный вес в экспорте и импорте, %)*

Страны	2005 г.		2010 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Германия	12,9	11,7	10,1	9,5	9,0	9,6	9,6	9,3	9,3	10,3
Россия	3,2	11,1	4,1	11,6	4,6	10,0	3,8	10,4	2,5	9,8
Китай	0,7	5,9	2,0	9,3	2,4	10,0	1,8	10,4	1,7	12,0
Великобритания	8,1	4,0	6,4	2,5	5,8	2,5	6,3	2,5	7,3	2,7
Италия	7,6	6,5	5,7	5,5	4,4	5,1	4,5	4,1	4,8	5,1

* Составлено по данным Турецкого института статистики.

В кризисном для нашей страны 2014-м году внешнеторговый оборот России и Турции уменьшился (в сопоставлении с 2013 г.) лишь на 2,6 % (рис. 7), причем, исключительно за счет турецкого экспорта (на 1021 млн долл. США или на 15 %). Отметим, также,

[1] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

что аналогично (но с несколько меньшей амплитудой) сократили закупки турецких товаров и другие поставщики энергоресурсов: турецкий экспорт в Иран за 2014 г. снизился на 7,3 %, в ОАЭ – на 6,2 %, Саудовскую Аравию – на 4,5 %, Азербайджан – на 2,9 %. В 2015 г. сокращение объема взаимной российско-турецкой торговли оказалось более существенным – почти на 30 %.

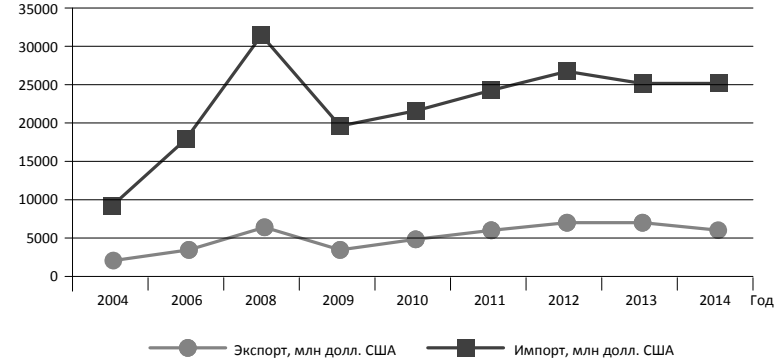

Рис. 7. Турецкий экспорт в Россию и импорт из Российской Федерации*

*Составлено по данным Росстата, а также Турецкого института статистики.

Апеллируя к положению Турции (по мнению турецких аналитиков эта страна «возвращается к африкано-азиатской оси в цивилизационном, экономическом и культурном смыслах»[1]; все большую популярность в ней обретает и идея союза с Россией на основе «евразийского сходства»[2]) и проводя возможные аналогии с российской ситуацией, нельзя не констатировать, что в последнее десятилетие экономика Турецкой республики все заметнее переориентируется с рынков «евроатлантических стран» на вос-

[1] *Rahim Er*. ÇARLIK RUSYASININ DÖNÜŞÜ) // «Turkiye gazetesi», 11.02.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://www.turkiyegazetesi.com.tr/yazarlar/rahim-er/584786.aspx (Дата доступа – 05.06.2015).

[2] *Mehmet Seyfettin Erol.* Türk-Rus İmparatorluğu‘ mu? // «Milli Gazete», 4.12.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://www.milligazete.com.tr/koseyazisi/Turk-Rus_Imparatorlugu_mu/22536#.VH_-N8nu9ZY (Дата доступа – 05.06.2015).

ток, север, юг, демонстрируя выраженный «евразийский» вектор. К примеру, если в 2004 г. совокупная доля Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Голландии и США в турецком экспорте составляла 51 %, то в 2013 – лишь 33 % (в 2015 г. из-за снижения цен на энергоносители и сокращения турецкого экспорта в Россию, ряда иных факторов, соответствующий показатель возрос до 35,4 %). Сократилась также и зависимость Турецкой экономики от импорта из западных стран[1].

Текущая геоэкономическая конъюнктура, в итоге, как свидетельствует внешнеторговая статистика, порождает дополнительные дезинтеграционные эффекты, усиливает проявления периферизации стран и регионов на евразийском пространстве. Ее изменение (равно как и купирование порождаемого кризисом социально-экономического негатива) связано, полагаю, в том числе, и с реализацией потенциала евразийской интеграции с учетом реалий и возможностей все рельефнее проявляющейся демографо-экономической «перецентровки» Евразии в пользу ее юго-востока.

Фиксируя наличие «евразийского вектора» внешнеторговой активности, поддерживая все увереннее озвучиваемый тезис о необходимости его углубления применительно к современной России[2], хочу подчеркнуть, что в сложившейся геоэкономической и геополитической архитектонике «евразийская интеграция» (по своим условиям, доминантным акторам и следствиям) никоим образом не может (и не должна!) быть отождествлена ни с привносимыми извне представлениями о ней как об инструменте реализации неких «имперских амбиций России»[3], ни восприниматься

[1] *Дружинин А. Г.* «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 2 (9). С. 3–14.

[2] *Караганов С., Макаров И.* Поворот на Восток: итоги и задачи // Российская газета. 06.02.2015.

[3] *Арслан М., Рахимбай В.* Зачем нужен России таможенный союз? // Южная и Центральная Азия: исторические, политические, социально-экономические и культурные вопросы сотрудничества. Алматы, 2014.

как своеобразная «форма протеста против действий Запада»[1]. Ее (евразийской интеграции) контекст, причинность – намного шире и вмещают как видится:

– компенсаторную реакцию на негатив «встраивания» в современную глобальную центро-периферийную систему;
– реализацию (для России – особенно актуальную!) потенциала евразийского «многососедства»;
– учет реалий все более просматриваемой новой двухполюсности глобального мира (на фоне соразвития многих иных разномасштабных «центров силы»);
– осмысление пролонгированных, глубинных общественно-географических трансформаций собственно Российской Федерации (этнодемографических, этнокультурных, селитебных, экономических), все более прорисовывающих ее облик не только как «экономически привязанного к Европе»[2] «спутника европейской цивилизации»[3], но и страны «евразийской» по своему позиционированию, структуре, перспективе, сути.

Осмысливая, выстраивая и реализуя столь необходимый для России «евразийский вектор», следует, разумеется, учитывать содержательную нестатичность и инвариантность таких базовых для современной геополитики и геоэкономики концептов как «Европа», «Азия» и, соответственно, «Евразия»; важно также осознавать, что у объединяемой форматом ЕС группировки стран – оснований монополизировать «европейский бренд» не более, чем у России – евразийский. При этом, и Россия, и, шире, «Русский мир» должны идентифицироваться (и признаваться!) столь же неотъемлемой частью «европейского пространства» как и мир

[1] *Гомар Т.* Последствия раскола между Россией и Западом Россия в глобальной политике. 2015. № 2. [Электронный ресурс] // http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tcentralnoi-Evrazii-17441 (Дата обращщения – 07.06.2015.

[2] *Иноземцев В.* Сырьевая специализация может быть благом для России // Ведомости. 06.08.2013.

[3] Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007.

турецкий, тюркский («Türk Dünyası») – «евразийского». В данном контексте (учитывая всю сложность как современной евразийской архитектоники, так и положение в ней Российской Федерации) действенность, внятность, адекватность нашей национальной геостратегии в существенной мере будет предопределяться именно ее **поливекторностью**, ориентацией не только на Китай, либо Среднюю Азию (что в последнее время активно декларируется[1] и, действительно, по многим основаниям крайне важно), но и на страны Центральной и Восточной Европы, Балканы, государства Закавказья, Турцию, Сирию, Египет, Иран, страны Персидского залива, Афганистан, Пакистан, Индию и др., словом, на всю евразийскую политико-территориальную и этнокультурную палитру.

Важно также понимать, что для России (даже после геополитической катастрофы 1991 года занимающей почти 32 % площади евразийского материка) в концепте Евразии, «евразийской интеграции» – существенен не только **внешний** (межстрановой), но и **внутренний** (межрегиональный, межэтнический, межкультурный) аспект, предполагающий неизбежную фокусировку на территориальную организацию собственно нашей страны, равно как и необходимое смещение акцентов в ее региональной политике. Реализация «евразийского вектора» России связана, в частности, с более рельефной «прорисовкой» в ее территориальной структуре **меридиональных геостратегических «осей»:** «Российское Причерноморье – Турция – Египет», «Север Прикаспия – Азербайджан – Иран», «Урал, Западная Сибирь – Средняя Азия – Пакистан – Индия», «Восточная Сибирь, Тихоокеанская Россия – Китай, другие страны АТР». Геостратегический разворот России к «юго-востоку» способен воплотиться также в формировании **«евразийских регионов»** (генерируемых активизацией трансграничных и трансакваториальных взаимосвязей и локализованных в российском порубежье; предпосылки для их функционирования уже имеются в Причерноморье, на Алтае, на российском Дальнем Востоке), равно как и приуроченных к ним, а также (в ряде случаев) вы-

[1] *Лукьянов Ф.* Другая Европа и другая Евразия // Газета Ру. 11.12.2014 .

несенных на сотни километров от государственной границы «**евразийских фасадов**» (в том числе по-новому позиционированных недавними мегасобытиями, «подновленных» инфраструктурно и экономически – Владивосток, Казань, Сочи, Уфа, Грозный); наряду с ними ***евразийскими общественно-географическими «скрепами»*** призваны стать порожденные общей геоисторией объекты совместного культурно-исторического наследия, регионы, локалитеты компактного проживания тех или иных этносов, этнических диаспор.

Ситуация в целом такова, что ныне Россия, к сожалению, уже не способна вернуть былые позиции общеевразийской геополитической, геоэкономической и геокультурной доминанты[1]. Тем не менее, именно отход от гипертрофированного европоцентризма и, одновременно, обретение нашей страной четкого «евразийского вектора» (исходящего из ее интересов, возможностей и, разумеется, общественно-географических особенностей) выступает основополагающим условием не только столь необходимого геоэкономического и геополитического маневра, но и сохранения само́й геостратегической субъектности Российской Федерации. Меняющееся в данном контексте глобальное позиционирование нашей страны будет иметь многообразные экономические, культурные и иные последствия для самой России, Евразии, мира в целом и, безусловно, станет одним из важнейших геополитических и геоэкономических событий XXI столетия.

[1] *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

2.5. Россия в современном евразийском пространстве: общественно-географические аспекты меняющегося позиционирования[1]

«Становление Москвы не может быть оторвано от истории Евразийского континента»[2] – полагал выдающийся российский географ и историк Л. Н. Гумилев. Ныне, когда евразийское пространство (в постсоветский период существенно видоизменившее свои контуры, обретшее многополюсную конфигурацию[3]) превратилось в один из важнейших фокусов современной геополитики, ареал масштабных геоэкономических и геокультурных изменений – этот тезис вновь актуализируется, обретая особое звучание.

Евразийская реальность – динамична, формируема многочисленными разновекторными интеграционными проектами (все жестче конкурирующими между собой, что углубляет исторически сложившиеся и вновь проявившиеся военно-политические, социально-экономические и ментальные «разломы»), организуема усложняющейся конфигурацией (на фоне общего устойчивого смещения демографического и экономического потенциала мета-

---

[1] По: *Дружинин А. Г.* Россия в современном евразийском пространстве: общественно-географические аспекты меняющегося позиционирования // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. № 5. С. 38–50.

[2] *Гумилев Л. Н.* // Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Советский писатель: Ленинград, отдел., 1990.

[3] *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

региона на его юго-восток) все новых и новых «центров силы». Сложившийся с зимы-весны 2014 года геополитический и геоэкономический контекст[1] сопряжен с очередным «переформатированием» евразийского пространства, изменением позиционирования в нем России (государства, по С. М. Соловьеву[2], – пограничного) и напрямую проецируется на территориальную организацию российского общества.

Позиционирование территориальных социально-экономических систем в геопространстве – это, прежде всего, их разноаспектное взаимодействие, по существу – некий процесс адаптации той или иной страны (региона, локалитета) к внешней и внутренней среде функционирования и, одновременно, (по возможности) изменения этой среды[3]. Реальность вообще и реальность социальная в частности (и в особенности) воспринимаются человеком через посредство разнообразных символических форм, структурирующих и упорядочивающих хаотический поток сменяющих друг друга воздействий[4]. Осмысливая собственное позиционирование (многососедское[5], порождающее комплекс связанных с этим про-

---

[1] Включая политический переворот на Украине; военное противостояние на ее юго-востоке; возвращение Крыма в состав России; режимы экономических санкций и контрсанкций; резкое сокращение бюджетных возможностей РФ и целого ряда других ориентированных на сырьевой экспорт евразийских государств; снижение реальных доходов населения; попытки активизации «евразийского вектора» геостратегии Российской Федерации; ее вовлечение в сирийский конфликт; радикальное ухудшение российско-турецких отношений и др.

[2] *Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989.

[3] *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 2009.

[4] *Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007.

[5] *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009.

блем[1]), его факторы, возможности и вызовы, Россия уже практически столетие стремится концептуализировать[2] и обустроить самою себя и прилегающие к ней территории как некую устойчивую, обладающую геокультурной и, шире, общественно-географической спецификой целостность – «евразийское пространство». Границы последнего, при этом, остаются «размытыми», пластичными[3], равно как и сами представления о «Евразии» (корреспондируя с множащимися геополитическими интересами и геокультурными смыслами, эволюционируя) варьируют в широком диапазоне.

Под влиянием трендов глобализации (после распада СССР) «евразийское пространство» (в его «широком» содержательном контексте) утрачивает четкие пространственные очертания и, испытывая эрозию, подвигаясь на восток (одновременно расширяясь), «растекается» по просторам евразийского материка (обретая, при этом, все более выраженную полицентричность) и все заметнее «дерусифицируется» в этнодемографическом, культурном, экономическом и иных своих срезах. В «узком» же контексте – напротив, скукоживается, в еще большей мере центрируется на России, ее ведущих социально-экономических ареалах и урбанистических центрах, проявляется в ее сопряженности с так же евразийскими (по своей истории, культуре, хозяйственным векторам и укладам) этносами, регионами, странами. При этом и в условиях недолговечного абсолюта Pax Americana, и во все более различимой новой биполюсности миропорядка, «евра-

---

[1] *Колосов В. А. Зотова М. В., Вендина О. И., Себенцов Л. Б.* Российское приграничье: современные вызовы и подходы к изучению // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 234–256.

[2] *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 398–419; *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999; *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989; *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000.

[3] *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.

зийскость» продолжает устойчиво воспроизводить свою ипостась *доминантной геокультурной интеграционной* и, одновременно, *структурирующей, организующей пространство идеи*. Все заметнее воплощает она и столь желаемый многими на просторах Евразии (сколь и практически сложно реализуемый!) геополитический и геоэкономический императив *многовекторного развития* (а на этой основе и возможности самосохранения, воспроизводства этнокультурных и хозяйственных комплексов, политических систем и юрисдикций), *равноудаленности* (ни Запад – ни Восток, ни Европа – ни Азия) от доминирующих «центров силы», обеспечения государственного суверенитета (хотя бы частичного, фрагментарного) в расширяющемся ареале мирохозяйственного «передела» и сопутствующих ему геокультурных трансформаций (в интересах транснационального капитала и элит «мировых городов»). Сам евразийский дискурс, его возросшая тональность, выступает, в этой связи, чутким симптомом нарастающей геостратегической неопределенности, предтечей (и, одновременно, следствием) масштабных позиционных, структурных и иных изменений как для самой России, так и сопредельных с ней государств. Характерно, при этом, что последние несколько лет евразийская тематика выходит из присущего ей ранее полумаргинального, периферийного (по отношению к иным научным и политическим модам) состояния, обретая заметную популярность, в том числе, и в среде географов-обществоведов[1]. Это напрямую корреспондирует с

[1] *Каганский В. Л.* Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216. (Цивилизации; Вып. 6); *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006; *Замятин Д. Н.* Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин; Сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339–377; *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36; *Безруков Л. А.* Экономико-географическая концепция евразийства и ее развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. № 4. С. 12–24.

возросшей геополитической активностью России, с реализацией проекта «Евразийского экономического союза», а также с резко усилившимся (с весны 2014 года) *противостоянием* между нашей страной и Западом, четче оттеняющим (и делимитирующим) «евразийское пространство», рельефнее высвечивающим его бытие и специфику, катализирующим и акцентирующим долговременные устойчивые тренды (все более воспринимаемые как геополитический и геоэкономический «поворот» России[1], индикатор грядущих ее позиционных «тектонических сдвигов»[2]).

Присущие современной России позиционные изменения разноаспектны и, зачастую, трудноуловимы. Наиболее явные, четко наблюдаемые, *геополитические* – связаны с резко проявившейся очередной «волной» экспансии Запада и порожденным ею стремительным формированием все более зримо прорисовывающегося *западного евразийского барьерного рубежа* между евроатлантическими структурами, тяготеющими к ним государствами, с одной стороны, и Россией, ее союзниками (в формате Союзного государства, Евразийского экономического союза, ОДКБ), с другой. Его «внутриевразийскими» составляющими выступают не только возросшие числом и четче обозначившие свой «пророссийский» вектор «непризнанные государства», но и воссоединившийся с Россией Крым, а также ряд других ключевых регионов российского приграничья (в том числе и причерноморского, прибалтийского), все отчетливее демонстрирующих признаки «прифронтовых».

Более глубинные, *геокультурные*, *геоэкономические* подвижки (протекая параллельно и фиксируясь многочисленными социологическими замерами, а также миграционной, внешнеэкономи-

[1] *Караганов С., Макаров И.* Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] http://svop.ru/main/14175/ (Дата доступа – 06.02.2015).

[2] *Шупер В. А.* Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 529–539.

ческой и иной статистикой) обретают черты ранее неспешного, а в последние два-три года –ускорившегося «дрейфа» в юго-восточном (преимущественно «китаецентрированном») направлении. Изменения характерны, прежде всего, для географии российской внешней торговли: если в 2008 г. доля стран ЕС во внешнеторговом обороте РФ достигала 53,7 %, а в 2009 г. – 51,0 %, то в 2014 – 49,5, в 2015 – 45,7 %[1] (кстати, по итогам января 2016 г. данный показатель снизился до 41,7 %); удельный вес Китая на этом фоне, напротив, стабильно растет: с 7,8 % в 2008 г. до 11,6 в 2015 (и 14,3 % в январе 2016 года).

Обретая и наращивая *многовекторность*, геоэкономика России сохраняет, впрочем, и свою сформированную в первое постсоветское десятилетие «*евроориентированную асимметрию*», и (что еще существеннее для настоящего и будущего нашей страны!) полуколониальный, сырьевой характер. В этой связи весьма показательно, что в последние два года (даже на фоне общего ощутимого падения внешнеторгового оборота) российский экспорт в натуральном выражении – растет. Ситуация четко высвечивается статистикой по морским портам России: если в 2013 г. объем перегружаемых ими экспортных грузов составлял 460 млн тонн, то в 2014 – 491, 2015 – 539 млн тонн. Это означает фактическое сохранение сложившегося для страны позиционного «статус-кво» при существенном снижении его эффективности и одновременном росте транзитных и иных (в том числе и геополитически обусловленных) издержек и рисков. Частными (но доминантными для территориальной организации российского общества) следствиями подобной ситуации, вне всякого сомнения, станут пролонгация и (в условиях «съеживающейся концентрации» ресурсов), даже, укрепление привилегированных позиций ведущих городов-метрополий (организующих центров компрадорской экономики), а также важнейших (в транспортно-логистическом отношении)

[1] *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 74–85.

приморских территорий. Неизбежно и последующее углубление неравномерности регионального социально-экономического развития, в том числе из-за дальнейшего снижения эффективности хозяйствования (и в целом жизнедеятельности) во внутриконтинентальных районах (даже в относительно благополучные «нулевые» годы во внутриконтинентальных регионах России транспортная составляющая в ценах сырьевых видов продукции достигала, по подсчетам Л. А. Безрукова, 70–80 %[1]. При этом проявляется выраженный диссонанс между почти четырехвековой «евроориентацией» глобального позиционирования России, ее селитебной системы, экономики, базовых компонент инфраструктуры, сложившегося ментального и поведенческого комплекса доминантных страт населения (зачастую лишь усиливаемой текущими метаморфозами) и необходимостью достижения созвучного евразийским реалиям нового баланса геостратегических векторов. Подобная «перецентровка» разворачивается на фоне углубляющегося, системного по своим факторам и следствиям *кризиса всего евразийского пространства*.

Важнейший аспект кризисных трендов – *экономический* (и, в равной мере, экономико-позиционный). Он связан со сложившейся после 1991 года структурой и мирохозяйственной специализацией ведущих (по масштабу хозяйственных комплексов) постсоветских государств, с превалированием между ними дезинтеграционных трендов. Стагнация, а затем и «обвал» украинской экономики (инициированные, в том числе, и нараставшим в последние годы дистанцированием ее от России, разрывом исторически сложившихся хозяйственных взаимосвязей), не сумевшей преодолеть последствия кризиса 2008 года и в 2013–2014 гг. ввергнутой в новый глубокий спад – наиболее яркий, но лишь частный его момент (табл. 9).

Акцентирую, при этом, что в ситуации присущей постсоветским государствам выраженной асимметрии темпов (масштабов, уровней) экономического развития, равно как и эскалации *поли-*

[1] *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008.

Таблица 9

Динамика ВВП стран СНГ за 2008–2014 гг. (в постоянных ценах, раз)*

	Годы						
	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2014/ 2008
Россия	0,921	1,040	1,043	1,034	1,013	1,006	1,053
Азербайджан	1,093	1,050	1,011	1,022	1,058	1,028	1,279
Армения	0,856	1,026	1,046	1,072	1,035	1,034	1,054
Беларусь	1,002	1,070	1,053	1,015	1,009	1,016	1,181
Казахстан	1,012	1,070	1,075	1,050	1,060	1,043	1,351
Киргизия	1,012	0,986	1,057	0,991	1,105	1,036	1,208
Молдова	0,935	1,069	1,064	0,992	1,089	1,046	1,201
Таджикистан	1,034	1,065	1,074	1,075	1,074	1,067	1,457
Туркмения	1,061	1,092	1,147	1,111	1,102	1,103	1,801
Узбекистан	1,081	1,083	1,083	1,082	1,080	1,081	1,608
Украина	0,850	1,042	1,052	1,002	1,000	0,932	0,870

* Составлено по данным Росстата.

зависимых черт[1], все более существенным (напрямую проецирующимся на общеевразийскую траекторию) обстоятельством становится положение сердцевинного, несущего элемента всей евразийской конструкции – территориально-хозяйственной системы России. Текущий кризис лишь рельефнее высветил ее фактическое «топтание на месте» (в глобальной экономической динамике означающее отставание, откат назад!). В условиях же сохраняющего свое действие «фактора массы» экономики Евросоюза (в 5,2

[1] К примеру, в Казахстане, ныне второй после РФ экономике стран СНГ, в нефтегазовом секторе превалируют китайские инвестиции, а отельный бизнес и стройподряд в подавляющей мере связан с турецким капиталом, в то время как российские производители сохраняют лидерство на потребительском рынке.

раза превосходящей российскую), гипердинамики Китая (чей ВВП по ППС в 2015 г. превысил показатель как ЕС, так и США), опережающего (российский темп) экономического роста Турции (в 1990 г. ВВП Турции составлял 29 %[1] от российского, а в 2014 г. – 42 %[2]) и, что характерно, подавляющей части других евразийских (в том числе и постсоветских) государств – это чревато еще большим ослаблением сложившихся еще в Российской Империи (и пролонгированных в советский период) центро-периферийных связей, нарастанием центробежных, дезинтеграционных процессов, а в этой связи, и новым геоэкономическим, геополитическим «переделом» Евразии.

Еще три десятилетия назад на РСФСР приходилось порядка 5,5 % мирового ВВП; ныне, на современную Россию, – около 1,5 %[3]. «Сжатие» экономического пространства страны корреспондирует с ее демографическим «опустыниванием» (за 1900–2010 гг. доля России, в ее современных территориальных «рамках», в мировом населении снизилась с 4,5 до 2 %; к 2050 году данный показатель, согласно авторским расчетам, не превысит 1,5 %[4]), разительно контрастирующим с ситуацией в странах Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, в Китае. Неизбежный (предопределяемый структурой населения, его репродуктивным поведением) последующий опережающий рост демографического (а, вместе с ним,

---

[1] *Дергачев В. А.* Многопартнерская геополитика Турции. – Вестник аналитики, 2010. № 3 [Электронное издание] http://www.dergachev.ru/analit/191010.html (Дата доступа – 28.09.2015).

[2] *Дружинин А. Г.* Актуальные тренды взаимодействия России и Турции в геоэкономической сфере: южно-российская проекция // Ученые записки Крымского федерального университета. Серия «География-геология». 2015. № 1. С. 3–14.

[3] *Никитченко А.* Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] http://regnum.ru/news/economy/2087555.html (Дата доступа – 2.03.2016).

[4] *Дружинин А. Г.* Геодемографические детерминанты этнокультурного диалога в центро-периферийной системе современной России // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 1(8). С. 3–14.

и экономического) потенциала «евразийского юга» приведет к дальнейшему усилению полицентричности евразийского пространства с высокой степенью вероятности как его последующей дифференциации, так и радикальной (не в пользу России, Москвы) смены центро-периферийных «полюсов».

На масштабное, «трендовое» по своему характеру переформатирование Евразии напрямую влияет и «фактор времени»: осталось в прошлом «сшивающее» постсоветское пространство разделение труда, деградирует созданная еще в СССР общая инфраструктура, медленно (но неуклонно, вместе с уходящими генерациями) исчезает ощущение былой единой, большой, сильной страны. Характерно, что во всех без исключения государствах СНГ уже численно превалируют поколения, прошедшие «социализацию» в постсоветский период; в странах Средней Азии, при этом, их удельный вес – наиболее высок (табл. 10).

Разумеется, геоисторическая инерция России (СССР) – велика; существенен фактор соседства; невозможно также «отменить» и предопределяемые позиционной спецификой императивы многоаспектного транснационального, трансграничного взаимодействия[1], в том числе в связи с «внутриконтинентальностью» и «эксклавностью» ряда постсоветских государств, имеющими место (все еще существенными) социально-экономическими градиентами, а также общей архитектоникой нефтегазовой (и в целом сырьевой) геоэкономики. Сохраняются и гуманитарные взаимозависимости, поддерживаемые не только современными средствами коммуникации, миграцией, диаспорами, но и воспроизводящимися за пределами РФ «островками» и «россыпями» русской культуры (в наибольших масштабах – в Казахстане, Белоруссии и, несмо-

[1] Даже в современной Грузии (декларирующей «прозападную» внешнеполитическую ориентацию и стремящейся в ЕС и НАТО) основным фактором жизнеспособности экономики выступают связи с Россией и Турцией; «российская составляющая» в экономике (туризм, денежные переводы трудовых мигрантов, поставки отдельных товаров), по экспертным оценкам грузинских коллег-экономистов, при этом, вдвое превышает турецкую.

Таблица 10

Степень сопряженности РФ и других государств СНГ (по ряду значимых индикаторов), 2014 г. *

	Доля России в экспорте / импорте страны, %,	Доля работающих граждан страны в России к общему числу лиц в возрасте от 15 до 64 лет, %	Число обучающихся в российских вузах от общего числа граждан страны в возрасте 15–24 лет, %	Доля населения в возрасте от 45 лет и старше, %	Доля русских в населении, %	Доля представителей титульных этносов государств в населении РФ, %**
Азербайджан	2,2 / 36,1	1,6	0,74	29,9	1,34	0,42
Армения	18,5 / 34,9	8,6	0,77	37,5	0,39	0,82
Беларусь	33,0 / 51,4	…	1,66	43,2	8,3	0,36
Казахстан	8,9 / 31,9	0,0	3,56	30,8	21,0	0,45
Киргизия	3,9 / 32,9	6,5	0,35	25,4	6,4	0,07
Молдова	13,4 / 28,1	10,3	0,94	39,4	4,4	0,11
Таджикистан	7,0 / 19,8	11,2	0,55	21,2	0,9	0,10
Туркмения	0,4 / 7,3	0,0	1,51	25,8	…	0,0
Узбекистан	6,6 / 24,2	6,2	0,26	26,5	2,6	0,25
Украина	19,9 / 31,5	1,3	0,33	44,1	13,5	1,34

* Составлено по данным Росстата и CIA.

** По данным переписи 2010 г.

тря на остроту геополитического противостояния и «гибридной войны» – Украине). В данном контексте, разворачивающийся с 2014 года кризис имеет для России, прежде всего, позиционную причинность и следствия. Являя общеевразийский масштаб и сопровождаясь практически повсеместным для всех стран бывшего СССР (и не только!) снижением доходов, сокращением емкости рынков, ослаблением внешнеэкономических взаимосвязей, негативный экономический тренд усиливает дезинтеграционные риски, множит угрозы военно-политической дестабилизации, размежевания, роста геостратегической неопределенности. Создавая предпосылки для более активной экспансии в евразийский метарегион внешних (для него) «центров силы», кризисная ситуация, одновременно, актуализирует и собственно евразийские реинтеграционные стратегии (она же, впрочем, существенно лимитирует саму возможность их реализации на основе лидерства нашей страны и в ее геостратегических интересах). В этом отношении проект «Евразийского экономического союза» – шаг важный, симптоматичный, логичный, позитивный, хотя, как видится, и во многом запоздалый.

Впрочем, уже в «стартовый» год своего существования ЕАЭС наглядно продемонстрировал повышенную комплиментарность экономик вошедших в данное объединение стран. Характерно, что если в 2015 году общий объем внешней торговли России (в долларовом эквиваленте) составил лишь 67,4 % от аналогичного показателя 2014 года, то со странами ЕАЭС снижение оказалось не столь интенсивным (85,8 %); суммарная доля Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии в структуре внешнеторгового оборота нашей страны, в итоге, выросла за год с 6,9 до 8,4 %.

Конструкт ЕАЭС, тем не менее, маломощен (на фоне глобальных экономических партнерств), охватывает лишь часть всей «палитры» евразийского пространства и, к тому же, весьма асимметричен и хрупок. Основной «остов» ЕАЭС – это взаимодействие экономик России и Белоруссии (по ситуации на январь 2016 г. – 61 % всей взаимной внешней торговли в рамках ЕАЭС, т. е. 1,5 млрд долл. США), а также России и Казахстана (28,2 %, или 678 млн

долл.); данные экономические взаимосвязи нашей страны уже превышают объем внешней торговли с Украиной (435 млн долл.), и в какой-то степени сопоставимы с более чем вдвое «просевшим» внешнеторговым оборотом с Турцией (в январе 2016 г. – 1066 млн долл.), с масштабом товарообмена с США (1085 млн), Южной Кореей (1194), Японией (1222 млн). Вместе с тем, масштаб экономических связей России с государствами ЕАЭС в целом уступают ее взаимодействию с Китаем (3800 млн) и странами ЕС (11040 млн долл. США); фактически, ЕАЭС стал для России третьим по объему товарооборота геоэкономическим приоритетом. Окажется ли выстраиваемая структура Евразийского экономического союза устойчива и жизнеспособна, станет ли она основой последующего «собирания» и сопряженного развития экономик и социокультурных комплексов государств евразийского пространства, либо, напротив, фокусируясь на реализации преимущественно геоидеологической миссии (и в этом отношении чем-то повторяя судьбу СНГ), лишь на какое-то время зафиксирует промежуточную стадию пролонгированного «евразийского отступления» России – сказать пока сложно.

Важно лишь осознавать, что для российских олигархических структур (реально предопределяющих геоэкономическое «поведение» страны, выстраивающих ее векторы) в сложившейся ситуации сколько-нибудь существенная экспансия в страны ЕАЭС – малопривлекательна. Исключением являются инвестиционные проекты, реализуемые Газпромом и МТС в Беларуси, Лукойлом и РУСАЛом – в Казахстане, Интер РАО ЭС – в Таджикистане; на долю стран СНГ, при этом (по ситуации 2013 г.), приходится не более 11 % всего объема накопленных ПИИ из России[1]. Важно, при этом, учитывать, что большинство локализованных на южных рубежах России постсоветских государств – экономически слабы, нуждаются в постоянной бюджетной «подпитке», инвестициях, а реальных возможностей для этого у РФ сейчас практически нет. При этом, ресурсов для «обустройства» сопредельного евразийского про-

[1] Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2014. ЦИИ ЕАБР, 2014.

странства и, в первую очередь, стран Средней Азии (разумеется, по собственным геоэкономическим и геополитическим «лекалам») – все больше у Китая; отнюдь не снижается и потенциал «мягкой» и прочей силы «коллективного Запада»; дополнительные возможности обретает Иран; не отказывается от своих евразийских векторов и долгосрочных интересов (включая консолидацию «Турецкого мира» – Türk Dünyası) и Турция. Отметим также, что основные партнеры РФ по ЕАЭС либо в весомой степени ориентированы на внешние (по отношению к новообразованному союзу) рынки (как, например, Казахстан, Киргизия, Армения), либо нацелены на диверсификацию своих внешнеэкономических связей (Белоруссия). Выстраиваемый Россией экономический союз в ситуации обретшего новый динамизм «переформатирования» Евразии оказывается, в итоге, только одной из нескольких (причем, не самых «масштабных», привлекательных) форм хозяйственной интеграции. Лишь обозначая центрированный на Россию евразийский вектор, несколько нейтрализуя влияние факторов дезинтеграции и, отчасти, стабилизируя социально-экономическую ситуацию в сопредельных с РФ странах, ЕАЭС, в то же время, вряд ли окажется устойчив, долговечен без реальной модернизации российской экономики и четко прочерченного (хотя бы на перспективу) политического контура (например, в формате «Евразийской конфедерации»).

Фактором значимых изменений как в целом в евразийском пространстве, так и в позиционировании в нем России является и резкий «разворот» в отношениях с Турцией (развивавшихся последние два десятилетия[1] как «дружеские», «сердечные», «стратегически-партнерские»[2]), государством, испытывающим

[1] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

[2] Характеризуемых растущей геоэкономической взаимозависимостью двух государств на фоне постепенного выравнивания их демографических и экономических потенциалов и, параллельно, подспудно, углубления геополитических противоречий.

подъем[1] и, в этой связи, все заметнее обретавшим свои евразийские «корни», векторы, интересы[2]. Воспринимая взаимодействие двух наших стран как основной индикатор (и интригу) евразийской геополитики XXI века, а проявившийся в ноябре 2015 г. «зигзаг» российско-турецких взаимоотношений – как очередной (не менее значимый для нашей страны, чем события на Украине) эпизод в разворачивающейся глобальной схватке за новый передел Евразии, важно трезво оценивать его последствия, тем более учитывая, что и Турция, и Россия – все больше оказываются в полосе «размежевания» глобальных сил.

Характеризуя перспективу российско-турецких отношений[3], я уже отмечал, что в случае реализации конфронтационного сценария (а это, к сожалению, – уже реальность!) хозяйственные связи двух стран станут неизбежно свертываться; для России в Причерноморье принципиально значимой окажется незыблемость положений договора Монтре; Турция же продолжит (руководствуясь идеями Мустафы Кемаля[4]) «создавать нравственные мосты контактов» в Крыму и на Северном Кавказе. Наше юго-западное порубежье, при этом, неизбежно обретет бóльшую «барьерность»; в ряде регионов (на фоне углубления их экономической периферийности) возрастет роль (и присутствие) силовой составляющей. Но все это – частная, лишь южнороссийская проекция российско-турецкой «размолвки». В метарегиональном масштабе последняя знаменует собой активизацию, углубление судьбоносного для Ев-

[1] *Фридман Дж.* «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016.

[2] *Ибрагимов А.* Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 18–27.

[3] *Дружинин А. Г.* Актуальные тренды взаимодействия России и Турции в геоэкономической сфере: южно-российская проекция // Ученые записки Крымского федерального университета. Серия «География-геология». 2015. № 1. С. 3–14.

[4] Anıl Çeçen, Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık,İstanbul,1998, s. 125–126.

разии в целом (и России, в частности) «разлома» в выстраиваемой столетиями сопряженности тюркских этносов, культур и «Русского мира», постепенно вовлекавшего их в свою орбиту. Дезинтеграционные риски ныне многократно выросли, причем – и для самой Российской Федерации. Замечу также, что ни России, ни Турецкой Республике разразившийся между ними конфликт геостратегически ничего хорошего дать не способен, поскольку Россия лишь частично и на время воздвигает барьеры (в современном мире – больше декоративные, иллюзорные) на пути расширения евразийского влияния Турции, а правящие турецкие элиты – только на непродолжительный срок консолидируют своих сторонников в раздирающей эту страну жесткой внутриполитической и этнической борьбе (ярким ее проявлением явилась попытка государственного переворота в Турции 16 июля 2016 года). Евразийское пространство, при этом, в еще большей мере дестабилизируется, отодвигается на обочину мировой экономики; сложившаяся же в последнюю четверть века «консенсусная» для постсоветских тюркоязычных государств идея многовекторности их геополитики подвергается ныне эрозии; и не факт, что ревизия, пересмотр приоритетов будут осуществлены с «оглядкой на Россию».

В итоге, наперекор наметившимся (и декларируемым) векторам «евразийской интеграции», де-факто активирован еще один механизм переформатирования Евразии, ее размежевания, а соответственно, и постепенного, латентного оттеснения нашей страны на ее северную периферию (в этой связи весьма характерен, симптоматичен возникший в последнее время геоконцепт «Северной Евразии»[1]). Для России, при этом, сохраняет свою актуальность сложнейшая альтернатива: смириться с последовательным ее «выдавливанием» (в первую очередь экономическим, далее –

[1] Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Издательство Южного федерального университета. Ростов н/Д, 2014; *Головнев А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.

геополитическим, а на этой основе – и геокультурным) из оконтуривающих ее с юга евразийских (в большинстве своем – постсоветских) государств, либо продолжать бороться за сохранение хотя бы частичного влияния в Средней Азии, Закавказье, других регионах Мега-Евразии, осознавая реальность перспективы смены и евразийских центро-периферийных векторов, и этнокультурной трансформации в самой России. Важно, в этой связи, четко понимать, что даже в условиях вероятностного, но крайне нежелательного (!) «сжатия» «Русской Евразии» (ареала экономического, политического, культурного влияния России) – евразийская повестка для нашей страны не утратит своей актуальности. Ведь позиционно, структурно, ментальностью подавляющей части населения и, даже, самой своей территорией (в том числе и ее этнической мозаикой) Российская Федерация неизменно продолжит оставаться страной евразийской, связанной со своими соседями многообразием разнохарактерных связей.

Столетие назад, размышляя о географии России и ее исторической перспективе, наш выдающийся коллега Д. И. Менделеев акцентировал – «прочно лишь большое и сильное»[1]. Ныне, отслеживая геополитические метаморфозы XX столетия, пережив трагедию распада Советского Союза и, в этой связи, еще отчетливее осознавая риски дезинтеграции даже масштабных общественно-географических образований и уповая на подмеченную философом И. А. Ильиным русскую способность – незримо возрождаться в зримом умирании[2], мы как никогда ранее должны понимать значение для нашей страны **ее территории – обширной и разнородной**, обретая способность по-настоящему ценить (и отстаивать!) ее целостность, ощущая органичную сопряженность социально-экономической динамики Российской Федерации с общеевразийскими трендами.

[1] *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

[2] *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926–1933. София: Изд. «За Россию», 1934.

3. ИНТЕГРАЦИОННО-ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

3.1. Взаимодействие России и Турции в пространстве постсоветской Евразии: факторы, тенденции, проблемы, перспективы[1]

В современной евразийской геоэкономической и геополитической архитектонике Россия и Турция, безусловно, одни из ключевых актров; обретшее в «нулевые» годы характер устойчивого тренда их сближение, все более выраженная прагматичная комплиментарность, равно как и последующие «размолвки» и «замирения» – предопределяются не только актуальной конъюнктурой, но и масштабной, продолжительной, временами драматичной практикой геопространственного взаимодействия, всей их Историей и, конечно же, Географией.

Результатом многовековых геополитических трендов и связанной с ними пространственной этнокультурной, цивилизационной динамики явилось формирование обширнейшего *ареала совместного российско-турецкого геоисторического наследия.* В ретроспективе (в различные периоды) в состав Российского государства входило 41,3 % территории евразийского материка (в настоящее время – 31,5 %); весьма обширные рубежи на просторах Евразии занимала и предшественница современной Турецкой Республики – Османская Империя, к концу XVI века простиравшаяся на 7,607 млн кв. км[2], охватывая не только значительную часть Ближнего Востока, но и Балка-

[1] По: *Дружинин А. Г, Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

[2] Османская империя // Новый энциклопедический словарь. М., 2002. С. 858.

ны, северное Причерноморье, Закавказье. В настоящее время в составе Российской Федерации пребывают около 200 тыс. кв. км в прошлом «непосредственно османских» территорий (все они локализованы в пределах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, достигая 34 % от их совокупной площади); еще порядка 450–500 тыс. кв. км составляют простирающиеся далее к северу, вплоть до линии от Рязани до Тулы («Большой засечной черты» – первой фактической южной границы Московского государства), периферийные для Османской Империи XVI века и ее союзников земли, известные ранее как «Дикое поле». Если присовокупить к этому соответствующие регионы Украины (около 120 тыс. кв. км или почти 20 % ее территории), Молдову, государства Закавказья и примыкающую к ним на юго-западе Карскую область, то у России совместно с Турцией окажется не менее 1 млн кв. км очерчиваемого ранее границами соответствующих исторических государств пространства. Учет же всех былых зон геополитического влияния России и Турции позволяет оценить масштаб их совместной ретроспективной «сферы интересов» в Евразии в 2,5 млн кв. км. Данное пространство (ныне «насыщенное» действующими юрисдикциями, инфраструктурой, ресурсами, экономическими связями и потоками, сложившейся конфессиональной и этнической мозаикой) существенно и для национальных историй двух государств, и для современных их двухсторонних отношений.

Не менее важным потенциальным «евразийским скрепом» следует признать и определенную этнокультурную и конфессиональную близость населения наших стран. Так сложилось, что турецкое общественное сознание (в отличие от российского) не ставит различий между понятиями «тюрок» и «турок», подразумевая и тех, и других в качестве представителей единой турецкой (тюркской) нации[1]. На территории Российской Федерации, согласно перепи-

[1] *Ибрагимов Айдын, Кахраман Селвер О., Чалышкан Ведат.* Геополитические контакты России и Турции в условиях многополярного мира // Россия в многополярной конфигурации. Сборник Докладов Международной Конференции. Москва,28-29 октября 2010 г.) / Отв. ред. д. э. н., проф. С. П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2011.

си 2010 года, проживает более 12 млн представителей тюркских этносов, или 8,4 % всего населения страны (в 2002 г. – 10,2 млн или 7 % соответственно), включая 105058 собственно этнических турок, локализованных в своей подавляющей массе (78 %) в пределах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Вхождение в состав РФ Крыма «прирастило» тюркское население страны еще почти на 280 тысяч человек (по итогам переписи населения в Крымском федеральном округе 232 тысячи заявили себя как «крымские татары» и еще 45 тысяч – «татары»). Существенно, также, что в составе России – девять «тюркских» (по титульному этносу) субъектов Федерации, чья суммарная доля в территории РФ достигает 21,4 %, населении – 8,7 %, а ВРП – 6,5 %[1].

Всего же в Евразии локализовано около 160 млн представителей тюркоязычных этносов; почти 39 % их общей численности приходится на Турецкую Республику и лишь 7,8 % – на Россию.

Необходимо также учитывать, что современная Российская Федерация вмещает не менее 15 млн представителей народов, традиционно приверженных Исламу (не считая лиц, временно проживающих на ее территории), и имеет статус страны-наблюдателя Организации исламского сотрудничества. Что касается Турецкой Республики, то в данном контексте важно упомянуть о в значительной мере имплантированных в современное турецкое общество многочисленных потомках северо-кавказских и крымских мухаджиров (их численность, по различным оценкам, варьирует от 3 до 7 млн человек[2]). В последние годы на территории Турции формируется и диаспора российских граждан (около 12 тыс. россиян проживает в этой стране на постоянной основе[3]); имеет место

[1] *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51–57.

[2] Чеченская диаспора за рубежом [Электрон. ресурс]: Адрес доступа: http://www.warweb.ru/GetMaterial. asp?Page=308092006 06.08.2009.

[3] *Рязанцев С.* Трудовые миграции из России и новая российская диаспора за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 34-41.

и расширяется практика межнациональных российско-турецких браков.

Перечисленные обстоятельства, безусловно, существенны, однако наиболее важная причинность выраженного с начала 2000-х гг. многоаспектного сближения России и Турции заключается, конечно же, в складывающейся в Евразии с начала 1990-х гг. принципиально новой геополитической ситуации, в углубляющейся (по мере роста российской и турецкой экономик), имплантированной в контекст глобальных экономических процессов хозяйственной взаимозависимости (рис. 8).

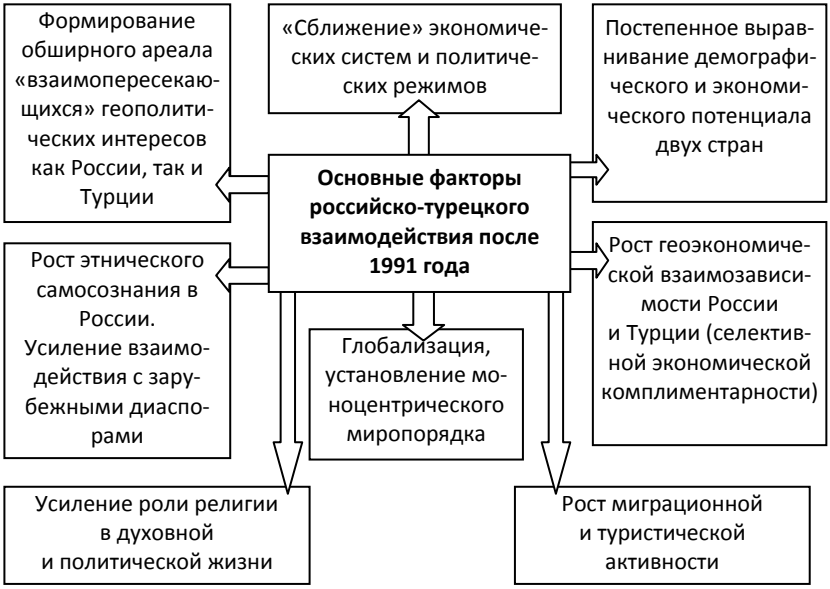

Рис. 8. Основные факторы российско-турецкого взаимодействия после 1991 года

Экономическая основа современного российского общества, как и в целом межгосударственной интеграции на евразийском пространстве, – это, прежде всего, локализованный («россыпью» месторождений и нитями трубопроводов, портовых терминалов, морских путей, а также «сгустками» населения и хозяйствен-

ной активности) рынок энергоносителей, связанные с ним центры концентрации и каналы перераспределения формируемой природно-ресурсной ренты. Возможность включения в этот, по сути, общеевразийский мегарынок в качестве не только приоритетного потребителя, но и страны-транзитера, а также поставщика диверсифицированной номенклатуры товаров и услуг в крупнейшие городские агломерации России – существенна для турецкой экономики. Именно она породила «евразийское экономическое воодушевление» (как это точно и образно сформулировал десятилетие назад нынешний президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган[1]), которое, по всем признакам, и для Турции, и для России (несмотря на изменение торговой конъюнктуры, а также спровоцированный турецкой атакой на российский боевой самолет в небе над Сирией в ноябре 2015 г. кризис в двухсторонних отношениях) – можно считать устойчивым и обоюдным.

Сложившаяся взаимозависимость экономик России и Турции – реальность постсоветской Евразии, один из важнейших ее геоэкономических трендов. Если еще в 1991 г. объем торгового оборота двух государств едва достигал 1,5 млрд долл., то в последующий период данный ключевой показатель демонстрировал все возрастающий динамизм, достигнув максимума в 2008 г. (в 38 млрд долл. США); после кризисного спада в 2009-м (23 млрд) – вновь возобновился его рост (составив в 2011-м году 30 млрд долл. США), затем превратив Россию во второго (после Германии) внешнеторгового партнера Турции.

С 2013 года внешняя торговля между двумя странами «забуксовала»; за 2015 г. (в ситуации резкого падения цен на энергоносители и более чем двукратной девальвации рубля) внешнеторговый оборот сократился на 30 %; тем не менее и Турция для России, и Россия для Турции – продолжают оставаться значимыми торговыми партнерами (табл. 11).

[1] *Аккая М.* Российско-турецкие отношения в 2000–2006 гг. // Власть. 2008. № 11. С. 69–73.

Таблица 11

Внешнеторговый оборот России и Турции (в динамике)*

Годы	Внешнеторговый оборот России и Турции, млрд долл. США	Внешнеторговый оборот РФ всего, млрд долл. США	Внешнеторговый оборот Турции всего, млрд долл. США	Удельный вес Турции во внешнеторговом обороте России, %	Удельный вес России во внешнеторговом обороте Турции, %
2015	24,0	530	351	4,5	6,8
2014	31,1	805	400	3,9	7,8
2013	32,0	867	404	3,7	8,0
2012	33,0	736	389	4,5	8,5
2011	30	845	389	3,55	7,7
2010	26	626	376	4,2	6,9
2009	23	469	243	4,9	9,5
2008	38	672	334	5,7	11,4
2007	28	552	277	5,1	10,1
2006	17	439	225	3,9	7,6
2005	13	340	190	3,8	6,8
2004	11	257	160	4,3	6,9
2003	7	191	73	3,7	9,6
2001	4	141	73	2,8	5,5

*Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики России и Министерства экономики Турции.

Основу внешнеэкономических отношений двух стран составляет, прежде всего, сотрудничество в энергетической сфере: на долю энергоносителей приходится около 3/4 объема российского экспорта в Турцию и, соответственно, более 60 % всего взаимного внешнеторгового оборота. По завершению ввода в эксплуатацию в 2003 году газопровода «Голубой поток» Турция выступает одним из приоритетных потребителей российского природного газа. К 2011 году его поставки на рынок Турецкой Республики достигли

26 млрд м^3; в результате Турция оказалась третьим по объему, после Украины и Германии, импортером этого стратегического для России сырья. Две трети своих потребностей в природном газе Турция обеспечивает именно за счет России[1]. Характерно также, что на общем фоне стабилизации и некоторого сокращения спроса на поставляемый «Газпромом» на зарубежные рынки природный газ, доля Турции в российском газовом экспорте постепенно ощутимо возрастала с 7,59 % в 2006 до 11,76 % в 2011 году, достигнув в 2015 г. 13,3 % (табл. 12).

Таблица 12

Потребительский потенциал Турции в формируемом «Газпромом» трансевразийском рынке природного газа*

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2015 г.
Экспорт газа из России в Турцию, млрд. куб. м	19,9	23,4	23,8	20,0	18,0	26,0	27,0
Экспорт газа из России в Европу, млрд. куб. м	161,5	168,5	167,6	152,8	138,6	150,0	158,6
Экспорт российского газа в страны СНГ и Балтии, млрд. куб. м	101	96,5	96. 5	67,7	70,2	71,1	40,3
Удельный вес Турции в экспорте газа из России, %	7,59	8,80	9,01	9,07	8,62	11,76	13,3

* Составлено по данным ОАО «Газпром».

Разумеется, географическая структура рынка энергоносителей не статична: глобальный баланс сил устойчиво смещается в сторону Азии[2]. Более одной трети прироста мирового спроса на энерго-

[1] *Gökçe D.* Obama'dan sonra Putin, Akşam Gazetesi,14.11.2010.

[2] Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century. Ed. By T. V. Paul, James J. Wirtz, and Michail Fortmann. Stanford: Stanford University Press, 2004.

носители в долгосрочной перспективе обеспечит Китай (чья доля, согласно прогнозу World Energy Outlook, в общем объеме доходов России от экспорта ископаемых видов топлива увеличится с 2 % в 2010 году до 20 % в 2035 году, в то время как доля Европейского Союза сократится с 61 % до 48 %[1]); и подобная перспектива, помимо всего прочего, потребует более скоординированной активности России и Турции в отношениях с богатыми энергоресурсами странам Средней Азии. Позиции Турции как значимого потребителя, а также одного из гарантов трансевразийского трафика природного газа, при этом, и далее будут укрепляться в связи с ощутимым демографическим и экономическим ростом в стране, а также благодаря перспективе реализации проектов «Южный поток» (работы по сооружению данного газопровода, частично проходящего через экономическую зону Турции, начаты в декабре 2012 г. и пока заморожены). Это, безусловно, сможет усилить геоэкономическую взаимозависимость России и Турции, подкрепить претензии последней на роль российского партнера в распределении природной ренты Евразии, порождая неизбежно проецирующееся на российско-турецкие взаимоотношения противоречие между интересами Российской Федерацией (как поставщика энергоресурсов) и Турецкой Республикой (как их потребителя и страны-транзитера).

Отмечу также, что в последние два-три года в ситуации возросшей геоэкономической и геополитической турбулентности Турция сохраняет свое значение приоритетного (второе место после Германии) и устойчивого рынка сбыта российского природного газа (табл. 13).

При этом, в стоимостном выражении экспорт России в Турцию за 2014 г. ощутимо сократился (с 25,2 до 20,4 млрд долл. США); еще радикальнее уменьшился объем турецкого импорта с 5,9 до 3,6 млрд долларов), что отбросило внешнюю торговлю к уровню также «неблагоприятного» 2009 года. Ситуация в экономике – отражение современного кризиса российско-турецкого взаимодействия, и лишь отчасти – его причина.

[1] World Energy Outlook, 2011.

Таблица 13

Экспорт газа ПО «Газпром» в государства Европы и в страны бывшего Советского Союза в 2011–2015 гг., млрд м^3*

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего, в том числе	238,3	217,1	233,7	207,5	198,9
Германия	34,1	34,0	41,0	40,3	47,4
Италия	17,1	15,1	25,3	21,7	24,4
Турция	26,0	27,0	26,7	27,3	27,0
Украина	44,8	32,9	25,8	14,5	7,8

* Составлено по данным ПО «Газпром».

Частным, но весьма важным для Турции, вопросом двухсторонних экономических отношений одновременно продолжает оставаться устойчивый дисбаланс внешней торговли в пользу России, заинтересованной в беспрепятственном (вне зависимости от геополитической и иной конъюнктуры) транзите через черноморские проливы.

Еще один существенный экономический (и, отчасти, общегуманитарный) «скреп» в современной российско-турецкой системе взаимоотношений – туристско-рекреационная сфера. В силу многих причин Турция для россиян в последние годы являлась наиболее предпочтительной туристско-рекреационной дестиницией. Так, например, в 2011 году, согласно данным российской статистики, Турецкую Республику в рекреационных целях посетило 2682 тыс. россиян (всего же за год зафиксировано прибытие в Турцию 3259 тыс. российских граждан); встречный поток турецких граждан в Россию – не столь масштабен (249 тыс., в том числе лишь 81 тыс. – с целью туризма) и, к тому же, существенно меньше, чем несколькими годами ранее (к примеру, в 2003 г. Россию посетило 1312 тыс. турецких граждан, в т. ч. 1039 тыс. – в туристических целях)[1]. Тем не менее, последние 3 – 4 года он обрел пози-

[1] Туризм и туристские ресурсы России. М.: Росстат, 2004.

тивную траекторию: в 2012 г. в России с туристическими целями побывала 101 тыс. граждан Турции, в 2013 – 123 тыс., в 2014 – 134 тыс. В этот же период Турция уверенно удерживала позиции главного направления по приему российских туристов: в 2012 г. турпоток (по данным Федерального агентства по туризму РФ) составил 2516 тыс. чел., в 2013 г. – 3078 тыс., в 2014 – 3278 тыс. и, наконец, по итогам 9 месяцев 2015 года – 2429 тысяч (что эквивалентно четверти объема всего выездного туризма из России).

Связанная с подготовкой XXII Олимпийских зимних игр в Сочи модернизация территориально-рекреационных систем в российском Причерноморье (на территории Краснодарского края благодаря «олимпийскому проекту» за последнее пятилетие дополнительно осуществлено не менее 20 млрд долл. США инвестиций в основной капитал), а также декларируемая перспектива создания новых центров горнолыжного и оздоровительного туризма на Северном Кавказе (в данном регионе, согласно «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025», предполагается создать более 100 тыс. новых рабочих мест в рекреации) – сделают основные российские рекреационные территории потенциально более (чем ранее) притягательными (в том числе, вероятно, и для граждан Турции); конкуренция между турецкими и российскими курортами, при этом, безусловно, усилится (дополнительным фактором роста конкуренции за турпоток стало вхождение Крыма в состав РФ, существенно нарастившее емкость территориально-рекреационных комплексов российского Причерноморья).

Фиксируя внимание на важнейших аспектах российско-турецкого экономического взаимодействия, важно также подчеркнуть, что оно во все возрастающей мере диверсифицируется: несмотря на доминанту в нем внешнеторговой составляющей (с акцентом на энергосырьевые поставки) и услуг рекреации, заметное распространение получает активность в строительной сфере, инвестиционное сотрудничество, производственная кооперация. Так, в частности, российский Сбербанк (крупнейший коммерческий банк в России) приобрел турецкий Denizbank. Начата постройка атомной электро-

станции в Аккую (общая стоимость – 20 млрд долл. США), подготовлен проект комбинированного паромно-железнодорожного маршрута Самсун-Кавказ. Турецкие строительные подрядчики реализовали в России 1152 проекта на общую сумму 32 млрд долл., а число турецких рабочих превысило 100 тыс. человек[1]. В целом же, по ситуации на 2012–2013 гг. (когда экономическое взаимодействие двух стран достигло своего «пика»), в Турции было зарегистрировано 1400 представительств российского бизнеса; более 2 тысяч турецких фирм функционировали в России.

На уровне субъектов Российской Федерации наиболее активно развивают экономические отношения с Турцией Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Москва и Московская область, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, республики Северного Кавказа. На территории Турецкой Республики аттракторами для хозяйствующих субъектов из России выступают, в первую очередь, южноэгейские и западно-средиземноморские регионы (наиболее привлекательные для рекреантов). В последнее время во взаимодействие с российским бизнесом все активнее пытались включаться и другие территории, чему способствовало создание в Турции 26-ти местных агентств развития, ведущих поиск партнеров в российских регионах по принципу взаимодополняемости экономик. В частности, в качестве пилотного, начата реализация проекта двухстороннего внешнеэкономического сотрудничества Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Южно-Эгейского агентства развития.

Оценивая наметившийся двусторонний геоэкономический тренд, нельзя не признать, что возможности российско-турецких связей все еще, в существенной мере, недоиспользованы. Практически отсутствуют четкие целевые ориентиры и реальные механизмы углубления интеграционных процессов. Внешнеторговое взаимодействие фрагментарно, слабо и непоследовательно трансформируется в полномасштабную экономическую интеграцию и, в этой связи, все заметнее «буксует» (с 2009 года доля Турции во внеш-

[1] *Gökçe D.* Obama'dan sonra Putin, Akşam Gazetesi,14.11.2010.

неторговом обороте России регулярно сокращается), недостаточно подкрепляясь усилиями в инвестиционной, научно-технической и культурно-образовательной сферах. Отчасти, это – следствие «колеи» исторического опыта, отчасти – сохраняющегося потенциала геополитических противоречий (пролонгируемых, в том числе, и пребыванием Турции в структурах НАТО), отчасти – все еще невысокой инвестиционной привлекательности как Турции, так и России.

Серьезное влияние на связи двух стран оказал и переживаемый нашей страной с 2015 года экономический спад, и, конечно же, общий кризис российско-турецких отношений, спровоцированный не только прямым столкновением интересов Турции и России в Сирии, но и целым рядом других геополитических и геоэкономических факторов, обретших свое действие в условиях растущей турбулентности глобальной экономики и геоэкомического «переформатирования» Евразии (рис. 9).

Рис. 9. Основные причины современного кризиса российско-турецких отношений

Впрочем, вся нарабатываемая в постсоветский период модель внешнеэкономического сотрудничества продемонстрировала свою уязвимость уже в 2009 году; ныне же, в 2016-м потенциал ее развития, как видится, в существенной мере исчерпан. Конечно же, снижение цен на энергоносители создает благоприятные возможности для дальнейшей «газификации» Турецкой Республики и, соответственно, роста спроса на российский природный газ. Сохраняются условия и для поставок в Турцию зерновых (преимущественно через порты Юга России). Однако проблематично, что турецкий импорт в Российскую Федерацию обретет былые объемы и вопрос не только в спровоцированном кризисом сокращении емкости российского внутреннего рынка; компрадорская, сырьевая Россия лишена стратегической перспективы, нашей стране архиважно развивать собственные курорты, производить пресловутые «помидоры», воссоздавать национальную текстильную промышленность, множить возможности не только производить, но и глубоко перерабатывать зерновые… Даже при полном восстановлении доверия и добрососедства в российско-турецких отношениях (искренне надеюсь, что это произойдет в самое ближайшее время) мы должны будем корректировать (а, фактически, заново отлаживать) внешнеторговую модель отношений с Турцией.

Несмотря на развитие институциональной среды межстранового гуманитарного диалога (созданы и действуют российско-турецкие культурные центры в Стамбуле, Москве, Санкт-Петербурге), весьма существенное воздействие на ситуацию продолжают оказывать и сохраняющиеся культурно-ментальные барьеры (в этом отношении показательно, что в 2002 году на территории РФ, согласно переписи, владение турецким языком продекларировало 161319 человек; в 2010 году таковых оказалось ощутимо меньше – 146363). Существенны, в данном случае, и отсутствие продуманной и до конца взаимоприемлемой стратегии российско-турецкого совместного «евразийского будущего», и недостаточная осмысленность интеллектуальными элитами двух стран (продолжающих пребывать «на перепутье» в конструировании своих

культурно-цивилизационных идентичностей) самого концепта Евразии, наличие существенных расхождений в его понимании.

Ситуация усложнена тем, что Евразия (как ареал соразвития европейских и азиатских компонент культуры, специфическое геоэкономическое и геополитическое пространство) интенсивно видоизменяется; за два десятилетия, последовавших с момента распада СССР и крушения былой биполярной системы, она существенно «расширилась» и, одновременно, «сжалась», испытывая интенсивную эрозию, обретая обновленную структуру. Ее интегрирует уже не только (и не столько) единое государство (группировка, союз государств), сколько в существенной мере альтернативные геополитические и геоэкономические экспансии[1]. Под их воздействием Евразия «вестернизируется», во многом пребывая под контролем доминирующих ныне в глобальном масштабе сил (настойчиво продвигающих на восток сферу своего влияния), параллельно ощущая все более заметное воздействие фактора Ислама, геоэкономической активности Китая, демографо-экономического потенциала Индии. В подобном контексте, несмотря на возрастающую популярность идей «евразийства», фундаментальный (особенно для профессиональных географов-обществоведов) вопрос о границах Евразии («промежуточной», многофакторной и полицентрической субстанции), ее доминантных центрах, местоположении в современной геополитической, геокультурной и геоэкономической архитектонике – сложен, зависим от текущей конъюнктуры и локальных интересов и, в существенной мере, пока остается открытым.

Что же касается Российской Федерации, то она по-прежнему занимает узловое положение в Евразии и, в этой связи, не может не выступать одним из лидеров в организации продуктивного диалога в интересах обустройства всего евразийского пространства. Пережив масштабные по своим амплитудам и следствиям потрясения и, по многим позициям, завершив «великое отступление»

[1] *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

(по образному выражению Дж. Фридмана[1]), постсоветская Россия все более мыслит себя «по-евразийски»[2]. Все активнее включаясь в глобализационную ритмику, страна параллельно устойчиво воспроизводит свою «евразийскую» этнодемографическую структуру, наращивая, в том числе, и исламскую составляющую. Испытывая абсолютную и, в еще большей мере, относительную депопуляцию (за 1900–2010 гг. доля России в ее современных территориальных «рамках» в мировом населении уменьшилась с 4,5 до 2 %; к 2030 г. данный показатель, вероятно, не превысит 1,5 %[3]) и, одновременно, выступая как активно заселяемая извне страна (практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – мигрант постсоветского периода), в XXI веке Российская Федерация оказалась перед лицом реальной перспективы масштабной этнокультурной трансформации.

Идея включенности в евразийские процессы, осознание все возрастающего значения «евразийского вектора» в политике страны, в выборе геоэкономических и геополитических ориентиров, созвучности евразийства национальным интересам утверждается и в Турции[4]. Былой социальный и политический ажиотаж вокруг интеграции страны в ЕС утихает, что проецируется и на подвижках в общественном мнении: так, по данным Центра европейских исследований Босфорского университета, если в 2003 году число

---

[1] *Friedman G.* The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. NY: Doubleday, 2009.

[2] *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993; *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993 и др.

[3] *Дружинин А. Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1(4). С. 3–16.

[4] *Ибрагимов Айдын, Кахраман Селвер О., Чалышкан Ведат*. Геополитические контакты России и Турции в условиях многополярного мира // Россия в многополярной конфигурации. Сборник Докладов Международной Конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г.) / Отв. ред. д. э. н., проф. С. П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2011.

респондентов положительно относящихся ко вхождению Турции в ЕС составляло 69,3 %, то уже в 2012 году этот показатель опустился до 47,1 %; число лиц, негативно относящихся к идее вступления Турции в Евросоюз, при этом, из года в год растет. Одновременно все меньшее число турецких граждан начинают воспринимать свою страну как часть Европы: если в 2003 году 70 % процентов опрошенных респондентов считало Турцию в географической составляющей Европы, то к настоящему времени этот показатель упал до 46 %.

Будучи нацелена на все более активное самопозиционирование в качестве возрождающейся евразийской державы (в том числе и в рамках Шанхайской организация сотрудничества), Турция, одновременно, заинтересована и в сохранении сильной, экономически устойчивой Европы, и в поддержании сложившегося евразийского баланса сил, малореалистичного, как видится автору, вне продуктивного диалога с Россией, т. е. конвертации общих геоэкономических интересов двух стран в единую геополитическую позицию. В выстраивании данного диалога важно осознавать, что столь необходимый ныне (учитывая влияние факторов глобальной нестабильности, регионализации, незавершенности процессов этнического самоопределения наций, традиционного стремления к доминантному влиянию на евразийские дела «сторонних сил») евразийский интеграционный проект не может ограничиваться лишь традиционной сферой российского влияния, либо сводиться исключительно к дележу «советского наследия» и выстраиванию новых осей геополитической конфронтации в ожидании преференций от предсказываемых грядущих геополитических потрясений[1]. Любое расширение геоэкономического и геополитического присутствия в современной Евразии того или иного ее «центра силы» практически возможно лишь как взаимный процесс. Это важно осознавать и в России, и в Турции (государствах, базирующихся на разных составляющих Евразии и совпадающих лишь некоторыми

[1] *Friedman G.* The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. NY: Doubleday, 2009.

потенциальными и реальными сферами влияния), поскольку в последние годы для этих стран все характернее тяга к тем или иным формам реинтеграции ранее входивших в их состав территорий. Так, например, активную позицию во внутрисирийском конфликте заняла Турецкая Республика. Российская заинтересованность будет, вероятно, нарастать в северном Причерноморье (что полномасштабно проявилось в «крымской весне» 2014 года, когда РФ приросла двумя новыми субъектами), в Закавказье, отчасти на Балканах. Учет взаимных интересов и способность к компромиссу, к формированию ареалов и зон совместного геоэкономического (а в этой связи и геополитического) влияния (призванных стать одной из важнейших «осей» стабильности современной Евразии) должен дополняться совместными действиями по недопущению любых локальных и региональных дестабилизаций.

Формирование «евразийской платформы» российско-турецкого стратегического сближения предполагает также превращение приграничной периферии (в том числе и исторических, ранее утраченных земель) в ареалы трансграничного взаимодействия, в новые, стимулируемые межгосударственным сотрудничеством «полюсы роста». Последнее особенно важно для южных регионов России, где в силу многих причин воздействие российско-турецкого взаимодействия на экономику и социально-политическую ситуацию – наиболее существенно, в том числе и с учетом перспективы.

Экономико-демографический потенциал Турецкой Республики растет, демонстрируя характер долгосрочной тенденции. Если имевшие место в 2000-е гг. темпы демографического роста Турции останутся неизменными, то уже к 2020 году в этой стране окажется порядка 90 млн жителей (в настоящее время около 80 млн), а к 2050 (по разным сценариям Института статистики Турции) – от 94 до 111 миллионов. Учитывая темпы роста турецкой экономики (прирост ВВП в 2010 г. – 9,2 %, в 2011 г. – 8,5 %), существует и высокая степень вероятности, что к середине XXI столетия в целом сравняется потенциал важнейших «сгустков» социально-экономической активности России (Московская агломерация) и Турции (Стамбул и весь регион Мармара) при том, что

в настоящее время соотношение их экономического «веса» (по ВРП) составляет 2 : 1. В этой ситуации для Российского государства развитие взаимоотношений с Турецкой Республикой предстает в качестве не только значимой составляющей «евразийского вектора» внешнеполитического курса (и важнейшего критерия его успешности), но и базового условия укрепления позиций на Кавказе и в Причерноморье, решения задач территориального социально-экономического развития.

Дальнейшая поступательная динамика двусторонних отношений России и Турции связана также с налаживанием и развитием плодотворного межконфессионального (Ислам и Православие) диалога в рамках единой парадигмы светского государства, с существенной активизацией научного, образовательного и общекультурного взаимодействия, включая меры по популяризации русского языка в Турции и турецкого в России, в том числе в формате академической мобильности. Крайне необходимым в обозначенном контексте представляется и выстраивание продуктивного и тесного сотрудничества географов-обществоведов двух стран, в том числе в решении фундаментальной и актуальной задачи – обоснования географических факторов, форм и перспектив российско-турецкой конвергенции в экономической и социокультурной сферах, конструирования нашего совместного будущего в рамках полицентричной модели Евразии.

3.2. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте[1]

Причерноморье (как особый геополитический и геоэкономический метарегион; устойчивая, полицентрическая, асимметричная по характеру системоформирующих связей и уровню социально-экономического развития группировка разномасштабных территориально-акваториальных социально-экономических регионов и государств[2]), будучи расположенным на одном из наиболее важных евразийских «перекрестий», выступает традиционным, наиболее значимым (и чувствительным для двухсторонних отношений) ареалом российско-турецкого взаимодействия.

Представляя собой «естественный» (и, при этом, наиболее эффективный) коммуникационный коридор и, одновременно, барьерное пространство между Россией и Турцией, важную составляющую обширнейшего совместного геоисторического наследия[3] двух этих стран (своего рода – ареал их «маятникового» редоминирования), наиболее «приближенную» (географически, исторически, ментально) сферу взаимопересечения российских и

---

[1] По: *Дружинин А. Г.* «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 2(9). С. 3–14.

[2] *Дружинин А. Г.* Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23–30.

[3] *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

турецких актуальных геостратегических интересов, Причерноморье (ситуация в нем, позиционирование в метарегионе ведущих мировых и региональных центров силы) – все более зависимо от российско-турецкого диалога, (подверженного эпизодически возникающей турбулентности[1], но, тем не менее, всю последнюю четверть века являющего, как видится, в целом достаточно позитивный тренд), выстраиваемого в сложном, видоизменяющемся общеевразийском контексте.

С 1990-х годов все более активную и важную роль в причерноморском метарегионе начинает играть Турция – по существу не только один из приоритетных евразийских партнеров России, но и (в перспективе, в зависимости от направленности **процессов**, конкретного геополитического, геоэкономического, геодемографического и геокультурного контекста) ее стратегический союзник и, в то же время, конкурент.

Важно учитывать, что на интенсивность (и тональность) российско-турецкого диалога все последние годы неизменно воздействовали (и ныне продолжают влиять):

- «историческая колея» двухстороннего политического и экономического взаимодействия; приверженность взятым ранее союзническим обязательствам с «третьими странами» и их объединениями;
- прагматические экономические (внешнеэкономические) интересы;
- степень и эффективность как собственной евразийской геополитической и геоэкономической активности, так и аналогичных действий «противоположной стороны»;
- внутриполитический расклад сил в каждой из стран, возможность воздействия на него с помощью «внешних» событий и их образов;

[1] İhsan Tayhani. Tarihte Türk-Rus İlişkileri (1878–1923) // Dokuz Eylül Üniversitesi Buca Eğitim Fakültesi Dergisi. 2007. № 22. S. 144–151 // URL: http://www.befjournal.com.tr/index.php/dergi/article/view/242/208 (Дата доступа – 11.11.2014).

– планетарная и общеевразийская геополитическая и геоэкономическая архитектоника, наличие общих угроз и вызовов, а также степень солидарности с мнением (и поведением) доминирующих геополитических акторов.

Характерно, что именно распад СССР и последовавший за ним непродолжительный период наибольшей геостратегической пассивности (и слабости) России воспринимаются турецкими исследователями как рубежный переход от «напряженного» характера взаимоотношений России и Турции[1] к отношениям «дружественным и теплым»[2]. В рамках Договора от 25 мая 1992 г. Россия и Турция провозгласили друг друга «дружественными государствами»; в том же году подписано (инициированное ранее, в 1990 г., тогдашним президентом Турции Тургутом Озалом) соглашение о черноморском экономическом сотрудничестве. На этом фоне стал активно развиваться российский «челночный бизнес», выступив фактической предтечей последующего (с рубежа 2000-х гг.) «взрывного» наращивания двухсторонних внешнеторговых отношений, что также благоприятствовало ускоренному «размыванию» ранее сложившейся преимущественной «барьерности» черноморских геостратегических рубежей. Параллельно четко проявился «евразийский вектор» интересов Турции: в 1992 году в рамках министерства иностранных дел организовано Агентство тюркского сотрудничества и развития (TİKA); за этим последовало создание Совместного управления тюркской культуры и искусств (TÜRKSOY), нацеленное на распространение в «тюркских» (по доминирующей этнолингвистической составляющей) государствах и регионах турецких школ, латинского алфавита и турецкого языка; 30–31 октября 1992 года в Турции был проведен первый «тюркский саммит», в котором при-

[1] *Muzaffer Ercan Yılmaz*. Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus İlişkileri // «Akademik Fener». 2010. № 14. S. 27–42 // URL: http://www.bjmer.net/Makaleler/828608403_27-42 %20muzaffer.PDF (Дата доступа – 11.11.2014).

[2] *Ayhan Kamel.* İkinci Dünya Savaşı'nın Bitiminden Günümüze Kadar Türk – Rus İlişkileri // «Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 yıllık süreç». (Ankara. 15–17 Ekim 1997). 1999 // URL: http://www.dispolitika.org.tr/dosyalar/akamel_p.htm (Дата доступа – 11.11.2013).

няли участие главы всех тюркоязычных республик (постсоветских стран, а также некоторых российских регионов). В этот же период в Турции создается канал «TRT Евразия»; с целью финансирования инвестиций в данный метарегион основан турецкий Eximbank, а «Турецкие авиалинии» начали осуществлять регулярные рейсы в Азербайджан и столицы среднеазиатских тюркоязычных республик. Характерно, что многие западные государства, прежде всего США, в явной или скрытой форме поддерживали подобные инициативы Турции[1], поскольку они полностью корреспондировали с продекларированными чуть позднее (вторая половина 1990 – начало 2000-х) стратегическими установками на передел советского «геополитического наследия».

Возникшее во второй половине 1990-х непродолжительное «похолодание» в турецко-российских отношениях видится результатом не только действий Турции, внесшей в 1994 и 1998 гг. изменения в национальные Регламенты судоходства в Проливах, либо проявленной Российской Федерацией решимости отстаивать свои позиции и интересы на Северном Кавказе, но и того немаловажного обстоятельства (симптоматично фиксируемого турецкими авторами[2]), что усилия Турецкой Республики по расширению сферы влияния и конструированию «тюркского мира от Адриатики до Великой китайской стены» – не дали быстрого ожидаемого эффекта. Более того, по мере фактического вторжения (а именно так оценивает ситуацию видный эксперт по средиземноморско-черноморской тематике А. А. Язькова[3]) в черноморско-каспийское геополитическое пространство (и далее) внешних сил (прежде всего Соединенных Штатов и Евросоюза), «евразийский» век-

[1] *Muzaffer Ercan Yılmaz*. Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus İlişkileri // «Akademik Fener». 2010. № 14. S. 27–42 // URL: http://www.bjmer.net/Makaleler/828608403_27-42 %20muzaffer.PDF (Дата доступа – 11.11.2014).

[2] *Muzaffer Ercan Yılmaz.* Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus İlişkileri // «Akademik Fener». 2010. № 14. S. 27–42 // URL: http://www.bjmer.net/Makaleler/828608403_27-42 %20muzaffer.PDF (Дата доступа – 11.11.2014).

[3] *Язькова А. А.* Перекресток многостороннего сотрудничества // Современная Европа. 2009. № 4. С. 23–37.

тор геополитики нашего южного черноморского соседа заметно утратил былую аттрактивность для большинства постсоветских «тюркских» государств, отошел (в их внешнеполитической повестке) на «второй план». Россия же, напротив, обретая значение одного из ведущих глобальных экспортеров энергоресурсов и став привлекательной для мигрантов – наращивала потенциал экономического (и, соответственно, политического, культурного) взаимодействия с сопредельными странами, в том числе и с самой Турецкой Республикой, где, тем временем, также происходили значимые, двоякие по своему вектору перемены.

С одной стороны, на фоне ощутимого демографического роста (только за последние десять лет численность населения Турции увеличилась на 10 млн человек или на 14,3 %; всего же с момента образования Турецкой Республики в 1923 году ее демографический потенциал возрос с 12,5 до 80 млн человек, т. е. в 6,4 раза) страна демонстрировала завидные (среди других евразийских «центров силы» уступающие лишь Китаю) темпы экономического развития (с 2000 года среднегодовая положительная динамика ВВП Турции составляла 4,8 %,). Необходимо подчеркнуть, что в последние годы рост населения (прогнозируемый и на перспективу) подкрепляется опережающим ростом его доходов и платежеспособного спроса, что создавало существенную эндогенную основу для стабильного социально-экономического развития, расширения Турцией мирохозяйственных связей, все более уверенного ее позиционирования как «де-факто» крупной региональной державы. С другой стороны, рост геоэкономического влияния Турции с середины «нулевых» годов сопровождался некоторой «девестернизацией» ее внешнеэкономических связей; одновременно существенно возросла зависимость Турецкой Республики от масштаба и характера взаимодействия с Российской Федерацией, другими значимыми экспортерами энергоресурсов (преимущественно из мусульманских стран). На этом фоне весной 2011 г. Турция подала заявку на вступление в ШОС, а в 2012 – получила в этой организации статус «партнера по диалогу».

С рубежа III тысячелетия в российско-турецких двухсторонних отношениях «вступили в силу конструктивный язык политики и эле-

менты доверия»[1], подкрепляемые высокой динамикой наращивания внешнеторговых связей. Имели место (обретая все более широкое распространение) и взгляды на турок и русских как «родственные сообщества» с единой «евразийской идентичностью»[2]. На этой основе все заметнее прочерчивались контуры «стратегического сотрудничества» России и Турции (ограничиваемого преимущественно такими секторами, как торговля, туризм и энергетика[3]), в котором все более значимую роль приобретало именно причерноморское позиционирование (и взаимодействие) двух стран. Не случайно и российско-турецкое геоэкономическое (отчасти – геополитическое) «сближение», и проявившаяся с 2010 г. некоторая «пауза» в поступательной динамике межгосударственных отношений – хронологически практически совпали с поэтапным (но последовательным) «возвращением» России в Причерноморье (соглашусь с И. М. Бусыгиной[4], что первое постсоветское десятилетие этот метарегион фактически пребывал на периферии внешнеполитического курса РФ).

Именно с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в связи со «взрывным» наращиванием Россией объемов поставок на мировой рынок

---

[1] *Kerim Has*. Bölgesel Krizlerin Etkisinde Türk-Rus İlişkilerinin Dönüşümü // Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu (USAK)). 1.11.2011 // URL: http://www.usakgundem.com/yorum/489/b %C3 %B6lgesel-krizlerin-etkisinde-t %C3 %BCrk-rus- %C4 %B0li %C5 %9Fkilerinin-d %C3 %B6n %C3 %BC %C5 %9F %C3 %BCm %C3 %BC.html (Дата доступа – 11.11.2014).

[2] *Ferit Temur*. Türk-Rus İlişkilerine Medeniyetsel Bir Bakış // Stratejik Düşünce Enstitüsü). 15.07.2014 года // URL: http://www.sde.org.tr/tr/newsdetail/turk-rus-iliskilerine-medeniyetsel-bir-bakis/3801 (Дата доступа – 11.11.2014).

[3] *Göktürk Tüysüzoğlu*. Türkiye-Rusya İlişkileri: Yüksek Düzeyli Stratejik Rekabet // Uluslarası Politika Akademisi. 26.11.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiye-rusya-iliskileri-yuksek-duzeyli-stratejik-rekabet/ (Дата доступа – 11.11.2014).

[4] *Бусыгина И. М.* Пространственные стратегии ЕС и России в Причерноморье // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / Под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Языковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15–18 мая 2011). М.: «Вузовская книга», 2011.

энергоносителей, экспортом металла, зерновых, подсолнечника (и параллельным ростом импортозависимости) в Причерноморье оказались реализованы крупные инвестиционные проекты наподобие КТК, «Голубого потока», реконструкции Новороссийского морского порта и др. Характерно, что если к середине 1990-х гг. грузооборот Новороссийска (доминирующего в масштабе не только Юга, но и России в целом) составлял лишь чуть более 52 млн тонн[1], то к 2012 г. он достиг 159 млн тонн (в 2013 – 141 млн, 2015 – 140 млн). Через портовые терминалы Юга России в настоящее время проходит около 30 % всего экспорта нефти и нефтепродуктов страны.

Усилия России по формированию на ее приморских юго-западных рубежах не только крупных транспортно-логистических комплексов, но и, в целом, своего рода «Причерноморской дуги опережающего развития» – подкрепили инвестиции в организацию и проведение XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи (благодаря «олимпийскому проекту» Краснодарский край на целое пятилетие получил возможность практически удвоить ежегодный объем инвестиций в основной капитал; численность населения г. Сочи в этот период устойчиво росла в среднем на 2 % в год)[2].

В итоге, для современной России Причерноморье обрело не только транспортно-логистическую, коммуникационную ценность, но и явилось одним из немногих реальных «полюсов» демографического (и социально-экономического) роста, все более утверждаясь (по мере перехода к «постсекулярному обществу»[3]) как неотъемлемая (и значимая) часть национального географического, исторического, экономического и культурно-сакрального пространства.

---

[1] *Дружинин А. Г., Бурцев В. И.* Развитие регионального рынка портовых услуг Юга России // Известия ВУЗов Северно-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2.

[2] *Дружинин А. Г.* Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.

[3] *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Издательство «Весь мир», 2011.

Возвращение Крыма в состав российской юрисдикции не только существенно видоизменило ситуацию в Причерноморье, но и обнажило общие фундаментальные «подвижки» в общеевразийской и глобальной геополитической архитектонике. Турецкие аналитики (а в системе «причерноморских интересов» Турецкой Республики весь постсоветский период Крымский полуостров занимал особое, приоритетное место) это констатируют так: «После крымского референдума 16 марта мир изменился… снова стал многополярным… Путин и Россия действительно вышли за рамки реальности, которую применительно ко всему миру рисует Запад»[1] и «российское «красное яблоко» (в тюркской мифологии – мечты о далеких плодородных землях и символ мирового господства) стремительно возвращается к своим историческим кодам»[2].

Современное «Российское Причерноморье» (географически расширившееся и подкрепляемое государственной финансовой, инфраструктурной и военно-силовой поддержкой) объективно «вклинилось» в «Причерноморье евроатлантическое» (рассматриваемое стратегами Запада как часть все более активно «осваиваемого» евразийского пространства, связующее звено между ЕС и «Большим Ближним Востоком»[3]), став его внятной контрверсией. Это вызвало, в свою очередь, дальнейшую геополитическую фрагментацию метарегиона (образование в нем как новых барьеров, «линий разлома», так и, фактически, – выход на авансцену нескольких альтернативных геоконцептов «Причерноморья»), существенно снизило действенность сформированных в предшествующие два десятилетия межгосударственных форматов причерноморского сотрудничества (наподобие ОЧЭС, «Черноморской синергии» и т. п.). Кроме того, украинский кризис ознаменовал собой появление в Причерноморье (и ранее пребывавшего в состоянии «имма-

[1] *Hayrat Celal*. 16 Mart sonrası dünya değişti. «Yeni Mesaj». 14.04.2014.

[2] *Mehmet Seyfettin Erol.* Üçüncü Devletlerin Doğuşu ... «Milli Gazete», 2.06.2014.

[3] *Aliboni R.* "Globalization and the Wider Black sea area: Interaction with the European Union, eastern Mediterranean and the Middle east" Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 6. June. 2006. P. 157–168.

нентной нестабильности»[1]) еще одного крупного очага военно-политического противостояния (между Россией и странами евроатлантического альянса). К тому же, в ходе мартовских событий 2014 года произошло более глубокое «взаимонапластование» сферы российских геостратегических интересов и причерноморского сегмента так называемого «Турецкого Мира» (Türk Dünyası).

Характерно, что стремясь реализоваться как «региональная сила»[2], как страна-транзитер и посредник[3] и, вероятно, не желая жертвовать вновь наметившейся позитивной динамикой внешнеторговых взаимодействий с Российской Федерацией (с 2009 по 2013 гг. объем экспорта Турции в Россию демонстрировал устойчивый рост; резко изменилась ситуация лишь с 2014 года), официальная Анкара даже в ситуации украинского кризиса до конца не солидаризировалась с политикой Запада (хотя и поддержала в марте резолюцию Генеральной ассамблеи ООН по Крыму), отказавшись от ввода антироссийских санкций. На этом фоне, в изданиях некоторых турецких «мозговых центров» тиражировались (к сожалению!) суждения, что укрепление России «исторически невыгодно Турции»[4], а активность нашей страны не оставляет Ту-

---

[1] *Языкова А. А.* Черноморский регион: современные факторы геополитики и геоэкономики // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / Под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Языковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15–18 мая 2011). М.: изд-во «Вузовская книга», 2011.

[2] *Furkan KAYA*. Türkiye'nin Enerji Stratejisi // Uluslarası Politika Akademisi). 17.02.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiyenin-enerji-stratejisi/ (Дата доступа – 11.11.2014).

[3] *Göktürk Tüysüzoğlu*. Türkiye-Rusya İlişkileri: Yüksek Düzeyli Stratejik Rekabet // Uluslarası Politika Akademisi. 26.11.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiye-rusya-iliskileri-yuksek-duzeyli-stratejik-rekabet/ (Дата доступа – 11.11.2014).

[4] *Ayhan Kamel*. İkinci Dünya Savaşı'nın Bitiminden Günümüze Kadar Türk – Rus İlişkileri // «Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 yıllık süreç». (Ankara. 15–17 Ekim 1997). 1999 // URL: http://www.dispolitika.org.tr/dosyalar/akamel_p.htm (Дата доступа – 11.11.2013).

рецкой Республике «пространства для маневра во всей Евразии»[1], а также, что «поиски союза по оси Турции и России… того и гляди утонут в глубоких водах Черного моря»[2]. Однако, состоявшийся в начале декабря 2014 г. Государственный визит Президента РФ в Анкару убедительно продемонстрировал, что российско-турецкая геостратегическая «связка» уже располагает существенным «запасом прочности», а Турция обладает желанием (и политической волей) продуктивно использовать в своих геоэкономических интересах новую геополитическую ситуацию.

«Семимесячный» (с ноября 2015 г.) кризис в российско-турецких отношениях усилил военно-силовое и информационно-идеологическое (с фокусировкой на Крым и положение в нем крымско-татарской общины) противостояние в Причерноморье. Параллельно проявилась антироссийская по направленности трансчерноморская геополитическая связка «Турция – Украина». Восстановление российско-турецкого диалога в Причерноморье (в рамках наметившейся в июле – августе 2016 г. нормализации российско-турецких взаимоотношений) – столь же целесообразно, сколь и неизбежно; с учетом совокупности обстоятельств (существенного снижения взаимного товарооборота, конкуренции российских и турецких курортов, возросшей активности НАТО, негативного влияния СМИ и др.) оно будет, полагаю, происходить постепенно, фрагментами, первоначально затрагивая лишь отдельные значимые как для России, так и Турции сферы, включая транспортировку природного газа, инвестиционные проекты в Крыму и, возможно, научно-образовательное сотрудничество.

Крупным (и знаковым), встроенным в логику восстановления российско-турецких отношений событием способна стать имплементация проекта «Турецкого потока». Возможность обретения

---

[1] *Göktürk Tüysüzoğlu*. Türkiye-Rusya İlişkileri: Yüksek Düzeyli Stratejik Rekabet // Uluslarası Politika Akademisi. 26.11.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiye-rusya-iliskileri-yuksek-duzeyli-stratejik-rekabet/ (Дата доступа – 11.11.2014).

[2] *Mehmet Seyfettin Erol*. Üçüncü Devletlerin Doğuşu... «Milli Gazete», 2.06.2014.

Россией и Турцией этой новой, дополнительной трансчерноморской транспортной «связки», как видится, зависит не только от глобальной ценовой конъюнктуры на энергоносители, но и от принципиальной достижимости двумя странами нового уровня геостратегического взаимодействия и доверия (включая такую ее составляющую как выход Турецкой Республики из структур НАТО, все в возрастающей мере демонстрирующих враждебность к России). Позитивное развитие ситуации способно, как видится, существенно повысить ***меридиональную коммуникативность*** причерноморского пространства, выводя на авансцену (в качестве особого геоэкономического конструкта) **Российско-Турецкое Причерноморье**. «Осевым» его элементом призвана стать наращивающая свой потенциал газотранспортная система, а хозяйственно-урбанистическими доминантами – Стамбульская мегаметрополия (вместе с другими территориями Мраморноморского региона вмещающая 23 млн жителей и концентрирующая 45 % ВРП Турции) и ее трансакваториальный «противовес» – «россыпь» российских причерноморско-приазовских групповых систем расселения (Ростовская, Краснодарско-Новороссийская, Симферопольско-Севастопольско-Ялтинская, Сочинская) с суммарным демографическим потенциалом в 6–6,5 млн человек. Фактически, могут быть созданы важные предпосылки для последующего формирования сложного по своей структуре и пространственной конфигурации, асимметричного по экономико-демографическому потенциалу отдельных составляющих, трансграничного (и трансакваториального) метарегиона, причем, в полном смысле – «евразийского», в еще большей мере подкрепляющего исторически сложившееся значение Причерноморья, как одной из наиболее важных и сложных пространственных проекций отношений между Россией и Турцией.

3.3. Роль Юга России в системе российско-турецких взаимоотношений

Проблематику российско-турецких отношений сложно отнести к мейнстриму отечественного обществознания, поскольку и во времена СССР, и в постсоветский период Турция не выступала ни союзником, ни приоритетным внешнеэкономическим партнером, ни основным геостратегическим оппонентом нашей страны. Лишь в последние годы в контексте все возрастающего геополитического и геоэкономического взаимовлияния России и Турции, усиления евразийского вектора в политике двух стран, а также резко проявившегося в конце 2015 – середине 2016 г. кризиса в двухсторонних отношениях – наблюдается пробуждающийся интерес исследователей (политологов, экономистов, географов) к возможностям, барьерам и перспективам двухстороннего взаимодействия[1], его проекции на региональный

[1] *Аватков В. А.* Российско-турецкие отношения // Россия и страны Востока в постбиполярный период / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014; *Аккая М.* Российско-турецкие отношения в 2000–2006 гг. // Власть. 2008. № 11. С. 69–73; *Актюрк С.* Конт-гегемонистские взгляды и примирение через прошлое: случай турецкого евразийства // Ab imperio. 2004. № 4. С. 207–215; *Дергачев В. А.* Многопартнерская геополитика Турции. Вестник аналитики. 2010. № 3 [Электронное издание] http://www.dergachev.ru/analit/191010.html (Дата доступа – 28.09.2015); *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87; *Егоров В. К.* Россия и Турция: конструктивная взаимозависимость // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 132–45; *Нежат Т.* Влияние российско-турецких отношений на региональную безопасность: разногласия, риски, возможности // Стабильность в

контекст[1], включая и наиболее «приближенные» к Турецкой Республике (географически, этнокультурно, внешнеэкономически) регионы Юга России[2].

Российский Юг, в настоящее время объединяющий 15 субъектов Российской Федерации (3,7 % ее территории, 17,7 % населения и около 9,2 % ВРП), как уже ранее отмечалось[3], всей своей историей и географией «обречен» на существенную зависимость (по отдельным позициям явную, по иным – латентную) от ситуации в сопредельных странах, от взаимодействия с ними, от сложных геополитических и геоэкономических векторов, объединяющих и дезинтегрирующих постсоветское пространство, в целом всю Евразию. Это не только приморский, приграничный, анклавный, но и сложившийся в постсоветский период **евразийский субрегион[4], и его видение как «***солнечного сплетения Евразии*» (озвученное в

Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления»: Сборник материалов. ООО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2012. С. 73–93; *Стегний П. В.* Вдвоем на «хартленде» // Россия в глобальной политике. 2015. № 1 [Электронный ресурс] // http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tcentralnoi-Evrazii-17441 (Дата обращения – 07.06.2015); *Шахидов А. Ш.* Россия и Турция: от войн до союза // Евразийский юридический журнал. 2009. № 14. С. 113–117.

[1] *Мехмет А.* Географический анализ внешнеэкономических связей между Турцией и Россией: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2003; *Дружинин А. Г.* «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014. № 2 (9). С. 3–14.

[2] *Дружинин А. Г.* Российско-турецкое взаимодействие в пространстве постсоветской Евразии: возможности, проблемы и перспективы для Юга России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 58–62.

[3] *Дружинин А. Г.* Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.

[4] *Дружинин А. Г.* Евразийские тренды южно-российской динамики: общественно-географический аспект // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 404–419.

середине 1990-х гг. Ю. А. Ждановым[1], блестящим мыслителем, лидером науки) становится ныне все более актуальным, в том числе и в контексте сложных, противоречивых российско-турецких взаимоотношений.

Из всей «палитры» российских макрорегионов именно Юг России в наибольшей мере и географически, и экономически, и в культурном отношении «приближен» к Турции; причем, если в целом в Турецкой Республике он воспринимается преимущественно как «задний двор»[2] с дисперсно-компактной локализацией лингвистически родственных этносов, то для России – это форпост и коммуникационный коридор[3], ведущий экспортоориентированный сельскохозяйственный ареал[4] и, наконец, важнейшая селитебная и рекреационная территория, один из порубежных «фасадов» страны[5]. При этом, благодаря сложившейся конфигурации «ниток» трубопроводов и логистических маршрутов для Турции российский Юг с конца 1990-х гг. превратился не только в наиболее приближенный к ее черноморским и средиземноморским портам (а, следовательно, и турецким товаропроизводителям) «сгусток» платежеспособного спроса, но и приоритетный канал взаимных товаропотоков. Являясь неотъемлемой составляющей Российской Федерации (находящейся в ее юрисдикции, хозяйственно и селитебно освоенной русской культурой), в структуре современного евразийского про-

---

[1] *Жданов Ю. А.* Солнечное сплетение Евразии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2. С. 3–10.

[2] *Гюльтекин Б.* Развитие турецко-российского сотрудничества на Кавказе // Экономико-географический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 3. С. 18–25.

[3] *Овчинников В. Н., Колесников Ю. С.* Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.

[4] *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

[5] *Дружинин А. Г.* Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.

странства территории Юга России выступают, также, геополитическим и геоэкономическим «скрепом – мостом» между Турцией и глубинными, в том числе и наиболее развитыми в социально-экономическом отношении регионами нашей страны.

«Турецкий фактор» проецируется, прежде всего, на функционирование базовых, «профильных» для Юга России отраслей хозяйства – транспорт и логистику, а также аграрно-производственный комплекс. Если ориентироваться на данные 2013 года – наиболее благополучного за ряд последних лет (в том числе и по показателям внешнеэкономической деятельности), то вполне очевидно, что именно регионы Юга России играют ключевую роль во взаимодействии Российской Федерации с Турецкой Республикой. В частности, в сумме, на Южный и Северо-Кавказский федеральные округа приходится почти 26 % от всего объема российского экспорта в Турцию, что – немало, поскольку поставки энергоносителей (до 50 % стоимостного объема всего экспорта) «учитываются» московской таможней[1]. Характерно, при этом, что в рейтинге регионов России (экспортеров в Турцию) второе место принадлежит Ростовской области (3,4 млрд долл. США или 13,4 % всего российского экспорта в Турцию), третье – Краснодарскому краю (2,9 млрд), и причины тому не только позиционные и инфраструктурные (приморская зона и сеть морских портов), но и сложившиеся на Юге России (в том числе и благодаря потенциалу турецкого рынка, превращению Турецкой Республики в метарегиональный транспортно-логистический центр) крупные высокопродуктивные аграрно-промышленные кластеры, специализированные на культивировании зерновых, а также масличных культур (в первую очередь – подсолнечника).

Ситуация такова, что до 90 % поставок зерна за рубеж в настоящее время проходит именно через черноморско-азовские порты (из 37,6 млн тонн зерна, вывезенного из страны в сезон 2014/2015 гг. –

[1] *Дружинин А. Г., Реднова И. Ф.* Позиционирование регионов Юга России во взаимодействии России и Турции: внешнеторговый аспект // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 39–47.

41 % «пропустил» Новороссийск и 13 % – Ростов-на-Дону[1]), превращая Ростовскую область и Краснодарский край в важнейшие регионы не только зернопроизводства, но и экспорта зерновых (табл. 14).

Таблица 14

Важнейшие параметры и составляющие аграрно-производственно-портового комплекса Юга России (зерновой сегмент), 2014 г. *

	Производство зерна, тыс. тонн	Экспорт зерна, тыс. тонн**	Кластер, обеспечивающих экспорт зерна морских портов
Краснодарский край	12870	7461	Ейск (ОАО «Ейский портовый элеватор»); Кавказ; Новороссийск (ОАО «Новороссийский зерновой терминал»; «Новый зерновой терминал»); Тамань (ООО «Зерновой терминальный комплекс Тамань»); Темрюк; Туапсе (ОАО «Туапсинский МТП»)
Ростовская область	9345	6560	Азов (ООО «Азовский портовый элеватор»; Филиал ООО «Аутспан Интернешнл Азовский Зерновой Терминал»); Ростов-на-Дону (ОАО «Астон», ООО «Ростовский зерновой терминал», ООО «Ростовский комбинат хлебопродуктов»); Таганрог (ОАО «Таганрогский морской торговый порт»)
Ставропольский край	8556	1262	–
Волгоградская область	3913	400	–

* Составлено по данным Росстата, а также Южного и Северо-Кавказского таможенных управлений.

** Оформлено таможенными органами соответствующих регионов.

[1] Рейтинг экспортеров. Экспорт зерна из России. Сезон 2014/2015 (2015) [Электронный ресурс] http://tsenovik.ru/news/novosti-apk/korma/reyting-eksporterov-eksport-zerna-iz-rossii-sezon-20142015/ (Дата доступа – 13.02.2016).

Суммарный объем экспорта в Турцию масличных семян из Краснодарского края и Ростовской области по ситуации на 2014 год составил 12,2 % от всего валового сбора на их территории. Аналогичный показатель по зерновым достиг 23 %. Через таможни двух этих (лидирующих по объемам внешнеторговых операций) регионов в Турцию экспортировано и почти 22 % от произведенного на территории ЮФО растительного масла (что эквивалентно 9,5 % от его производства в масштабе РФ в целом). Оказавшись «де-факто» не только ведущим сельскохозяйственным макрорегионом Российской Федерации, но и значимой продовольственной (по отдельным позициям) базой для Турецкой Республики, Юг России геоэкономически неизбежно являет *полизависимые*[1] *черты.*

Значение Турции как одного из ведущих внешнеэкономических аттракторов для Юга России подтверждает и статистика импорта. Основным каналом поставки продукции из Турции выступает Краснодарский край (в 2013 г. на его территории таможенные структуры оформили около 42 % всего турецкого импорта в Россию); меньшую (хотя также весомую) роль играет Ростовская область: на ее долю приходится 15,2 % всего импорта России из Турции. В целом же, через регионы ЮФО и СКФО Российская Федерация получает почти 60 % импорта из Турции; превалирование ЮФО над СКФО при этом более чем 40-кратное, свидетельствуя о локализации импортных поставок именно в двух «причерноморских» субъектах Юга России.

В условиях переживаемого экономикой России кризиса, товарный «поток» из Турции несколько сократился, что хорошо иллюстрируемо внешнеторговой статистикой по Краснодарскому краю (табл. 15).

«Обвальный» спад объема турецких поставок произошел лишь после введения Россией внешнеторговых санкций. Так, если в ян-

[1] *Дружинин А. Г.* Полизависимость в центро-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

Таблица 15

Импорт товаров в Краснодарский край из Турции за 2013–2015 гг. *

	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Объем импорта из Турции, млн долл. США	1236	972	803
Доля импорта из Турции в общем импорте Краснодарского края, %	22,3	19,4	21,4

*Составлено по данным Южного таможенного управления.

варе – мае 2015 г. таможней Краснодарского края было оформлено товаров из Турции на 346 млн долл. США (что эквивалентно 21,1 % всего краевого импорта), то в аналогичный период 2016 г. – лишь на 91 млн (в суммарном объеме учитываемого на территории края импорта – это всего 6 %). В Ростовской области соответствующие объемы импорта из Турции снизились с 56 до 37 млн долл., а доля Турецкой Республики в импорте – с 7,4 % до 4,7 %. Следует отметить, что даже в условиях возросшего напряжения в двухсторонних отношениях, спад экспорта из регионов Юга России в Турцию оказался не столь значителен: в январе – мае 2016 г. с территории Ростовской области в Турцию было вывезено товаров на 450 млн долл., в то время как в этот же период годом ранее – 528 млн; доля Турецкой Республики в региональном экспорте, при этом, сократилась с 36,4 до 23,8 %. Факторы «геоэкономического соседства», хорошей транспортно-логистической взаимной доступности и сложившейся взаимозависимости ряда секторов экономики создают все предпосылки для возобновления устойчивого функционирования южно-российского коммуникационного коридора «Турция – Россия» уже в самой ближайшей перспективе, когда (хочется на это надеяться) отношения двух стран не только восстановятся, но и станут более доверительными и тесными.

Следует отметить, что в силу геоэкономической миссии Юга России, его селитебной и этнодемографической специфики, опосредованное (фактическое и потенциальное) влияние динамики российско-турецких отношений существенно для целого ряда территорий. Прежде всего, это, безусловно, российский участок

черноморско-азовского побережья, представляющий собой интенсивно освоенную и плотно заселенную полосу, на которой сконцентрировано несколько крупных и наиболее значимых городских агломераций (Ростовская, Краснодарско-Новороссийская, Сочинская и Севастопольско-Симферопольско-Ялтинская) и проживает почти 10 млн человек. Для этого сегмента, как видится, наиболее приоритетны (и чувствительны) российско-турецкие отношения в следующих сферах:

- туризм и рекреация; причерноморские курорты ныне все активнее конкурируют с основными рекреационными центрами турецкого средиземноморья; величина «потока» российских отдыхающих в Турцию (корректируемая валютной динамикой, внешнеполитической конъюнктурой, иными факторами) – существенна для социально-экономического развития российского Причерноморья;
- транспорт и логистика, портовые комплексы, чье устойчивое функционирование предопределяется не только грузопотоком, но и сохраняющей свое действие конвенцией Монтре от 1936 года, гарантирующей режим свободного прохождения турецких проливов;
- доступность рынков городских агломераций российского Причерноморья для турецких компаний (стройподряд, строительные материалы, продовольствие и др.);
- совместное обеспечение военно-политической безопасности как в акватории Черного моря, так и на прилегающих к ней территориях;
- экологические проблемы в акватории Черного моря.

Вхождение Крыма («охранителя традиций Русского мира»[1], региона с выраженной политико-географической субъектнос

[1] *Швец А. Б., Яковлев А. Н.* О новых трендах «Нового Крыма» // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / Под ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. С. 520–525.

тью[1], позиционно, социокультурно, экономически тяготеющего к другим территориям российского Юга, образующего вместе с ними «Большой Юг России»[2]) в состав Российской Федерации, удлинив, тем самым, причерноморскую «полосу» российско-турецкого взаимодействия (по экспертным оценкам в настоящее время до 20 тыс. крымчан ведут бизнес с турецкими партнерами), дополнило ее крайне значимым как для российского мироощущения, так и для турецкого менталитета компонентом. В результате еще четче оказалась акцентирована роль Причерноморья в геостратегиях двух стран, усилилось значение черноморско-азовского побережья как приоритетного для интересов Турции ареала на Юге России. Не случайно, кстати, оба локализованных в южно-российском макрорегионе генеральных консульств Турецкой Республики размещены как в ведущем портовом городе (Новороссийск), так и в крымской столице (г. Симферополь) (табл. 16).

Топонимика Крымского полуострова, присущая данному региону конфессиональная и этнодемографическая специфика (соотношение на полуострове крымских татар, украинцев и русских, по данным украинской переписи 2001 г., составляло 1 : 1,7 : 4,6; в 2014 г. аналогичная пропорция выглядела как 1 : 1,2 : 5,4[3]) и порождаемые ею трансграничные взаимодействия, развитие этнически ориентированных систем образования, равно как и иные составляющие геокультурной ситуации, в современном фрагментированном и, одновременно, взаимозависимом евразийском кон-

[1] *Багров Н. В.* Региональная геополитика устойчивого развития. К.: Либідь, 2002; *Киселев С. Н.* «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 68–78.

[2] *Дружинин А. Г.* Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.

[3] *Дружинин А. Г., Сухинин С. А.* «Крымский фактор» в современных российско-турецких отношениях: некоторые геокультурные аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. . 2015. № 1 (10). С. 3–20.

Таблица 16

«Турецкая составляющая» в многовекторном развитии регионов Юга России

	Первые три ведущих внешнеторговых партнера (по итогам 2015 г.)		Наличие крупных этнических диаспор		Наличие консульских учреждений и представительств государств	Наличие прямых авиарейсов в другие страны
	По экспорту	По импорту	Автохтонных для региона этносов в других странах	Автохтонных этносов сопредельных стран		
Республика Адыгея	Узбекистан Абхазия Украина	Китай, Германия Аргентина	Турция, Сирия, Иордания	армяне (3,4 % населения)	–	–
Республика Дагестан	Азербайджан Иран Грузия	Азербайджан Иран Китай	Турция, Сирия	Азербайджанцы (4,6 %)	–	Азербайджан
Республика Ингушетия	Грузия Туркмения Турция	Китай Германия Турция	–	–	–	
Кабардино-Балкарская республика	Туркмения Таджикистан Азербайджан	Германия Италия Китай	–	Турки (1,6 %)	–	Турция
Карачаево-Черкесская республика	Украина Румыния Абхазия	Китай Турция Украина	Турция, Сирия, Иордания	–	–	–

Продолжение табл. 16

	Первые три ведущих внешнеторговых партнера (по итогам 2015 г.)		Наличие крупных этнических диаспор		Наличие консульских учреждений и представительств государств	Наличие прямых авиарейсов в другие страны
	По экспорту	По импорту	Автохтонных для региона этносов в других странах	Автохтонных этносов сопредельных стран		
РСО – Алания	Грузия Турция Украина	Грузия Китай США	–	Грузины (1,3 %)	Южная Осетия	
Республика Калмыкия	Украина Латвия Азербайджан	Польша Турция Украина	–	–	Монголия	–
Чеченская республика	Азербайджан Иран Китай	Нидерланды Турция Китай	Турция, Сирия, Иордания, Ирак	–	–	–
Краснодарский край	Италия Турция Корея	Турция Китай Индонезия	–	Армяне (5,4 %), украинцы (1,6 %)	Турция Греция	Армения Казахстан Киргизия Турция Узбекистан
Ставропольский край	Азербайджан Украина Иран	Турция Китай Германия	–	Армяне (5,8 %), греки (1,2 %), украинцы (1 %)	–	Казахстан

Продолжение табл. 16

	Первые три ведущих внешнеторговых партнера (по итогам 2015 г.)		Наличие крупных этнических диаспор		Наличие консульских учреждений и представительств государств	Наличие прямых авиарейсов в другие страны
	По экспорту	По импорту	Автохтонных для региона этносов в других странах	Автохтонных этносов сопредельных стран		
Астраханская область	Иран Марокко Туркмения	Китай Румыния Сингапур	–	Казахи (15 %)	Иран Казахстан Туркмения	Казахстан Турция
Волгоградская область	Украина Турция Италия	Германия Италия Китай	–	Казахи (1,8 %)	Армения	Болгария
Ростовская область	Турция Украина Швейцария	Украина Китай Германия	–	Армяне (2,6 %), турки (0,8 %), украинцы (1,8 %)	Армения Беларусь Венгрия Румыния	Испания Армения Болгария Греция ОАЭ Турция Чехия Узбекистан

Окончание табл. 16

	Первые три ведущих внешнеторговых партнера (по итогам 2015 г.)		Наличие крупных этнических диаспор		Наличие консульских учреждений и представительств государств	Наличие прямых авиарейсов в другие страны
	По экспорту	По импорту	Автохтонных для региона этносов в других странах	Автохтонных этносов сопредельных стран		
Республика Крым	Украина Турция Панама	Украина Турция Китай	Турция	Украинцы (15,1 %) Белорусы (0,9 %),	Украина, Турция, Израиль, Казахстан, Венгрия, Германия	–
г. Севастополь	Украина Турция Панама	Украина Турция Китай	–	Украинцы (13 %), Белорусы (1 %)	Украина, Польша	–

тексте, преломляясь в общественном сознании, реконструируя его и будучи задействованы в геоэкономике и геополитике – обретают не только локальное звучание, но и выступают важным условием продуктивного межкультурного, межгосударственного российско-турецкого диалога; Крым, при этом, неизбежно являет сущностные характеристики не только «узловой», «ключевой», но и «стыковой», «контактной» территории. Понимание специфики полуострова, видение «турецкой составляющей» в его ретроспективе, современных трендах, равно как и будущем развитии, должны, при этом, сочетаться с признанием безусловного приоритета интересов Российской Федерации, ее не только политического, но и экономического, культурного суверенитета в вопросах развития Крыма.

Ситуация в целом ныне такова, что и в Крыму, и на всем остальном пространстве **Большого Юга России** в территориальной организации общества на приоритетные позиции все больше выходят структуры трансграничные, «контактные», характеризуемые, в том числе, активной этнодемографической и этнокультурной динамикой, локализованные в исторически уже сложившихся и новых транзитных коридорах. «Сдвиг» экономики и демографического потенциала в Причерноморье (позволяющий говорить о наличии «Причерноморской дуги опережающего развития» – рис. 10), при этом, сочетается с постепенным выравниванием исторически сложившихся пространственных социально-экономических градиентов в связи с опережающей динамикой хозяйства в Чеченской Республике и, особенно, Дагестане (за последние пятнадцать лет фактически удвоившего свою долю в суммарном российском ВРП). Характерно, что «догоняющее», «восстановительное», в существенной мере стимулируемое федеральными бюджетными трансфертами социально-экономическое развитие традиционных северокавказских регионов-аутсайдеров дополнительно инициируется прирастающим их демографическим потенциалом.

Авторский прогнозный расчет (табл. 17) свидетельствует, что существующая ныне возрастная структура населения способна во многом предопределить дальнейшее «перераспределение» демографической «массы» в пользу ряда северокавказских терри-

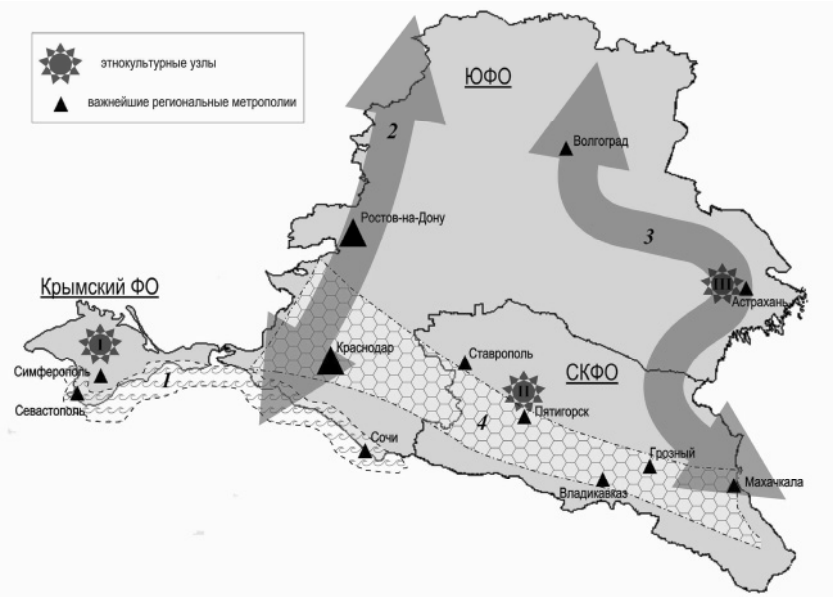

Рис. 10. Социально-экономическая система Юга России: основные территориальные компоненты:

1 – Причерноморская дуга опережающего развития. Меридиональные социально-экономические и транспортно-коммуникационные оси: **2** – Кубанско-Донская; **3** – Каспийско-Нижневолжская. **4** – Предкавказская селитебная и хозяйственная полоса. Важнейшие этнокультурные узлы: **I** – Крымский; **II** – Ставропольско-Кавминводский; **III** – Астраханский.

рий; уже в ближайшие 20-25 лет это приведет к формированию на юго-востоке южно-российского макрорегиона нового бицентрического урбанистического «ядра» общероссийского значения.

Даже при сохранении современного уровня урбанизированности и концентрации горожан в региональных столицах (что маловероятно, поскольку и в Дагестане, и в Чечне существенен потенциал роста доли городского населения) к рубежу 2030 года Махачкала обретет крайне важный для самопозиционирования статус «города-миллионера», а демографический потенциал Грозного преодолеет пятисоттысячный рубеж. На этом фоне неизбежно возрастет общеэкономический, потребительский потенциал данных

Таблица 17

Прогноз численности населения ряда регионов Юга России (без учета фактора миграции)*

	Численность населения 2015 г., чел.	Доля (усредненно) годовой генерации в диапазоне 0–24 лет в населении, %	Доля (усредненно) годовой генерации в диапазоне 25–54 лет в населении, %	Соотношение долей генераций в диапазоне 0–24 лет и 25–54 лет	Гипотетическая (на основе учета ожидаемой «подвижки» генераций) расчетная численность населения к 2035–40 гг.
Краснодарский край	5226647	1,17	1,46	0,80	4181317
Астраханская область	1010073	1,27	1,47	0,86	868662
Ростовская область	4277976	1,14	1,47	0,78	3336821
Волгоградская область	2610061	1,16	1,46	0,79	2061948
Республика Дагестан	2910249	1,82	1,40	1,30	3783323
Чеченская Республика	1268989	2,08	1,28	1,63	2068452

* Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 года

городов, повышая их привлекательность для бизнес-структур, в том числе и зарубежных. С учетом подобной перспективы сфера приоритетных геоэкономических интересов Турции, как видится, будет все в возрастающей мере расширяться на юго-восток макрорегиона, а хозяйственные резоны дополнят (и подкрепят) практику гуманитарных контактов с близкими по культуре этносами (в том числе и тюркоязычными).

Если ориентироваться на данные последних переписей населения (общероссийской в 2010 г. и проведенной в конце 2014 г. на

Крымском полуострове), то на Юге России к настоящему времени проживает не менее 2 млн представителей тюркоязычных этносов (большей частью сконцентрированных в Дагестане, Крыму, Астраханской области, а также Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках). Перепись 2010 года зафиксировала наличие в южно-российском макрорегионе и более 82 тыс. собственно этнических турок (78 % всего турецкого населения на территории РФ); почти половина их численности (около 37 тыс.) локализована в Ростовской области, преимущественно в ее сельской местности[1], формируя достаточно компактный ареал проживания (табл. 18).

Таблица 18

Территории приоритетной локализации турецкого населения в Ростовской области*

	2002 г.		2010 г.		Динамика за 2002–2010 гг., раз	Удельный вес турок в общей численности населения, 2010 г., %
	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в области	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в области		
Багаевский район	2538	9,2	3270	9,0	1,29	9,4
Волгодонской район	2583	9,4	3638	10,1	1. 41	10,8
Мартыновский район	6803	24,6	7672	21,2	1,13	21,0
Сальский район	4921	17,8	6558	18,1	1,33	6,1
Семикаракорский район	2167	7,9	2988	8,3	1,38	5,7

* Составлено по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

[1] *Дружинин А. Г.* Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 78–85.

Всякий раз, совершая авиарейсы по маршруту «Ростов-на-Дону – Стамбул» (выполняемые авиакомпанией «Турецкие авиалинии»), невольно обращаю внимание на неизменно присутствующую группу туркоязычных пассажиров, практически без акцента общающихся и на русском языке. Это турки-месхетинцы, волею обстоятельств оказавшиеся нашими земляками и теперь своей повседневной активностью воссоздающие еще одну необходимую «связующую нить» между Югом России и Турцией. Некоторые из них получают образование не только у нас, но и в вузах Турецкой Республики (кстати, выступая с лекциями в Эгейском университете Измира, я неоднократно общался с обучающимися там турками-месхетинцами), сохраняя, при этом, желание вернуться в нашу страну.

«Приближая» Юг России к Турции, «тюркский фактор», безусловно, является и значимым «скрепом», и, одновременно, «вызовом» для российско-турецких отношений. Единство тюркоязычных народов (идея эта активно культивируется в Турции, имманентна турецкой ментальности, а разностороннее взаимодействие с т. н. «внешними турками» является частью современной политики турецкого государства), при этом, полагаю, столь же важно не преумалять, сколь и не преувеличивать, поскольку в пределах Российской Федерации проживают, к примеру, не «карачаевские турки», а именно карачаевцы, не «якутские турки», а якуты и т. д. Все тюркские этносы России (совокупная численность их представителей в последние годы устойчиво растет) – сложившиеся, самодостаточные и, при этом, имплантированные в российский политико-экономический и культурный контекст. Поддерживая развитие тюркских этносов, обеспечивая их гуманитарное взаимодействие на «российской платформе» в рамках и в интересах Российской Федерации (как государства, в том числе и тюркоязычных народов) и, одновременно, выстраивая каналы контактов с иными составляющими «Тюркского мира» (включая и Турцию) – мы не только сохраним целостность нашей страны, но и обеспечим ее ключевую роль в евразийском пространстве.

Что касается перспектив российско-турецкого взаимодействия (и его неизбежной проекции на социально-экономическую

динамику Юга России и складывающийся «вокруг» геополитический контекст), то они, безусловно, поливариантны; их доминантный вектор будет предопределяться не только темпами и эффектами социально-экономического развития каждой из двух стран, устойчивостью их территориально-политических и этнокультурных систем, степенью евразийской самоидентификации, но и интенсивностью (и мерой успешности) «давления» (как на Турцию, так и на Россию) со стороны мировых «центров силы», а также воздействием на геоэкономику углубляющихся геополитических «разломов».

Сценарии ***геостратегического сближения России и Турции*** могут быть имплементированы как на евразийской, так и на «европейской» платформе (второй случай видится менее вероятным); применительно к Югу России реализация подобных сценариев инициирует поступательную динамику системы локализованных в макрорегионе транспортно-логистических центров, создаст дополнительную мотивацию для развития экспортоориентированных отраслей АПК (зерно, масличные культуры), будет содействовать формированию (в первую очередь в приморской зоне) трансграничных производственно-технологических кластеров.

В сложившемся геоэкономическом и геополитическом контексте обретают определенную степень вероятности и ***конфронтационные сценарии***, сопряженные, в первую очередь, с возможной эскалацией «блокового» поведения, с глубокой «неовестернизацией» Турции (иная, не менее вероятная альтернатива – ее дальнейшая «исламизация»). В ситуации радикального ухудшения российско-турецких отношений Юг России, в лучшем случае, станет «форпостом», обретет «барьерность» и дополнительные хозяйственные (во всем, что связано с деятельностью морских портов и логистикой) риски; в худшем – окажется еще одной ареной перманентной «гибридной войны» на рубежах «Русского мира».

Наконец, в перспективе, в российско-турецких отношениях может превалировать и ***инерционный тренд*** с ситуативно-мотивированным варьированием как к нарастающей конфронтации, так и к расширяющемуся двухстороннему сотрудничеству.

Благоприятствовать сближению, при этом, будет укрепление геостратегического положения как Турции, так и России, преодоление кризисных процессов внутри и «вокруг» двух стран. И напротив, существенное ослабление позиций любого из государств – усилит вероятность «конфронтационных» сценариев.

Какой окажется перспектива – понять сейчас сложно, практически невозможно. Уверен лишь в одном – при любом вероятностном сценарии эволюции взаимоотношений между Турецкой Республикой и Российской Федерацией важно сберечь, поддерживать и укреплять связующие нити между нашими народами.

3.4. «Турция – геополитический соперник или союзник России?»: мнения ростовских студентов

Введение. С начала 2000-х гг. Турецкая Республика превратилась в одного из наиболее значимых внешнеторговых партнеров России. Стабильно прирастал поток россиян на турецкие морские курорты. Однако, одновременно, усиливалось «взаимопересечение» геополитических и геоэкономических интересов двух держав в Средней Азии, Казахстане, Закавказье, государствах Ближнего Востока. Росту «напряжения» в российско-турецких отношениях в особой мере способствовал конфликт в Сирии, все более активное включение в него как Турции, так и России, а также возвращение Крыма в состав Российской Федерации. С 24 ноября 2015 г. (после уничтожения турецким истребителем российского Су-24) межгосударственные отношения оказались в состоянии глубокого кризиса; «турецкая тематика», при этом, устойчиво обрела приоритетные позиции в повестке российских СМИ, инициируя рост интереса к Турции, формируя и видоизменяя представления об этой стране у граждан России. В конце июня 2016 года (после письма Реджепа Тайипа Эрдогана и позитивной реакции на него со стороны Владимира Владимировича Путина) обозначилась надежда на восстановление достигнутого ранее уровня российско-турецкого взаимодействия. Перспектива, тем не менее, продолжает оставаться поливариантной, зависимой не только от общепланетарной динамики, либо изменчивой внутриполитической конъюнктуры, но и от традиционного, глубоко укорененного в общественном сознании народов двух стран взаимного восприятия, от устоявшегося (хотя и меняющегося) образа страны-партнера, оценок ее позиций и перспектив в евразийской геоэко-

номике и геополитике. Особо интересны (и значимы), в этой связи, представления студенчества – образованной и активной части молодежи, с одной стороны четко улавливающей (и отражающей) сложившиеся доминанты национального общественного сознания, а с другой – предопределяющей последующий тренд, способной (уже через десять – пятнадцать лет) полномасштабно формировать векторы, тональность и повестку российско-турецких отношений. В этой связи по договоренности с нашим турецким коллегой, профессором, доктором Танжю Тосуном (заведующим кафедрой международных отношений, Эгейский университет, г. Измир) мы провели одновременный опрос турецких и российских студентов по единой согласованной методике. Ниже представлены итоги «российской составляющей» исследования, проведенного Северо-Кавказским НИИ экономических и социальных проблем в рамках гранта РГНФ (проект 15-07-00016) на базе Южного федерального университета.

Цель и методика опроса. Цель проведенного исследования состояла в выявлении отношения респондентов к сопредельной стране (россиян к Турции и турецких студентов, соответственно, к России) при ответах на широкий спектр содержащихся в анкете вопросов (и в «российской», и в «турецкой» версиях анкет вопросы едины; в первом случае они обращены на Турцию, во втором – на Россию; в Приложении представлен вариант анкеты, использованной при опросе россиян).

В «российской» части опроса приняли участие 304 студента Южного федерального университета (ЮФУ), одного из ведущих заведений высшего профессионального образования на Юге России (и, при этом, в целом типичного для нашей страны с точки зрения как структуры студенчества, так и спектра направлений подготовки) с базированием основных структурных подразделений в городах Ростове-на-Дону и Таганроге; из общего числа респондентов 47 % – мужчины; 26 % являлись выпускниками сельских школ, 35 % – выходцы из малых и средних городов. По иным значимым позициям (направление профессиональной подготовки и продолжительность обучения в университете) выборка также полностью репрезентировала контингент студентов ЮФУ.

Отметим также, что 14 % опрошенных – представители этносов, традиционно исповедующих Ислам, а 9 % – тюркоязычных этносов (основной массив данной составляющей выборки – студенты Филиала ЮФУ в с. Учкекен Карачаево-Черкесской республики, по национальности – преимущественно карачаевцы). Эти пропорции абсолютно соответствуют конфессиональной и этнолингвистической структуре населения России.

Основные итоги опроса. Как свидетельствует проведенное исследование, представления о Турции у студентов ЮФУ весьма вариативны, «мозаичны», противоречивы, «размыты» и формируются под влиянием разнородных источников информации.

Источники сведений о Турции. Лишь 22 % участников опроса хотя бы раз лично посещали территорию Турецкой Республики. Любопытно, при этом, что наиболее существенная доля побывавших в Турции – не только из когорты высокообеспеченых студентов (страну посетил 31 % из числа опрошенных, заявивших о полном отсутствии материальных проблем в своих семьях), но посетили Турцию и те, у кого, напротив, «не хватает денег даже на питание» (33,3 % от числа тех, кто охарактеризовал свой уровень материального благосостояния именно так – тоже посещали Турцию) (рис. 11).

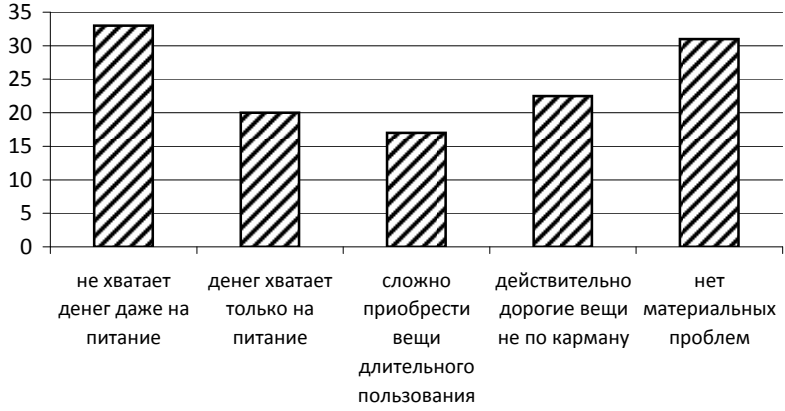

Рис. 11. Доля посетивших Турцию в различных социальных когортах студентов, %

Турция для ростовчан, в итоге, выступает не только одной из туристических дестиниций (а ее посещение – составляет элемент престижного потребления), но источником заработка (на турецких курортах) для части студенческой молодежи, представляющей социально обездоленные слои российского общества.

Характерно, что удельный вес студентов, приобретших собственные представления о ситуации в Турции – наиболее высок среди выходцев их крупных городов (31 %), в то время как для выпускников средних школ малых и средних городов аналогичный показатель составляет 19,8 %, а недавних жителей села – лишь 14,7 %. Отметим также, что среди представителей тюркоязычных этносов доля посетивших Турцию достигает 23,1 %, что практически соответствует показателям по всей выборке.

Образ сопредельной страны складывается преимущественно благодаря СМИ, Интернету, суждениям родных и знакомых. Именно это и выявил опрос: в качестве источника информации о Турции 71 % респондентов указал на российские и 36 % – на зарубежные СМИ, а 22 % – на книги и статьи. Чуть более 12 % респондентов формировали мнение о Турецкой Республике в процессе общения с ее гражданами, проживающими в России; студенты, представляющие тюркоязычные этносы (а это, главным образом, карачаевская молодежь, обучающаяся в Учкекене), кстати, декларировали полное отсутствие опыта подобного общения. Весьма интересно и то, что наиболее высокий процент положительных ответов о контакте с гражданами Турции (как источнике сведений об этой стране) зафиксирован у студентов с минимальным материальным достатком (у тех, кому «не хватает денег даже на питание» он составляет 23,5 % и 25 % – в когорте респондентов, кому «денег хватает только на питание», в то время как у наиболее материально обеспеченных – лишь 5,2 %). В группах молодежи с низкими доходами возрастает и влияние зарубежных СМИ, обретающими, в итоге, приоритет по сравнению со СМИ российскими (табл. 19).

Судя по данным опроса, именно представители наиболее уязвленных в социально-экономическом отношении слоев ростовского студенчества предельно активны в обретении информации о

Таблица 19

Источники информации о Турции у студентов с различным уровнем материального благосостояния, %

	Медийные источники в России	Зарубежные медийные источники	Проживающие в России граждане Турции	Посольство Турции в Москве	Медийные источники российских граждан в Турции
Студенты, кому «не хватает денег даже на питание»	17,6	35,3	23,5	11,8	11,8
Студенты, кому «денег хватает только на питание»	16,7	41,7	25,0	8,3	0,0
Студенты, кому «сложно приобрести вещи длительного пользования»	45,0	30,0	3,3	3,3	6,7
Студенты, кому «действительно дорогие вещи не по карману»	47,6	20,7	7,5	0,0	4,8
Студенты, для которых «нет материальных проблем»	51,7	22,4	5,2	5,2	3,4

Турции по всему спектру возможных источников; они же, в итоге, в максимальной мере (в сопоставлении с представителями молодежи из средне- и высокообеспеченных семей) «открыты» влиянию внешних представлений и образов.

«Турция – соперник или союзник России?». Социально-территориальная дифференциация респондентов оказывается существенной и при формировании геополитического видения современной Турции. Ключевой вопрос здесь заключается в отнесении этой страны к числу союзников, либо напротив, соперников Российской Федерации. Если в целом по выборке соотношение тех, кто рассматривает Турцию как «соперника» к респондентам, на-

зывающим ее «союзником» соотносится как 1,7 к 1,0 (аналогичная пропорция и в группе студентов, ранее посещавших данную страну), то среди высокообеспеченных студентов – 4,9 к 1,0. В когорте же тех, кому «денег хватает только на питание» соотношение это диаметрально противоположно, т. е. 1,0 к 3,0. Воспринимающих Турцию как нашего союзника больше среди выходцев из сельской местности (практически 1,0 к 1,0); среди получивших среднее образование в малых и средних городах, напротив, доминирует представление о Турецкой Республике как геополитическом сопернике России (2,55 к 1,0); примерно аналогичен и разброс мнений среди студентов – жителей крупных городов (2,0 к 1,0). Примечательно также, что примерно половина опрошенных (48,3 %) полагает наличие у Турции некого плана по дестабилизации ситуации в Российской Федерации (полярная точка зрения – у 51,4 % респондентов). Наибольшее недоверие, при этом, политика Турции вызывает у средне- и вышесреднего материально обеспеченных студентов. Доля лиц, убежденных, что Турецкая Республика стремится дестабилизировать обстановку в РФ снижается при «продвижении» от сельской местности к крупным городам (рис. 12)

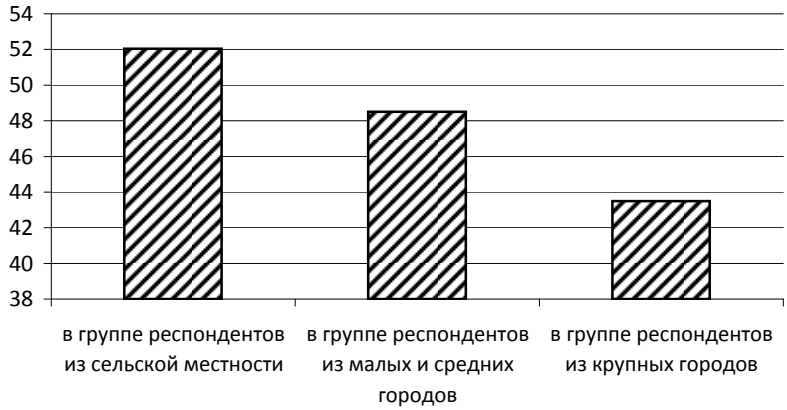

Рис. 12. Удельный вес лиц, полагающих, что у Турецкой Республики «имеется скрытый план по дестабилизации обстановки в регионах Российской Федерации» (%)

Существенно, что ответы представителей тюркоязычных этносов в данном случае практически не отличаются от остальной выборки, т. е. на приоритетный план выходят социально-территориальные, а не «этнические и этнолингвистические» факторы.

Аналогична ситуация и с идентификацией Турции с тем или иным культурно-географическим (цивилизационным) типом. *«Турция – европейская, азиатская или евразийская страна?».* Ответы на этот вопрос распределяются практически в равной пропорции с незначительным преобладанием восприятия Турецкой Республики как «евразийской» страны (рис. 13).

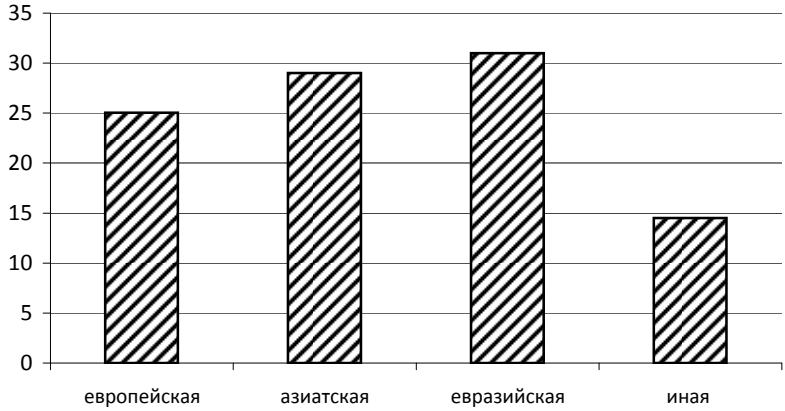

Рис. 13. Полагают, что Турция – страна:
европейская, азиатская, евразийская, иная (%)

Характерно, что среди представителей тюркоязычных этносов доля воспринимающих Турцию в качестве «азиатской» страны минимальная – всего 7 %; для большей же части соответствующего контингента студентов (51 %) Турецкая Республика – «европейская страна».

При обозначении отношения к отдельным сторонам жизни турецкого общества проявляются доминирующие оценки Турции как страны многонациональной, не вполне «светской», не отличающейся «развитой демократией». Для студентов, представляющих тюркоязычные этносы, характерно, кстати, более выраженное

восприятие Турецкой Республики как «важного в политическом и экономическом отношении государства» и «части Европы». В то же время и для данной когорты респондентов, и для всех участников опроса в целом, Турция в подавляющей части не воспринимается как «страна глобальная», которая «должна проводить активную политику по всему миру» (кстати, мнение наших респондентов вполне отражает сложившуюся в российском обществе ментальную реальность). В представлениях студентов Турция позиционирована: «вне глобального геоэкономического и геополитического центра»; это в целом «не Европа»; для страны характерен «комплекс разноплановых проблем»; ее образ неоднозначен и не вполне привлекателен. Разумеется, свой вклад в подобный настрой внесли СМИ и весь сложившийся после ноября 2015 года негативный контекст в российско-турецких отношениях. Однако, как видится, существует и более глубокая, опирающаяся на историко-культурные и общественно-географические основания причинность. Характерно, что по мнению половины опрошенных, «если бы у власти в Турции находилась не партия Эрдогана, а иная политическая сила» – взаимоотношения между РФ и Турцией отличались бы от нынешних; 82 % высказавших именно подобную позицию, полагают также, что при ином внутриполитическом раскладе в Турецкой Республике двухсторонние отношения могли бы улучшиться. При этом, почти 40 % респондентов в качестве причины ухудшения российско-турецких отношений называют не только внешнюю политику Турции, но и самой России (рис. 14).

Важная составляющая проведенного опроса – мнения респондентов о *связи Турции с Северным Причерноморьем и Кавказом.* То, что подобная связь имеет место, существенна и, соответственно, Турецкая Республика должна проводить в данных регионах более активную политику – полагает лишь меньшая часть опрошенных (табл. 20).

Симптоматично, что в ответах представителей тюркоязычных этносов представления об исторической связи Турции с Северным Причерноморьем и Кавказом просматриваются более рельефно. Отметим также, что если в целом по выборке соотношение тех,

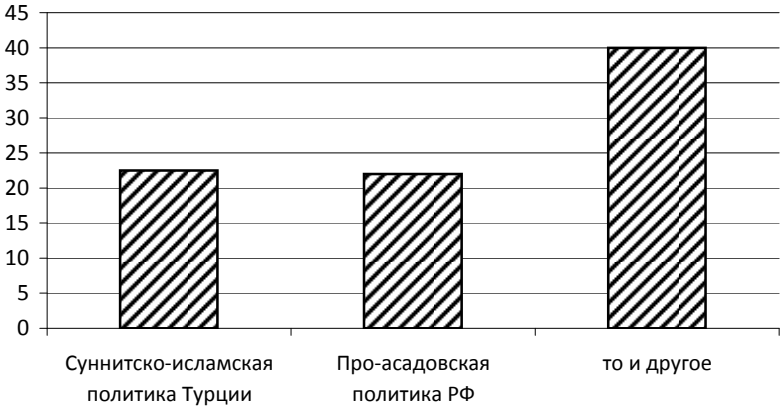

Рис. 14. Распределение ответов респондентов на вопрос о причине возникших в последнее время разногласий между РФ и Турцией (%)

Таблица 20

Распределение мнений респондентов в отношении следующего тезиса: «Турция – исторически и политически связана с Северным Причерноморьем и Кавказом и, в связи с этим, должна проводить там активную политику», %

Оценки	Вся выборка	Представители тюркоязычных этносов
Абсолютно не поддерживаю	22,5	6,7
Не поддерживаю	27,1	26,7
Нет мнения	29,2	26,7
Поддерживаю	17,3	26,7
Полностью поддерживаю	3,9	13,3

кто оценивает внешнеторговое сотрудничество России и Турции как «важное» и «очень важное» и тех, для кого оно «не очень важно» и «абсолютно не важно» – составляет 2 / 1, то для студентов, представляющих тюркоязычные этносы – 2,5 / 1.

Перспективы Турции в ближайшие 10 лет. В ответах на этот вопрос также проявился достаточно существенный разброс мнений (табл. 21).

Таблица 21

Перспективы Турции в ближайшие 10 лет по мнению респондентов (удельный вес в ответах, %)

Через 10 лет Турция видится как:		
Экономика	страна с развивающейся экономикой – 42	страна с проблемами в экономике – 58
Политическая система	будет более демократической страной – 45	будет менее демократической страной – 55
Территориальная целостность	сохранит свою территориальную целостность – 65	распадется на несколько самостоятельных государств – 35

Доминантный их вектор: Турция скорее всего сохранится как целостный геополитический субъект, однако ее позитивная политическая и экономическая перспектива не столь очевидна, что, в свою очередь, можно оценивать и как итог конъюнктурного «фонового» воздействия СМИ, и исторически сложившегося, укорененного в российском общественном сознании образа Турции как не очень «продвинутой» (и, соответственно, привлекательной) страны. Почти две трети респондентов (63,8 %), кстати, негативно оценивают перспективу вступления Турции в состав Европейского союза (акцентирую, что опрос проведен за три недели до Brexit, т. е. голосования о выходе Великобритании из состава ЕС, существенно потрясшего как саму эту структуру, так и в целом мировое общественное мнение).

Заключение. Образ Турции в глазах ростовского студенчества – противоречив и иллюстрирует несколько принципиальных для настоящего и будущего российско-турецких отношений моментов.

Во-первых, это, безусловно, образ страны – соседа, внешнеэкономического и внешнеполитического партнера, с которым целесообразно (и необходимо) развивать двухсторонние (в первую очередь хозяйственные) отношения. Тем не менее (таковы итоги опроса), сосед этот – не очень близок, недостаточно понятен, знаком и, к тому же, дистанцирован дано возникшим (и сохраняющимся) не только геополитическим, но и ментальным «забором».

Во-вторых, в имеющемся спектре взглядов на Турцию заметно превалируют представления «преуменьшающие» фактический потенциал, геополитическое и геоэкономическое значение этой страны; на первый план в оценках выходит негатив и это, как видится, не только результат политико-информационной конъюнктуры, но и глубоко укорененной (зачастую подсознательной) «европо-» и, в целом, «западоцентричности» сознания значительной части россиян (феномен этот в равной мере характерен, кстати, и для граждан Турции), в котором «неевропейской» стране-соседу заведомо отводится второстепенное, неосновное, заведомо не вполне привлекательное место.

В третьих, выявленный «разброс» мнений и суждений (в том числе отдельных социальных, поселенческих и этнических страт российского общества) сам по себе предопределяет неустойчивость двухсторонних отношений, продуцирует риски все новых и новых геополитических кризисов и «разворотов»; он же, впрочем, порождает и «коридор возможностей» для столь необходимого позитивного, поступательного, взаимодействия двух стран, их взаимовыгодного соразвития в меняющей свою геостратегическую конфигурацию многополюсной Евразии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Южный федеральный университет
Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем

Уважаемый Респондент!

Приглашаем Вас стать участником опроса, проводимого в рамках реализации проекта Российского гуманитарного научного фонда «**Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте**».

Цель опроса, проводимого среди студентов вузов России – изучение восприятия Турецкой Республики высокообразованными стратами молодежи различных регионов Российской Федерации.

1. Посещали ли Вы Турецкую Республику?

1. ( ) Нет
2. ( ) Да

2. Когда вы слышите слово «Турция», какие из ниже перечисленных понятий приходит Вам на ум? (можно одновременно выбрать несколько ответов)

1. ( ) Европейская страна
2. ( ) Азиатская страна
3. ( ) Евразийское государство
4. ( ) Геополитический союзник России
5. ( ) Геополитический соперник России
6. ( ) Страна, имеющая проблемы с соседями
7. ( ) Страна, где нарушение прав человека – очень распространенное явление
8. ( ) Страна, где имеются экономические проблемы
9. ( ) В Турции различные этнические группы симпатизируют друг к другу
10. ( ) В Турции различные этнические группы испытывают антипатии друг к другу

3. К какому культурному типу наиболее близка Турция?

1. ( ) Европейский
2. ( ) Азиатский
3. ( ) Евразийский
4. ( ) Другой: ……..

4. Пожалуйста, дайте оценку следующим положениям.

(1 = Абсолютно не поддерживаю, 2 = Не поддерживаю, 3 = Нет мнения, 4 = Поддерживаю, 5 = Полностью поддерживаю)

	1	2	3	4	5
Турция – многонациональная страна					
Турция – важное в политическом и экономическом отношении государство					
Турция – светское государство					
Турция – страна с развитой демократией					
Турция – часть Европы					
Турция – многоконфессиональное государство					

5. Пожалуйста, оцените ситуацию в Турции по следующим аспектам:

(1= Очень плохо, 2 = Плохо, 3 = Нет оценки, 4 = Хорошо, 5 = Очень хорошо)

	1	2	3	4	5
Жизненные стандарты					
Распределение доходов					
Уважение к различным этнически группам и религиям					
Свобода слова и мысли					
Свобода печати					
Состояние прав человека и их охрана					
Гендерное равенство (мужчина/женщина)					

6. Этот блок вопросов связан с геополитическим видением Турции. Просим Вас определить свое отношения к следующим характеристикам этой страны:

(1 = Абсолютно не поддерживаю, 2 = Не поддерживаю, 3 = Нет мнения, 4 = Поддерживаю, 5 = Полностью поддерживаю)

	1	2	3	4	5
Турция – европейское государство, в связи с этом, незамедлительно должна быть принята в ЕС					
Турция – азиатское государство и, поэтому, должна играть более активную роль в делах азиатских государств					
Турция – страна новой демократии и, поэтому, должна быть моделью для стран Среднего Востока и Северной Африки; в связи с этим Турция должна уделять внимание этим регионам					
Турция – страна глобальная и, в связи с этим, должна проводить активную политику по всему миру					
Турция – исторически и политически связана с Северным Причерноморьем и Кавказом и, в связи с этим, должна проводить там активную политику					
Турция – исторически и политически связана с Центрально Азией и, в связи с этим, должна проводить там активную политику					

7. Как по Вашему, сможет ли Турция в ближайшие 5–10 лет стать членом ЕС?

1. ( ) Да (Пожалуйста, продолжайте ответ с восьмого вопроса)
2. ( ) Нет (Пожалуйста, продолжайте ответ на седьмой вопрос)

7а) **Если на седьмой вопрос ответили отрицательно, то просим пояснить, что, на Ваш взгляд, является главным препятствием дл вступления Турции в ЕС?**

3. ( ) Религия
4. ( ) Политика
5. ( ) Экономика
6. ( ) География
7. ( ) Население
8. ( ) Другое……

8. Если Турция станет членом ЕС, как это отразится на российско-турецких отношениях (и почему)?

1. ( ) Положительно, потому, что……
   ……
   ……
2. ( ) Отрицательно, потому, что……
   ……
   ……
3. ( ) Не отразится, потому, что……
   ……
   ……

9. Как, по Вашему, нынешняя турецкая элита положительно или отрицательно влияет на турецко-российские отношения?

1. ( ) Положительно
2. ( ) Отрицательно
3. ( ) Нет влияния

10. Одобряете ли Вы политику Турции в отношении стран Среднего Востока? (причина)

1. ( ) Да, потому, что ……
   ……
   ……

2. ( ) Нет, потому, что ……
……
……

11. Как политика Турции на Среднем Востоке может отразиться на отношениях между РФ и Турцией (причина)?

1. ( ) Положительно, потому, что ……
……
……
2. ( ) Отрицательно, потому, что……
……
……
3. ( ) Отражаться не будет, потому, что ……
……
……

12. Ваше мнение о политике Турции в отношении Кипра и российско-греческих взаимоотношений?

1. ( ) конструктивная
2. ( ) реальная
3. ( ) отрицательная
4. ( ) не конструктивная

13. Как по Вашему, есть ли у Турции скрытый план по дестабилизации обстановки в регионах Российской Федерации?

1. ( ) Да
2. ( ) Нет

14. Как по Вашему, в Турции уровень демократии достаточный?

1. ( ) Да, достаточный
2. ( ) Нет, не достаточный

15. В чем причина возникших в последнее время разногласий между РФ и Турцией?

1. ( ) Суннитско-исламская политика Турции?
2. ( ) Про-асадовская политика РФ?
3. ( ) 1и 2
4. ( ) Другое: ……
……

16. Каким Вам видится будущее Турции в ближайшие 10 лет?

16.а. ( ) Страна с развивающейся экономикой
( ) Страна с проблемами в экономике

16.б. ( ) Будет более демократической страной
( ) Будет менее демократической страной

16.в. ( ) Будет все более исламской страной
( ) Будет более светской страной

16.г. ( ) Сохранит свою территориальную целостность
( ) Распадется на несколько самостоятельных государств

17. Какие, по Вашему мнению, темы являются наиболее важными во взаимоотношениях РФ и Турции? (выбор по уровню значимости)

(1= очень важно, 2 = важно, 3 = средней важности, 4 = не достаточно важности)

	1. выбор	2. выбор	3. выбор	4. выбор
Военное сотрудничество				
Экономическое сотрудничество				
Политическое сотрудничество				
Культурное сотрудничество				

18. Как по Вашему, насколько важно для России развитие торговли с Турцией?

1. ( ) абсолютно не важно
2. ( ) не очень важно
3. ( ) без разницы
4. ( ) важно
5. ( ) очень важно

19. Как по Вашему мнению, если бы у власти в Турции находились не партия Эрдогана, а иная политическая сила – взаимоотношения между РФ и Турции отличались бы от нынешних? Если отличались бы, то в каком направлении?

1. ( ) Да (пожалуйста, продолжайте ответ в пункте 19.а)
2. ( ) Нет

19а) Если Вы на 19 вопрос ответили «Да», то укажите как отношения изменятся:

1. ( ) Будут более интенсивными и позитивными

2. ( ) Отношения ухудшатся

20. Проживающие в России граждане Турции как влияют на имидж Турции в РФ?

1. ( ) Положительно
2. ( ) Отрицательно
3. ( ) Не влияют
4. ( ) Не знаю, поскольку лично с гражданами не общался

21. Из каких источников Вы получаете информацию о Турции? (можете отметить несколько пунктов)

1. ( ) Медийные источники в России (печать, ТВ, радио, интернет и др.)
2. ( ) Международные медийные источники (печать, ТВ, радио, интернет и др.)
3. ( ) От проживающих в России граждан Турции
4. ( ) Посольство Турции в Москве
5. ( ) Книги и статьи в журналах
6. ( ) Общественные организации и научные центры в России
7. ( ) Из медийных источников российских граждан в Турции (как русских, так и представителей других национальностей).

Теперь сообщите, пожалуйста, краткую информацию о себе.

22. По какому направлению Вы получаете высшее образование:

1. ( ) инженерное, естественнонаучное и физико-математическое
2. ( ) экономическое, юридическое, гуманитарное, педагогическое

23. Где Вы закончили среднюю школу:

1. ( ) в сельской местности
2. ( ) в малом и среднем городе (до 100 тыс. жителей)
3. ( ) в крупном городе, региональном центре

24. Как вы оцениваете Ваше материальное положение, а также положение Вашей семьи (с учетом сбережений)? (отметьте, пожалуйста, один ответ)

1. ( ) Мы не можем свести концы с концами. Нам не хватает денег даже на питание
2. ( ) Денег нам хватает только на питание, да и то по минимуму; для нас покупка одежды – большая проблема
3. ( ) На питание нам хватает. Одежду покупаем, но самую дешевую. Покупка вещей длительного пользования, таких как телевизор или холодильник, для нас проблема
4. ( ) Мы хорошо питаемся. На одежду денег хватает, в том числе и на дорогую. Если сэкономим, то можем купить что-то из вещей длительного пользования. Но вот действительно дорогие вещи – машина, хороший дом – нам не по карману
5. ( ) У нас нет материальных проблем. Если захотим, можем приобрести все, что угодно – недвижимость, дорогой автомобиль, дорогой туристический тур
6. ( ) Трудно сказать

25. Ваш пол

1. ( ) мужчина
2. ( ) женщина

26. Сколько лет Вы уже обучаетесь в ЮФУ

1. ( ) не более 2 лет
2. ( ) от 2 до 4 лет
3. ( ) более 4 лет

Ни при каких условиях Ваша фамилия не будет разглашена. Мы гарантируем конфиденциальность Ваших ответов. Заранее благодарим Вас за помощь и внимание!

ЕВРАЗИЙСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ РОССИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Последние десятилетия ознаменованы масштабными изменениями на всем евразийском пространстве, которое обретает все более усложненную (многополюсную) структуру и «размытую» конфигурацию; динамика его компонент (стран и регионов), демонстрируя возрастающую сопряженность, одновременно, оказывается все менее предсказуемой, зависимой от технико-технологических, экономико-институциональных, геополитических, социокультурных и этнодемографических факторов, вызовов, инноваций. На этом фоне (в хитросплетении интеграционно-дезинтеграционных векторов) деградируют былые и формируются новые «центры силы» и геостратегические альянсы, а сам геоконцепт «Евразии» с одной стороны являет все возрастающую популярность, с другой – содержательно видоизменяется, эволюционируя от былого принципата России к полицентричности, многовекторности и многообразию трансграничных контактно-барьерных эффектов, от характерного ранее акцента на этнокультурном своеобразии очерчиваемых им территорий («ни Европа, ни Азия») – к высвечиванию ареала интенсивных трансграничных, трансконтинентальных геокультурных, геоэкономических, геополитических трансформаций и взаимодействий.

Сложившийся с зимы-весны 2014 года геополитический и геоэкономический контекст сопряжен с очередным «переформатированием» евразийского пространства, изменением позиционирования в нем России, ее регионов. Благодаря своему масштабу, пространственной, хозяйственной и иной специфике, Российская Федерация, при этом, выступает не только одним из субъектов, но и, фактически, важнейшим субареалом охвативших Евразию геополитических, геоэкономических и геокультурных трансформаций; перспективы России, ее аттракторы и доминантные векторы становятся,

в данном контексте, поливариантными; множатся гипотетические **альтернативы** евразийского позиционирования нашей страны.

Первая группа альтернатив, как видится, связана с **превалирующим вектором** (векторами) геокультурной, геополитической и геоэкономической ориентации Российской Федерации. Традиционно сложившаяся (начиная с XVIII столетия), в значительной мере имплантированная и в национальный «культурный код», и в архитектуру территориальной организации России ее «евроориентированность» (а с конца прошлого столетия – и «западоцентрированность») ныне все в большей мере вступает в диссонанс с возрастающим (на фоне корреспондирующей с проявлениями стагнации Запада – активизации его евразийской экспансии и, соответственно, жесткой, последовательной, уже практически не ретушируемой русофобской позиции) глобальным влиянием Китая, социально-экономическим «подъемом» других государств юга и востока Евразийского материка, с демографо-миграционным и культурно-ментальным «давлением» этнических общностей Исламского мира.

Исключительная (в постсоветские десятилетия – гипертрофированная) ориентация нашей страны «на Запад» все зримее контрастирует и с евразийской сущностью России (основывающейся на глубинных историко-культурных и общественно-географических фундаментах), и с логикой вновь возрождающегося биполюсного мира; кроме того, что еще важнее, она ведет к последовательной эрозии все еще сохраняющего каркаса столетиями воспроизводившейся территориальной целостности «Московское государство – Российская Империя – СССР», к дальнейшему нарастанию у страны «периферийного» самосознания, функционала и черт. Альтернатив «западоцентрированности» России (демонстрирующей устойчивую инерцию даже в условиях набирающей обороты «гибридной войны», экономических санкций и «контрсанкций», конфликта на Украине, дальнейшего стягивания инфраструктуры НАТО к российским рубежам) в этой ситуации как минимум – две:

1) полномасштабный «разворот» страны к Китаю (что уже декларируется, но пока недостаточно подкреплено реальными геополитическими и геоэкономическими «скрепами»);

2) «евразийская балансировка» Российской Федерации на основе выстраивания многовекторных внешнеторговых и внешнеполитических связей.

Заметим, что обе указанные альтернативы до определенного достаточно вероятностного геополитического, геоэкономического и геокультурного «рубежа» (когда «фактор Поднебесной» окажется и для нашей страны, и в целом для Евразии, сопоставим с современной ролью США и ЕС) являют собой, фактически, единый тренд, поскольку связаны с глубинным (частичным либо радикальным) «цивилизационным разводом» России с Западом; масштаб и темпы данного процесса (вне сомнения, он займет не одно десятилетие) будут предопределяться не только хозяйственной и военно-технологической динамикой Китая, общим социально-экономическим развитием этой страны, ее позитивным имиджем, остротой противоречий между КНР и США, но и реальной (и демонстрируемой) угрозой интересам безопасности Российской Федерации со стороны структур НАТО, дальнейшей экспансией евроатлантических государств и их группировок в пределах евразийского пространства.

Углубляющееся сотрудничество с Китаем, восстановление с ним союзнических отношений (как это имело место в 1950-е годы) – для современной Российской Федерации практически безальтернативно и полностью соответствует нашим геостратегическим интересам. Тем не менее, партнерство с КНР вряд ли следует рассматривать как самоцель; скорее, это способ адаптации России к изменившейся архитектонике Евразии, важнейшая составляющая выстраивания нашей страной системы геополитических и геоэкономических альянсов, то есть, фактически, реального перехода к многовекторной модели евразийского позиционирования. Фокусируя внимание именно на «многовекторности» как *целевой альтернативе*, предпочтительной для нашей страны (столь обширной и разной) и ее долгосрочных интересов, важно, при этом, учитывать ряд значимых обстоятельств.

Во-первых, «многовекторность» (как ориентир и характеристика) сама по себе лишена какой-либо заведомо позитивной (либо негативной) тональности; она воплощает не только широ-

кую палитру взаимосвязей и взаимозависимостей в современном мире, но выступает иллюстрацией геостратегической неопределенности, поливариантности последующего развития событий. Целесообразность акцента на многовекторную стратегию всегда ситуативна, предопределяясь в частности для России не только ее «многососедством», этнокультурной «мозаичностью», но и стремлением обрести дополнительные экономические ресурсы, выстроить систему геополитических сдержек и противовесов.

Во-вторых, переход к «многовекторности» (на что ориентируют, в частности, такие основополагающие документы как «Концепция внешней политики РФ» и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации») практически невозможно осуществить внезапно, вдруг, простым властным решением или общим волеизъявлением населения; это – длительный, сложный общественно-географический процесс со своими, в том числе региональными и локальными факторами, особенностями и следствиями, которые необходимо учитывать, профессионально изучать. Что касается непосредственно Российской Федерации, подобный переход для нее заведомо не может быть ни равноскоростным, ни повсеместным, поскольку иные составляющие страны «многовекорны» изначально (например, некоторые приморские территории с развитыми портово-логистическими комплексами), а другие, напротив, своей историей, местоположением, этнокультурной спецификой, транспортной инфраструктурой, хозяйственными взаимосвязями в существенной мере «привязаны» к тому или иному сопредельному «центру силы». В этой связи, апеллируя к «многовекторности» как комплиментарному евразийским реалиям приоритету геостратегии России, важно осознавать не только позитив идеи, но и ее возможный дезинтеграционный потенциал, поскольку «многовекторность» в масштабе страны и, даже, ее крупных макрорегионов, не исключает доминанту того или иного геостратегического вектора для конкретной территориальной общности; в условиях экономической стагнации и возрастающего полицентризма регионального развития (что полномасштабно проявляется, в частности, на российском Юге) подобное положение дел множит центробежные риски.

В третьих, в массе реальных ситуаций «многовекторность» вполне может сочетаться с наличием неких «главных», доминантных геостратегических векторов. Ведь многие (внешне самостоятельные) «векторы» взаимодействия России с теми или иными государствами Причерноморья, Закавказья, Ближнего Востока, Средней Азии выстраиваются в контексте либо сохраняющей свою силу «евроинтеграции», глобального доминирования США, либо расширения сферы влияния Китая (причем, не только в русле данных процессов, но и «в противовес» им), т. е., по существу, являются производными «стартовавшего» в конце 1980-х – начале 1990-х гг. глобального геостратегического передала Евразии. Недавние события, кстати, наглядно показали сколь существенны и важны устойчивые российско-турецкие отношения для взаимосвязей Российской Федерации с постсоветскими тюркоязычными государствами. Сама «многовекторность» в этой ситуации достижима лишь в случае сохранения достаточного уровня позитивных отношений России с государствами Запада, укрепления российско-китайского альянса, развития контактов с Индией, Пакистаном, пролонгации российско-турецкого и российско-иранского взаимодействия, выстраивания в целом диалога с Исламским миром. Не менее важно и сохранение (а по возможности, и наращивание) контактов Российской Федерации с постсоветскими странами (в том числе и в формате «евразийской интеграции»). Важным условием реализации императива многовекторного позиционирования России в средне- и долгосрочной перспективе, как видится, является и достижение общего паритета сил по оси «Запад – Китай», создающего предпосылки для равноудаленного (от двух этих мегацентров) и относительно самостоятельного функционирования евразийской полупериферии-периферии; Россия, при этом, должна (и все еще способна!) выступать в качестве основного, ядерного элемента «трансевразийской балансировки».

В присущей территориальной организации общества полимасштабной центро-периферийной архитектонике, многовекторную политику можно, разумеется, выстраивать и реализовывать, обладая позиционным статусом и полупериферии, и, даже, периферии.

В этом случае для «полупериферийно-периферийной» страны многое будет предопределяться общим геостратегическим контекстом, интересами (и возможностями) ведущих геоэкономических и геополитических «игроков», их готовностью сохранять «буферную», как бы «ничейную», «общую» территорию. Именно подобного рода «многовекторность» вероятностна для России (при благоприятном, разумеется, стечении внешних и внутренних обстоятельств), если полагать, что ориентируясь исключительно на внешние «центры силы», наша страна далее будет вяло дрейфовать «по европейско-евразийскому течению». Эту перспективу (в русле инерционного тренда) важно акцентировать, поскольку инициированная распадом СССР социально-экономическая катастрофа и присущая Российской Федерации в последние годы фактическая социально-экономическая стагнация – создают все предпосылки для устойчивой «периферизации» российской территории, особо ощутимой за пределами ведущих городов-метрополий. И Россия в целом, и многие ее регионы постепенно все в большей степени являют черты «полизависимой периферии»; одновременно нарастают как дезинтеграционные риски, так и, в равной мере, неблагоприятная перспектива деградации страны, утраты ею какой бы то ни было геополитической субъектности (и, соответственно, способности самостоятельно, осмысленно выстраивать многовекторную стратегию), превращения (при пролонгации неблагоприятных тенденций) исключительно в периферию Запада, Китая и, фрагментами, иных сопредельных «региональных держав». В этой связи «многовекорность» сама по себе не должна восприниматься как некая «геоидеологическая мантра», равно как и смену геостратегических приоритетов (частичную, подчас медленную) не следует ни чрезмерно превозносить, ни, тем более, драматизировать. «Многовекторность», полагаю, обретает для современной России целесообразность, смысл – лишь как условие, способ сохранения, удержания, развития территории и, кроме того (что еще важнее и напрямую стыкуется с приоритетом обеспечения территориальной целостности), генерирования и наращивания страной «центральных» статусов, позиционных характеристик и функций,

укрепления ее роли как одного их социально-экономических и силовых «полюсов» (и акторов) Евразии.

Важно осознавать, что способность выступать в качестве одной из ведущих «центральных зон» евразийского пространства, располагать потенциалом «мягкой» и иной силы, обладать масштабными и устойчивыми сферами влияния – лишь отчасти «наследуется» и только некоторое время демонстрирует инерцию; за лидерство и влияние нужно постоянно и упорно бороться, в то время как периферийные позиции достаются «по умолчанию», причем, в полной гармонии со всеми многочисленными глобальными и региональными соседями-партнерами-конкурентами. Акцентируя, в этой связи, *вторую группу евразийских альтернатив*, связанных с **центро-периферийным позиционированием** России, следует, в этой связи, подчеркнуть, что последовательная и тотальная ее ориентация на тот или иной внешний «центр силы» в будущем приведет к неизбежному еще большему упадку страны, ее культурной деградации, технологической стагнации, территориальной и этнополитической дезинтеграции. Ситуация, для нас, россиян, в данном случае, практически безальтернативна, поскольку лишь четкий вектор на самосохранение Российской Федерации в качестве устойчивой и в определенной мере самодостаточной социально-экономической целостности, способной выступать одной из доминант многополюсной Евразии – гарантирует стране стратегическую перспективу. В этой связи перед Россией возникает не только сверхзадача экономико-технологического и культурно-нравственного «рывка»[1], но и выбора возможных

[1] Именно в 2021–2025 гг. Россия, как полагает С. Ж. Глазьев, может резко отстать в технологическом и экономическом отношении, что обесценит ее оборонный потенциал и резко усилит внутренние социальные и межэтнические конфликты, как это произошло с СССР в конце 1980-х годов. Конфликты будут разжигаться извне и изнутри, а почвой станут социальное неравенство, неравенство между регионами и экономические проблемы. [С. Ж. Глазьев. Угроза войн и ответ России // Россия в глобальной политике. 3.09.2014. http://www. globalaffairs.ru/number/Ugroza-voin-i-otvet-Rossii-16920 1.10.2014].

(приемлемых) вариантов среди спектра возможных и подчас отчасти конкурирующих, взаимодополняющих **интеграционно-изоляционистских геостратегий** (рис. 15).

Рис. 15. Евразийские альтернативы современной России

Речь, по существу, идет о выборе пространственного формата (или нескольких форматов) евразийского позиционирования, который позволял бы совмещать необходимый простор экономической активности российского бизнеса с четкой реализацией наших государственных (и национальных) геополитических и геокультурных интересов. Важно, при этом, осознавать, что в сверхсложном, «мозаичном», характеризуемом взаимонаслоением пространственных хозяйственных, политических и этнокультурных систем евразийском контексте – для России крайне важен выверенный баланс изоляционизма и интеграции.

На фоне «букварных» рассуждений о глобализации и различного рода «интеграциях», в евразийских реалиях изоляционизм устойчиво прокладывает себе дорогу взаимной агрессией, игнорированием интересов слабых, противопоставлением «своих» и «чужих», ростом проявлений нетерпимости, ксенофобии, территориального и группового эгоизма. Фактическая либо демонстративная изоляция той или иной территории сопутствует всевозможным интеграционным проектам, выступает орудием геополитического и геоэкономического передала и шантажа. Активно применяются изоляционистские стратегии и в борьбе за постсоветское пространство, за его «европейско-евразийский» геостратегический выбор. Изоляционистские стратегии все шире поддерживаются теми или иными социально-территориальными общностями и все чаше применяются политическими режимами в стремлении удержать и укрепить свою власть. Позволяя (разумеется, лишь на определенное время) консолидировать территориальную общность, «затвердить» сферу ее доминирования либо избежать чрезмерного экзогенного давления (тех или иных «центров силы», культурных инноваций, ускоренного формирования иноэтнических диаспор и т. п.) и, тем самым, решить важные, но, тем не менее, конъюнктурные, тактические задачи (стабилизировать качество жизни, купировать негатив ускоренной периферизации, замедлить тренды этнокультурной трансформации) изоляционизм, одновременно, в долгосрочном временном горизонте, ограничивает ресурсные возможности и перспективы страны, ведет к чрезмерным, подчас непосильным затратам на удержание собственной исключительной сферы влияния.

Для России издержки выбора изоляционистских стратегий связаны не только с практически неизбежным переходом самоизоляции в изоляцию, с перспективой дальнейшего «выдавливания» нашей страны как из Европы, так и собственно Евразии, но и с рисками (весьма существенными) нового «витка» территориальной дезинтеграции, поскольку ныне активизированы мощные силы, «нацеленные» на дальнейшее расчленение Российской Федерации. Особо важно, в этой связи, не допустить разрушительно-

го для евразийского пространства и гибельного собственно для России *русского этнического изоляционизма*, равно как и раскола так называемого «Русского мира», его сепарации на сегменты, объединяемые РФ и относящиеся к сопредельным государствам, на успешные российские регионы и территории – аутсайдеры, на «чисто русские» и иноэтнические территории; крайне опасно, недопустимо, при этом, какое-либо противопоставление «русских регионов» – остальной России, «Русского мира» – Евразии (ее «сердцевинной», хранящей «память» о СССР части).

Тем не менее, и интеграция интеграции – рознь. Провозглашая весьма конструктивные, значимые для Российской Федерации идеи «большого Евразийского партнерства» и «большой Евразии» (озвученные В. В. Путиным в его выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июля 2016 года) и поддерживая различного рода трансевразийские проекты (например, выдвинутую Китаем и уже практически реализуемую идею «Один пояс и один путь»), наша страна призвана приоритетным образом развивать «свои», центрированные на России интеграционные объединения – ОДКБ и Евразийский экономический союз. Любая евразийская интеграция (в том числе имплементация ранее популярных, а в последние два года несколько подзабытых идей «Большой Европы»[1]), при этом, должна осуществляться с учетом как ее экономических, так и этнодемографических, этнокультурных, геополитических издержек и рисков; она должна укреплять Россию, а не способствовать ее эрозии.

Какие из спектра вышеназванных альтернатив окажутся реализованы – предугадать сложно, поскольку факторы евразийской динамики изменчивы, разноаспектны и в существенной мере корреспондируют с перспективой Евросоюза, США, Китая, с демографической и миграционной динамикой стран Исламской Уммы, с планетарными технико-технологическими и природно-

[1] Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Федорова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014.

климатическими изменениями, а также целым рядом иных обстоятельств. Многое, тем не менее, зависит и от самой России, от ее способности обрести продуктивную и привлекательную социально-экономическую систему, выработать действенные форматы этнокультурного и конфессионального диалога и, на этой основе, выстроить сбалансированную и устойчивую модель межстрановых взаимодействий, реинтегрировать и укрепить евразийское пространство.

Порождая стратегическую неопределенность, современный глобальный контекст все еще оставляет для России весьма широкий «коридор возможностей»; все они так или иначе связаны с «Евразией», с ее многополюсной архитектоникой, с евразийским позиционированием нашей страны. Важно, при этом, понимать, что сама «Евразия» (как общественно-географическая, геокультурная реальность, как специфическая территория и особый геоконцепт) в современном своем виде существует лишь покуда сохраняется Россия, пока наша страна способна генерировать и проводить самостоятельную политику, пока Российская Федерация являет сердцевину, «несущий конструкт» всего Русского мира, пока она территориально целостна и выступает как многонациональное, поликультурное и поликонфессиональное образование, «притягательное» для других евразийских этносов и государств.

Высвечивая российскую специфику, очерчивая сферу приоритетных геополитических, геоэкономических и геокультурных интересов Российской Федерации, предопределяя ее долгосрочные стратегические векторы и альтернативы, евразийская идея продолжает оставаться судьбоносной, магистральной, сверхактуальной для России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аватков В. А.* Российско-турецкие отношения // Россия и страны Востока в постбиполярный период / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014. - 368 с.
2. *Агафонов Н. Т., Лавров С. Б., Хорев Б. С.* О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия ВГО. 1982. Вып. 6. С. 5 – 11.
3. *Аккая М.* Российско-турецкие отношения в 2000-2006 гг. // Власть. 2008. № 11. С. 69-73.
4. *Актюрк С.* Конт-гегемонистские взгляды и примирение через прошлое: случай турецкого евразийства // Ab imperio. 2004. № 4. С. 207-215.
5. *Андреев А. Л.* Европа или Евразия? Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 10. С. 913-917.
6. *Арслан М.* Географический анализ внешнеэкономических связей между Турцией и Россией. Автореф. Дисс. канд. геогр. наук. М. 2003.
7. *Арслан М., Рахимбай В.* Зачем нужен России таможенный союз? // Южная и Центральная Азия: исторические, политические, социально-экономические и культурные вопросы сотрудничества. Алматы. 2014.
8. *Багров Н. В.* Региональная геополитика устойчивого развития / Н. В. Багров. – К.: Либідь, 2002. – 253 с.
9. *Байфорд Э.* Евразия, пришедшая в движение // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 317-322.
10. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
11. *Безруков Л. А.* Экономико-географическая концепция евразийства и ее развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. № 4. С. 12-24.
12. *Безруков Л. А.* Трансиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие //ЭКО. 2016. 7 (505). С. 21-36.
13. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.

14. *Брюне Антуан, Гишар Жан-Поль*. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения : пер. с фр. / Гишар Жан-Поль, Брюне Антуан. – М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.
15. Будущее Центральной Евразии // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] // http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tcentralnoi-Evrazii-17441 (Дата обращщения – 07.06.2015).
16. *Бусыгина И. М.* Пространственные стратегии ЕС и России в Причерноморье // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / Под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Языковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15 – 18 мая 2011). Москва: изд-во «Вузовская книга», 2011.
17. *Быков А. Н.* Экономическая интеграция и ее перспективы на постсоветском евразийском пространстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 7. С. 7-19.
18. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997.
19. *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. – Симферополь, 1881.
20. *Герасименко Т. И.* Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 38 – 50.
21. *Гладкий Ю. Н.* Москва в зеркале региональных социально-экономических патологий // Известия РГО. Т. 130. Вып. 4. 1998. С. 64–71.
22. *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
23. *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб., 2010. 664 с.
24. *Годин Ю.* Россия и СНГ: геополитические выводы // МЭ и МО. 2009. № 4. С. 90-94.
25. *Головнев А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
26. *Гомар Т.* Последствия раскола между Россией и Западом Россия в глобальной политике. 2015. № 2. [Электронный ресурс] // http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tcentralnoi-Evrazii-17441 (Дата обращения – 07.06.2015).

27. *Гумилев Л. Н.* Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Изд-во ГО СССР. 1984. С. 42 – 57.
28. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
29. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
30. *Гумилев Л. Н.* // Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Советский писатель: Ленинград, отдел. , 1990. 78 с.
31. *Гумилев Л. Н.* В Горбачеве я вижу Августа. «Союз», No18, 1991.
32. *Гумилев Л.* Заметки последнего евразийца // Наше наследие, 1991, № 3. С. 14 – 25.
33. *Гюльтекин Б.* Развитие турецко-российского сотрудничества на Кавказе // Экономико-географический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 3. С. 18-25.
34. *Дергачев В. А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное из-дание на CD + Интернет-гиперссылки) – Издательский проект профессора Дергачева, 2 011.
35. *Дергачев В. А.* Многопартнерская геополитика Турции. – Вестник аналитики, 2010, № 3 [Электронное издание] http://www.dergachev.ru/analit/191010.html (Дата доступа – 28.09.2015).
36. *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап ее решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32 – 36.
37. *Дружинин А. Г., Сущий С. Я.* География русской культуры: подходы к исследованию // Известия русского географического общества. Т. 125. Вып. 6, 1993.
38. *Дружинин А. Г.* Теоретико-методологические основы географических исследований культуры. Автореф. дисс. доктора географич. наук. Санкт-Петербург. 1995.
39. *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996, № 1. С. 3 – 10.
40. *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
41. *Дружинин А. Г.* Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23 – 30.
42. *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2009. 288 с.

43. *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилева. 2012. С. 51 – 57.
44. *Дружинин А. Г.* Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте //Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 1 (4). С. 3-16.
45. *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2013. – № 2. – С. 25 – 36.
46. *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78-87.
47. *Дружинин А. Г.* Российско-турецкое взаимодействие в пространстве постсоветской Евразии: возможности, проблемы и перспективы для Юга России// Научная мысль Кавказа. 2013. № 1.
48. *Дружинин А. Г.* «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте// Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014, № 2 (9). С. 3-14.
49. *Дружинин А. Г.* Полизависимость в центро-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29-40.
50. *Дружинин А. Г., Сухинин С. А.* «Крымский фактор» в современных российско-турецких отношениях: некоторые геокультурные аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015, № 1 (10). С. 3-20.
51. *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнеторговой статистики // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 74-85.
52. *Дружинин А. Г.* Актуальные тренды взаимодействия России и Турции в геоэкономической сфере: южно-российская проекция // Ученые

записки Крымского федерального университета. Серия «География-геология». 2015. № 1. С. 3-14.
53. *Дружинин А. Г.* Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 78-85.
54. *Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н.* Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления исследований // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. № 1 С. 5-20.
55. *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
56. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М. 1997.
57. *Дугин А. Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ "Евразия". 2004. 288 с.
58. *Дугин А. Г.* Евразийский реванш России. М. Алгоритм. 2014. 256 с.
59. *Егоров В. К.* Россия и Турция: конструктивная взаимозависимость // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 132-145.
60. *Жданов Ю. А.* Солнечное сплетение Евразии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998, № 2. С. 3 -10.
61. *Замятин Д. Н.* Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин; Сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339-377.
62. *Ибрагимов Айдын, Кахраман Селвер О., Чалышкан Ведат*. Геополитические контакты России и Турции в условиях многополярного мира // Россия в многополярной конфигурации. Сборник Докладов Международной Конференции. Москва,28-29 октября 2010 г.)/ Отв. ред. д. э. н., проф. С. П. Глинкина-М. ИЭ РАН,2011г. -752с.
63. *Ибрагимов А.* Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015, № 2 (11). С. 18-27.
64. *Иванов Г. И.* Картины России по географическим областям. Петроград, 1917. 115 с.
65. *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926-1933. София. Изд. «За Россию». 1934. 78с.
66. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81-97.

67. *Иноземцев В.* Сырьевая специализация может быть благом для России // Ведомости. 06. 08. 2013.
68. *Кабузан В.* Русские в мире. СПб, 1996. 586 с.
69. *Каганский В. Л.* Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. – М.: Наука, 2004. С. 201–216. (Цивилизации; Вып. 6).
70. *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007, с. 531–590.
71. *Каледин Н. В.* Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32-42
72. *Караганов С., Макаров И.* Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] http://svop.ru/main/14175/ (Дата доступа – 06.02.2015).
73. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 4 т. М. 1993.
74. *Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. 320 с.
75. *Киселев С. Н.* «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье / С. Н. Киселев // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 68–78.
76. *Колосов В. А., Зотова М. В., Вендина О. И., Себенцов Л. Б.* Российское приграничье: современные вызовы и подходы к изучению// Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С. 234-256.
77. *Косов Ю. В., Торопыгин А. В.* Некоторые особенности интеграционных процессов на евразийском пространстве //Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 157 -163.
78. *Красавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея. Петроград, 1922.
79. *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
80. *Лескова И. В.* Интеграционный потенциал евразийского пространства// Экономика и социум: современные модели развития. 2012. № 3. С. 171-175.
81. *Лукьянов Ф.* Другая Европа и другая Евразия // Газета Ру. 11. 12. 2014.

82. *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 303 с.
83. *Мартынов В. Л., Сазонова Е. И.* Турция между Западом и Востоком // Известия РГО. 2011. № 3. С. 31-37.
84. *Межевич Н. М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.
85. *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб. Издание А. С. Суворина. 1907. 157 с.
86. *Мироненко Н. С.* Геополитическая концепция евразийства // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. – 1997. – № 6. – С. 53–65.
87. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2014. ЦИИ ЕАБР, 2014. 44 с.
88. Национальная идея России. В 6 т. Т. I. – М.: Научный эксперт, 2012. 372 с.
89. *Нежат Т.* Влияние российско-турецких отношений на региональную безопасность: разногласия, риски, возможности // Стабильность в Причерноморском регионе: внешние и внутрирегиональные угрозы и пути их преодоления»: Сборник материалов. ООО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2012. С 73-93.
90. *Неклесса А.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 20. 03. 2013.
91. *Нефедова Т. Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен// Региональные исследования, № 5 (20), 2008. С. 46 – 54.
92. *Никитченко А.* Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] http://regnum.ru/news/economy/2087555.html (Дата доступа – 2.03.2016).
93. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. 2009. М. 2009.
94. *Носков В. В.* Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32.
95. *Овчинников В. Н., Колесников Ю. С.* Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 176 с.
96. Османская империя // Новый энциклопедический словарь. М. 2002. С. 858.
97. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н. Н. Алексеев; под ред. В. А. Томсинова. – Москва: Зерцало: Система Гарант, 2007. 193 с

98. *Портняков В. Я.* Возвращение Китая: что дальше Россия в глобальной политике. 2014. № 3.
99. Постсоветские государства. Под ред. Ж. Радвани. Armand Coline . 2004. ООО “NOTA BENE». М. 2008.
100. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.
101. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3. 10. 2011.
102. *Путин В. В.* Выступление на заседании Валдайского клуба «Многообразие России для современного мира» [Электронный ресурс] // http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (Дата доступа – 25.04.2015).
103. *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
104. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001.
105. Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007.
106. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 367 с.
107. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Изд-во «Беловодье», 1997.
108. *Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П., Харланова Н. Н*. Этнический фундамент населения России// СОЦИС. №4, 2001 г.
109. *Рыбаковский Л. Л.* Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию //Социологические исследования»№ 2, 2009г.
110. *Рязанцев С.* Трудовые миграции из России и новая российская диаспора за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 34-41.
111. *Савицкий П.* Евразийство // Русская идея. В 2-х томах. Т. 1. М., 1994.
112. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
113. *Синяк Ю. В., Бесчинский А. А.* Возможная роль российского природного газа в социально-экономическом развития евразийского пространства в XXI веке // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. С. 55-76.

114. *Соколовский Н. И.* География. Часть четвертая. География Российской Империи. Санкт-Петербург, 1846. 295 с.
115. *Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль. 1989. 347 с.
116. *Стегний П. В.* Вдвоем на «хартленде» // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. [Электронный ресурс.] // http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tcentralnoi-Evrazii-17441 (Дата обращения – 07.06.2015).
117. *Сущий С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.
118. *Таракчи Нежат.* Стать самостоятельным геополитическим игроком – иного не дано // «Еженедельник 2000». 22.11.2012. URL: http://2000.net.ua/2000/forum/puls/85669 (Дата доступа – 30.11.2014).
119. *Трейвиш А. И.* Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции // Известия Академии Наук. Сер. геогр. – 2000. № 3. – С. 9-22.
120. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
121. *Трейвиш А. И.* Россия и другие страны-гиганты: вызовы XXI века // Вызовы XXI века: природа, общество, пространство. Ответ географов стран СНГ. М. 2012.
122. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.
123. *Туровский Р.* Политическая география. М. 1999.
124. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Издательство Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, 2014. 536 с.
125. *Фридман Дж.* «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
126. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Издательство «Весь мир», 2011. 336 с.
127. *Хакимов Р. С.* Евразия как конфедерация стран и народов Востока// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2-1. С. 248-254.
128. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
129. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2007. М., 2007.

130. *Цымбурский В. Л.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / Ред.-сост. Г. Б. Кремнев, Б. В. Межуев. М.: Европа, 2011.
131. *Челышев Е. П.* Евразия: проблемы восточно-западного синтеза в русской культурной традиции и наследие евразийцев// Пространство и Время. 2010. № 2. С. 8-16.
132. *Чистобаев А. И.* Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л. Н. Гумилева и 50-летию К. П. Иванова. СПб: НИИХимии. СПбГУ, 2002.
133. *Чистобаев А. И.* О жизни и географии с любовью. Книга 1. Санкт-Петербург-Смоленск: Универсум 2005. 452 с.
134. *Шахидов А. Ш.* Россия и Турция: от войн до союза // Евразийский юридический журнал. 2009. № 14. С. 113-117.
135. *Швец А. Б., Яковлев А. Н.* О новых трендах «Нового Крыма» // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований. / Под ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции. Симферополь. ИТ «Ариал». 2015. С. 520-525.
136. *Шевяков А.* Россия, Турция и страны СНГ // Россия и мусульманский мир. 2004. № 9. С. 136-150.
137. *Шупер В. А.* Методология географии на переломе эпох // Изв. РАН. Сер. географическая. 2003. № 4. с. 27-35.
138. *Шупер В. А.* Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С. 529-539.
139. *Языкова А. Южный* Кавказ: уравнение со многими неизветными // Вестник Аналитики. 2005 № 2.
140. *Языкова А. А.* Перекресток многостороннего сотрудничества // Современная Европа. 2009. № 4. С. 23-37.
141. *Языкова А. А.* Черноморский регион: современные факторы геополитики и геоэкономики // Причерноморье в XXI веке: социально-экономическое развитие и межрегиональные взаимодействия в контексте глобализации / Под общей ред. А. Г. Дружинина, В. А. Колосова, А. А. Языковой. Сборник материалов международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 15 – 18 мая 2011). Москва: изд-во «Вузовская книга», 2011.

142. *Aliboni R.* “Globalization and the Wider Black sea area: Interaction with the European Union, eastern Mediterranean and the Middle east” Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 6, June 2006, pp. 157–168.
143. *Anıl Çeçen, Atatürk* ve Avrasya//Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık,İstanbul,1998, s. 125-126.
144. *Ayhan Kamel.* İkinci Dünya Savaşı'nın Bitiminden Günümüze Kadar Türk – Rus İlişkileri // «Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 yıllık süreç». (Ankara. 15-17 Ekim 1997). 1999 // URL: http://www.dispolitika.org.tr/dosyalar/akamel_p.htm (Дата доступа – 11.11.2013).
145. Balance of Power. Theory and Practice in the 21st Century. Ed. By T. V. Paul, James J. Wirtz, and Michail Fortmann. Stanford: Stanford University Press, 2004.
146. *Ferit Temur.* Türk-Rus İlişkilerine Medeniyetsel Bir Bakış // Stratejik Düşünce Enstitüsü). 15.07.2014 года // URL: http://www.sde.org.tr/tr/newsdetail/turk-rus-iliskilerine-medeniyetsel-bir-bakis/3801 (Дата доступа – 11.11.2014).
147. *Friedman G.* The Next 100 years. A Forecast for the 21st century. – NY: Doubleday, 2009. 344 c.
148. *Furkan KAYA.* Türkiye’nin Enerji Stratejisi // Uluslarası Politika Akademisi). 17.02.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiyenin-enerji-stratejisi/ (Дата доступа – 11.11.2014).
149. *Hayrat Celal.* 16 Mart sonrası dünya değişti. «Yeni Mesaj». 14.04.2014.
150. *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.
151. *Gökhan Bacık.* Ekonomiyi bırak Kırım’a bak // «Bugün» [Электронное издание] http://www.bugun.com.tr/ekonomiyi-birak-kirima-bak-yazisi-1583977 (дата обращения – 10.04.2015) Abdullah Muradoğlu. (дата обращения – 19.03.2015).
152. *Gökçe D.* Obama’dan sonra Putin, Akşam Gazetesi, 14.11.2010.
153. *Göktürk Tüysüzoğlu.* Türkiye-Rusya İlişkileri: Yüksek Düzeyli Stratejik Rekabet // Uluslarası Politika Akademisi. 26.11.2013 года // URL: http://politikaakademisi.org/turkiye-rusya-iliskileri-yuksek-duzeyli-stratejik-rekabet/ (Дата доступа – 11.11.2014)
154. *İhsan Tayhani.* Tarihte Türk-Rus İlişkileri (1878-1923) // «Dokuz Eylül Üniversitesi Buca Eğitim Fakültesi Dergisi». 2007. № 22. S. 144–151 // URL: http://www.befjournal.com.tr/index.php/dergi/article/view/242/208 (Дата доступа – 11.11.2014).

155. *Kerim Has.* Bölgesel Krizlerin Etkisinde Türk-Rus İlişkilerinin Dönüşümü // Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu (USAK)). 1.11.2011. // URL: http://www.usakgundem.com/yorum/489/b %C3 %B6lgesel-krizlerin-etkisinde-t %C3 %BCrk-rus- %C4 %B0li %C5 %9Fkilerinin-d %C3 %B6n %C3 %BC %C5 %9F %C3 %BCm %C3 %BC.html (Дата доступа – 11.11.2014).
156. *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996.
157. *Mehmet Seyfettin Erol.* 'Türk-Rus İmparatorluğu' mu? // «Milli Gazete» [Электронное издание] http://www.milligazete.com.tr/koseyazisi/Turk-Rus_Imparatorlugu_mu/22536#.VH_-N8nu9ZYl (Дата доступа – 04.12.2014)
158. *Muzaffer Ercan Yılmaz.* Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus İlişkileri // «Akademik Fener». 2010. № 14. S. 27-42 // URL: http:// www. bjmer. net/Makaleler/828608403_27-42 %20muzaffer.PDF (Дата доступа – 11.11.2014).
159. *Rahim Er.* ÇARLIK RUSYASININ DÖNÜŞÜ) // «Turkiye gazetesi», 11.02.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://www.turkiyegazetesi.com.tr/yazarlar/rahim-er/584786.aspx (Дата доступа – 05.06.2015).
160. Türkiye Dış Ticaret İstatistikleri [Электрон. ресурс]: Адрес доступа: www.ekonomi.gov.tr 05.02.2013.
161. *Wallerstein I. Modern* World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley: University of California Press. 2011.

Научное издание

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОЙ ЕВРАЗИИ: взгляд географа-обществоведа

Монография

Подписано в печать 17.08.2016 г. Заказ № 5283.
Тираж 300 экз. Формат 60×84 1/ 16. Усл. печ. лист. 13,25. Уч. изд. л. 9,72.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 247-80-51.

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, Президент Ассоциации Российских географов-обществоведов (АРГО), директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, alexdru9@mail.ru

Родился в 1962 году. В 1979 г. окончил с золотой медалью среднюю школу в Ростове-на-Дону. Выпускник (диплом с отличием) географического отделения геолого-географического факультета Ростовского государственного (Южного федерального) университета (1984 г.), в котором работает и поныне. С 1986 г. – кандидат, а с 1995 года – доктор географических наук. Кандидатскую и докторскую диссертации защитил в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете. С 1999 г. – профессор по специальности «Региональная экономика».

Основная сфера научных интересов А.Г. Дружинина – география русской культуры, геополитика и геоэкономика, геоурбанистика, географические, экономические и социально-экологические проблемы Юга России, а также теория и методология общественной географии. Им реализовано тридцать крупных исследовательских проектов (в том числе поддержанных грантами РФФИ, РГНФ, РНФ), опубликовано более 400 научных трудов, включая 32 монографии. Под научным руководством А.Г. Дружинина подготовили и успешно защитили диссертации 78 кандидатов географических и экономических наук и два доктора экономических наук. А.Г. Дружинин – главный редактор научного журнала «Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов», член редколлегий и редакционных советов ряда российских и зарубежных изданий. Активный путешественник, посетивший более 100 стран мира.

9 785927 520411